341.24
K33

341.24
К33.
341.28 Шфсса
К33

Дж. М. Кейнс

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Записн. фонд
38504

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Д. П. КОНЧАЛОВСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ
Ш. М. ДВОЛАЙЦКОГО

668
КРАСНОЙ ПРОФ. СОЮЗЫ
КАБИНЕТ
ИСТОРИИ ПРАВА
ИНСТИТУТ
БИБЛИОТЕКА
Управления делами
Президиума Верховного
Совета СССР
№ 24957

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО □ 1922

88080617 Б-ка АП РФ

Гиз. № 2518. (Р. Ц. Москва). № 237. Напеч. 2.000 экз.

1-я Образцовая типография М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
Предисловие к русскому изданию Ш. Дволайцкого		V
Предисловие автора		XV
Глава I.	Введение	1
Глава II.	Европа перед войною	4
	1. Население	5
	2. Организация	7
	3. Психология общества	8
	4. Отношение Европы к Новому Свету	10
Глава III.	Мирная конференция	12
Глава IV.	Мирный договор с Германией	25
	1. Заморская торговля	29
	2. Эксплоатация угля и железа	37
	3. Германская система транспорта	46
Глава V.	Возмещение убытков	51
	1. Вычисления убытков, предшествующие мирным переговорам	—
	2. Мирная конференция и условия договора	61
	3. Платежеспособность Германии	76
	4. Комиссия по возмещению убытков	96
	5. Ответные предложения Германии	101
Глава VI.	Европа после мирного договора	105
Глава VII.	Средства восстановить Европу	117
	1. Пересмотр мирного договора	119
	2. Погашение взаимной задолженности	124
	3. Международный заем	131
	4. Отношения Центральной Европы к России	133

Предисловие к русскому изданию.

Джон Мэйнард Кэйнс, несомненно, принадлежит к числу наиболее дальновидных представителей буржуазии. Будучи одним из участников Парижской мирной конференции, он не поддался влиянию дикого разгула национального шовинизма, охватившего господствующие классы Европы и насытившего атмосферу дворцов, где заседали „миротворцы" и „спасители человечества". Кэйнсу еще во время работ конференции удалось сквозь угар победы заглянуть далеко вперед и оценить создавшееся положение не сквозь призму животной ненависти к поверженному врагу, а с точки зрения грядущих судеб капиталистического мира.

Возврат к мирным временам, установление равновесия капиталистического хозяйства, туманная мечта о буржуазной гармонии— таковы руководящие звезды автора настоящей книги, представляющего собой живого носителя умирающего экономического либерализма. Хотя он, как говорят, после принятия Версальского договора и вступил в английскую Рабочую Партию, но перспективы социализма, как положительного достижения трудящихся масс, ему совершенно чужды. Более того, профессор архи-буржуазного университета и видный чиновник королевского министерства финансов, он не может без трепета говорить о революции. Мысль об ее „отчаянных судорогах", о связанном с нею даже в случае победы пролетариата „разрушении цивилизации и плодов прогресса нашего поколения" и „угроза спартакизма" приводят его в смертельный ужас.

Повторяю, Кейнс—не социалист и не революционер. Это, конечно, ограничивает размах его мысли и вводит в определенные рамки его прогнозы. Буржуа по складу ума, он органически неспособен решать выдвигаемые им вопросы иначе как при условии незыблемости капиталистического строя. Это—факт, который нужно иметь в виду при чтении книжки Кэйнса. Но поскольку экономическая мысль, маневрируя в рамках капиталистического порядка вещей, вообще может приводить к плодотворным заключениям, Кэйнс продумывал обстановку, сложившуюся после заключения Версальского договора, до конца: он не останавливался перед „общественным мнением", не пугался своих собственных выводов и смело поставил все точки над i.

По поводу работы Кэйнса можно было бы сделать целый ряд критических замечаний второстепенного свойства. Верный своей природе, он не стесняется рассказывать небылицы про большевиков. („Ленин, говорят, заявил, что наилучшее средство уничтожить капиталистический строй—расстроить денежное обращение"). Он иногда

подкрепляет свои вполне резонные научные выводы аргументацией от „законов религии“ и „естественной морали“. Он кое-где переоценивает влияние Версальского договора на народное хозяйство Германии (напр., добыча угля) и т. д. Но в основном—в главном диагнозе и прогнозе развития мирового капиталистического хозяйства в ближайшие годы после заключения мира—Кэйнс, несомненно, оказался прав.

Предлагаемая вниманию читателя книга написана более двух лет тому назад—вскоре после ратификации германским рейхстагом Версальского договора. Но автор ее уже тогда предвидел, что продиктованные Германии условия окажутся для нее невыполнимыми. Он указывал, что договор не содержит в себе никаких мероприятий, которые могли бы способствовать экономическому воссозданию капиталистической Европы и „усилению экономической солидарности между самими союзниками“. Он подчеркивал, что мирные условия в том виде, как они формулированы в Версальском договоре, убивают всякие надежды на то, что поверженные страны превратятся когда-нибудь в „добрых соседей“ стран-победительниц. Считая, что государства Антанты „блокируют не столько Россию, сколько самих себя“, Кэйнс открыто обвинял героев Версаля в игнорировании России (хотя бы и большевистской), как могучего фактора в системе мирового хозяйства.

Во имя спасения капитализма Кэйнс требовал устранения всех этих „дефектов“ договора. Он, другими словами, добивался решительного изменения международной политики стран-победительниц. В главе VII читатель ознакомится с продуманной и цельной программой конкретных мероприятий, выдвинутых Кэйнсом еще в конце 1919 года. Он уже тогда поставил вопрос о пересмотре договора, о ликвидации межсоюзнической задолженности, о международном займе для восстановления хозяйства наиболее пострадавших стран и, наконец, о России. И что же мы видим сейчас? Потребовалось около двух лет времени, понадобился невиданный в мире капиталистический кризис, нужны были миллионы безработных и сотни тысяч голодных смертей, чтобы капиталистические правительства Европы поняли, что политика удушения Германии и изолирования России таит в себе огромные опасности для самих победителей. Сжатые в тиски „национальных капитализмов“, вершители судеб отдельных стран упорно не желали понять, что они во имя спасения своих собственных „отечеств“ должны вести международную политику, отличную по своему содержанию от версальского документа. Вместо диких шовинистических лозунгов, под которыми проходили избирательные кампании в главных странах-победительницах, мы из уст наиболее дальновидных вождей господствующих классов частенько слышим теперь уже совершенно иные речи. А английское правительство в лице Ллойд-Джорджа решительно добивается постановки в порядок дня созываемой теперь международной конференции программы, которая, по сути дела, не отличается от программы, выдвинутой Кэйнсом. Его проекты в значительной своей части приняты, наконец, буржуазией Англии. Правда, не все „союзники“ склонны с нею согласиться. „Germaniam esse delendam“ и „le boche payera tout“—вопит тупоголовый французский мещанин. Он хочет уничтожить врага и в то же самое время надеется, что немец будет чуть ли не полстолетия платить непосильную дань. Но факт тот, что та глухая стена, кото-

рую столь безуспешно пытался пробить в свое время Кэйнс, дала уже огромную брешь. Программа Кэйнса становится программой буржуазии, острее других ощущающей свою связь с мировым капитализмом. Это только доказывает, что Кэйнс оказался одним из наиболее трезвых и преданных сыновей своего класса.

Насколько правильны были выводы Кэйнса, можно судить по главным дополнительным соглашениям, которые союзники заключили с Германией уже после того, как вышла в свет настоящая работа. Во всех этих соглашениях союзники *вынуждены* были пренебречь буквой, а иногда и духом мирного договора и в значительной мере сократить предъявленные в Версале требования,—иначе они рисковали зарезать курицу, несущую золотые яйца. Первый шаг в этом направлении был сделан *конференцией в Спа*, которая состоялась в июле 1920 года и коснулась вопроса об угольных поставках.

Версальский договор наложил на Германию огромную угольную контрибуцию: она обязалась в ближайшие годы доставлять союзникам свыше 20 милл. тонн ежегодно и, сверх того, возмещать Франции всю разницу между довоенным производством ее разрушенных копей (Север и Па-де-Калэ) и их производством после заключения мира, с таким расчетом, чтобы соответствующее количество угля не превышало 20 милл. тонн в ближайшие годы; итого, стало быть, Германия обязалась сдавать союзникам 40—41 милл. тонн угля ежегодно (часть VIII, прил. V, §§ 2—4). Цены на уголь, доставляемый по железным дорогам или речным путем исчислялся из цен, по которым он отпускался германскому потребителю на копях, плюс стоимость перевозки до границ Франции, Бельгии, Италии или Люксембурга, но они не должны были быть выше цен английского экспортного угля франко копи. В качестве цен на уголь, транспортируемый в счет контрибуции морским путем, договор берет либо германские, либо английские экспортные цены франко борт, но во всяком случае те из них, которые в данное время ниже.

Однако чуть ли не через месяц после ратификации рейхстагом договора между союзниками, с одной стороны, и Германией,—с другой, началась длинная переписка по поводу угольных поставок. Союзники с самого начала отступили от договора, установив, что Германия должна сдавать ежемесячно до конца апреля 1920 г. по 1660 тыс. тонн и по 60% всего избытка германского производства сверх 9 милл. тонн в месяц. Репарационная комиссия систематически, из месяца в месяц, определяла размер германских угольных поставок, а Германия, жалуясь все время на чрезвычайные обстоятельства,—то на беспорядки, то на забастовки, то на высокий уровень Рейна,—ходатайствовала о скидках и систематически сдавала меньше угля, чем полагалось (с сентября 1919 г. по конец мая 1920 г. 5.658.000 тонн, т.-е. по 561.000 тонн ежемесячно). Так обстояло дело до конференции в Спа.

После долгих переговоров и четырех германских контр-предложений стороны, собравшись на названную конференцию, 16 июля 1920 года, подписали протокол, содержание которого в основных чертах сводится к следующему: 1) Германское правительство обязуется, начиная с 1-го августа 1920 г. в продолжение шести месяцев поставлять союзникам по 2 милл. тонн ежемесячно; 2) уголь, доставляемый по железным дорогам или речным путем, засчитывается в счет контрибуции (или по официальному „репарации") по ценам на

внутреннем германском рынке, но союзники, с целью улучшения качества сдаваемого им угля, выплачивают Германии за каждую тонну премию в 5 марок золотом, которые идут на покупку продовольствия для немецких горнорабочих; 3) союзники открывают Германии кредит в размере разницы между ценами на германском рынке плюс премиальная надбавка и ценами на мировом рынке. Соответственно этому соглашению Германия должна была за август 1920 г.—январь 1921 г. сдать союзникам вместо 20 приблизительно миллионов тонн, требуемых Версальским договором, всего-навсего 12 миллионов и на условиях гораздо более благоприятных, чем те, которые предусмотрены договором. В действительности союзники за указанный срок, по моим подсчетам, не дополучили в переводе на каменный уголь 707 тысяч тонн[1]). В продолжение 1921 года количества сдаваемого Германией угля были еще ниже, чем за указанное выше полугодие (в январе 1.680.000 тонн, в июле 1.407.000 тонн, в октябре 1.608.000 тонн). Правда, в 1921 году были случаи, когда, напр., Франция оказывалась не в состоянии принять всего причитающегося ей угля, но факт тот, что *Антанта 16-го июля 1920 года вынуждена была по вопросу об угольной контрибуции Германии уступить и отказаться от своих первоначальных требований, формулированных Версальским договором*[2]).

Точные размеры германской контрибуции, как известно, не были установлены Версальским договором: союзники в продолжение полутора лет занимались исчислением убытков, причиненных их „гражданскому населению" немецкими нападениями „на суше, на море и с воздуха". Конкретно вопрос о „репарациях" впервые был поставлен лишь на *Парижской конференции*, состоявшейся в конце января 1921 года. Основываясь на 231, 232 и 233 статьях Версальского договора, союзники 29 января предъявили Германии требования, которые сводятся к следующему. Германия, начиная с 1 мая 1921 г., уплачивает фиксированные взносы (постоянные аннуитеты) по такой схеме:

С 1 мая	1921 г.	по 1 мая	1923 г.	по	два	миллиарда	золот.	марок	ежегодно.
„ „ „	1923 „	„ „ „	1926 „	„	три	„	„	„	„
„ „ „	1926 „	„ „ „	1929 „	„	четыре	„	„	„	„
„ „ „	1929 „	„ „ „	1932 „	„	пяти	„	„	„	„
„ „ „	1932 „	„ „ „	1963 „	„	шести	„	„	„	„

[1]) Тонна брикетов из бурого угля принимается равной тонне каменного угля; тонна кокса—четырем третьям тонн кам. угля (последнее прямо оговорено в договоре, ч. VIII, прил. V, § 7).

[2]) Количество угля фактически сданного Германией Антанте в 1921 г., определяется, в переводе на каменный уголь, следующими цифрами (в тысячах тонн):

Январь	1.693	Июль	1.407
Февраль	1.889	Август	1.544
Март	1.413	Сентябрь	1.663
Апрель	1.508	Октябрь	1.491
Май	1.548	Ноябрь	1.471
Июнь	1.442	Декабрь	1.410

Надо заметить, что на февраль и март 1921 (первые два месяца по истечении действия постановления конференции в Спа) угольные поставки Германии были определены Антантой в размере 2.2 милл. тонн ежемесячно, без золотых премий и без авансов. Такая же цифра была установлена и на апрель...

И того, стало-быть, в продолжение 42 лет 226 миллиардов золотых марок. Кроме того, на Германию, на основании тех же парижских требований, возлагается обязательство, начиная с того же 1 мая 1921 г., в продолжение 42 лет каждые шесть месяцев уплачивать союзникам золотые «переменные аннуитеты» в размере 12% с германского вывоза, как бы велик он ни был.

Когда немцы, приглашенные в Лондон на следующую конференцию (1 марта 1921 г.), выступили со своими контр-предложениями, им не стоило никакого труда доказать полную невыполнимость парижских требований. Оставляя в стороне огромное увеличение пассивности германского расчетного баланса, которое вызовет 12%-ный налог на вывоз, немцы указывали, что выплата одних только постоянных аннуитетов потребует увеличения германского экспорта в четыре раза против довоенного или до 40 миллиардов золотых марок: без этого, утверждал германский министр иностранных дел д-р Симонс, стране невозможно будет покрыть огромного пассивного сальдо в ее расчетном балансе. С целью произвести давление на англичан и американцев, немецкая делегация указывала, что германский экспорт в таком случае превысил бы колоссальный вывоз Соединенных Штатов в 1920 г. (34½ миллиарда золотых марок) и был бы в два раза больше английского вывоза за тот же год (19 миллиардов золотых марок). Если бы Германии удалось достигнуть такого положения вещей,—говорил тот же д-р Симонс,—то это означало бы беспримерный демпинг германских товаров и полное изменение индустриальной картины мира.

В своем контр-предложении немцы прежде всего отклонили 12%-ный налог на германский вывоз и согласились принять на себя репарационный долг в размере 50 миллиардов золотых марок, т.-е. суммы, которая получится, если заменить все требуемые Антантой срочные взносы в 226 миллиардов единовременной уплатой в 1921 г. (исходя из 8 сложных процентов ежегодно). Для покрытия этого долга Симонс проектировал международный заем, освобожденный от всяких налогов во всех странах, участвующих в его эмиссии, при чем он на первых порах предлагал мобилизовать таким путем 8 миллиардов золотых марок. Помимо этого немецкая делегация выразила готовность вносить пока, в продолжение ближайших пяти лет, ежегодно по 1 миллиарду зол. марок, которые покрываются, в первую голову, товарами и «германским трудом», привлекаемым для восстановления разрушенных областей. Что же касается огромной части репарационного долга, остающегося за вычетом суммы, полученной посредством международного займа, то Германия предложила платить по ней 5% годовых с тем, чтобы проценты эти до 1 мая 1926 г. покрывались упомянутыми миллиардными аннуитетами; часть непогашенных этими взносами процентов, согласно германскому предложению, должна была быть 1 мая 1926 года присоединена (без сложных процентов) к основному долгу. Рассмотрение вопроса о порядке платежей после 1926 года немцы предлагали отложить.

Однако ни это, ни следующее контр-предложение немецкой делегации приняты не были. Германии был предъявлен решительный ультиматум с рядом вполне реальных угроз, но делегация покинула Лондон, и германское правительство, отозвав своих представителей из Лондона, Парижа и Брюсселя, решила отвергнуть требования Антанты, которая немедленно предприняла против Германии репрес-

сивные меры. Дальнейшие дипломатические переговоры происходили уже под знаком так называемых хозяйственных санкций, тяготевших над Германией в продолжение целого полугодия. Антанта установила на Рейне таможенную границу, разделившую единый хозяйственный организм страны на две части. Союзные войска оккупировали Дюисбург, Рурорт и Дюссельдорф. Англия, Франция, Бельгия и ряд других вассальных по отношению к Антанте стран (в том числе Югославия, Греция и др.) обложили товары, идущие из Германии, специальным налогом в размере 50% с их стоимости.

24 апреля Германия послала ноту, в которой она пошла на дальнейшие уступки, но Антанта и на этот раз отвергла сделанное ей предложение и 3 мая предъявила Германии знаменитый *Лондонский ультиматум*, который по истечении недельного срока был принят в заседании рейхстага. Содержание Лондонского ультиматума в основных чертах сводится к следующему. Репарационный долг устанавливается в размере 132 миллиардов золотых марок. В целях покрытия этой суммы Германия сдает союзникам три серии государственных обязательств. Обязательства первой серии на общую сумму в 12 миллиардов золотых марок, начиная с 1 мая 1921 года, приносят их держателям 5% годовых и погашаются 1% (период погашения 34 года). Вторая серия на сумму в 38 миллиардов золотых марок, сданная 1 ноября 1921 г., приносит такой же процент и погашается на тех же условиях, как и обязательства первой серии (срок погашения $36^1/_2$ лет). На остальные 82 миллиарда Германия выдает союзникам такие же облигации, но Репарационная комиссия не приступает к их размещению до тех пор, пока не будет установлено, что Германия обладает достаточной платежеспособностью для уплаты процентов и для амортизации этого долга. Во всяком случае все избытки, полученные Репарационной комиссией сверх уплат по первым двум сериям, накопляются ею на покрытие процентов по обязательствам последней серии (с 1 мая 1921 г. из 2^1_2% и с 12 мая 1926 г. из 5%). Все эти обязательства в случае их частичного размещения внутри Германии освобождаются на основании ультиматума от всех налогов. В счет платежей по первым двум сериям Германия ежегодно вносит Репарационной комиссии постоянный аннуитет в размере двух миллиардов марок золотом и переменный аннуитет в размере 26% с ценности своего вывоза (при чем этот 26%-ный сбор возмещается германской казной германским экспортерам в размере 25%), итого, следовательно, на первых порах около $3^1/_2$ миллиардов золотом.

Срок взноса первого золотого миллиарда был назначен на 31 августа 1921 г. Германия, если не считать формально не принадлежащего государству золотого запаса Рейхсбанка и других эмиссионных банков, такой суммой, конечно, не располагала, и казначейство вынуждено было обратиться к внутреннему и мировому рынку. Внутри страны золота было немного, так как оно во время войны утекло в нейтральные страны, главным образом, в Скандинавию и Голландию. Поэтому Государственному банку (Reichsbank'у), несмотря на непрерывное повышение цен на золото, удалось к концу августа 1921 г. извлечь из частных рук не более 12—15 миллионов золотых марок, которые существенного значения для покрытия взноса, конечно, иметь не могли. Основным источником явился выпуск бумажных денег. Германское правительство вынуждено было выбрасывать на главнейших биржах Европы и Америки все возрастающие массы бу-

мажек для закупки золота и надежных иностранных девизи, кроме того, заключить почти на ростовщических началах заем в Голландии Заем этот, благодаря своему краткосрочному характеру, не мог, однако, сократить размеров германских бумажно-денежных эмиссий, так как он сам еще в 1921 году подлежал погашению за счет девиз и золота, которые могли быть куплены Германией только на бумажные марки [1]). Это обстоятельство наряду с резко выраженной пассивностью торгового баланса Германии на протяжении 1921 года привело к тому, что на европейских и американских биржах постепенно накоплялись огромные количества германских бумажек, которые всей своей тяжестью начали давить на курс марки (осенью 1921 г. писали, что за границей находится около 50 миллиардов германских марок). С июля началось катастрофическое падение германской валюты: наиболее устойчивая валютная единица—американский доллар, стоивший еще в июне 75 марок, в начале ноября вскочил за 300, и в настоящее время покупается за 200 с лишним марок.—Вот какой ценой Германия заплатила первый золотой миллиард [2]).

Усиление бумажно-денежной инфляции внутри страны и падение курса германской марки, повлекшие за собой резкий рост дороговизны—с одной стороны, и бешеная протекционистская политика, проводившаяся во второй половине истекшего года большинством европейских стран с целью оградить себя от немецкого думпинга, с другой стороны, поставили народное хозяйство Германии в исключительно тяжелое положение. На рубеже 22 года перед Германией во весь свой рост встал призрак кризиса недопроизводства, вследствие невозможности закупить за границей то огромное количество продовольствия и сырья, без которых «облагораживающая» германская промышленность жить не может. Между тем очередные сроки платежей по лондонскому ультиматуму—15 января и 15 февраля 1922 г.—приближались, и вопрос о германской контрибуции вновь встал перед странами победительницами.

В начале января текущего года собралась *Каннская конференция*, которая в своем заседании от 7 числа приняла принципиальное постановление предоставить Германии отсрочку. Размеров и порядка платежей конференция, в связи с развернувшимися через несколько дней политическими событиями, установить не успела, но большинство представленных на ней стран склонялось к тому, чтобы ограничить германские платежи на ближайший год 720 миллионами марок золотом и 1.450 миллионами зол. марок в виде товарных поставок. Платежи

---

[1]) Количество бумажных денег, находившихся в обращении (включая сюда и банкноты и Reichs- и Darlehenkassenscheine), определялось за 9 месяцев 1921 г. следующими цифрами (в миллионах марок в конце соответствующих месяцев):

апрель	80.681
май	81.175
июнь	84.317
июль	86.035
август	88.144
сентябрь	94.222
октябрь	97.063
ноябрь	108.488
декабрь	122.162

Текущий (нефундированный) долг Германии возрос за тот же промежуток времени с 189,6 миллиардов марок до 264,3 миллиардов.

[2]) Осенний «аннуитет» был покрыт товарными поставками.

эти, таким образом, были бы, примерно, на 1,2 миллиарда меньше требований, предусмотренных Лондонским ультиматумом.

Из представителей Антанты на Каннской конференции наибольшую уступчивость по отношению к Германии проявила Англия. Ллойд-Джордж доказывал, что Англия больше всех прочих стран выиграла бы от хозяйственного разорения Германии, что довоенный конкурент Великобритании был бы окончательно скинут с арены мировой конкурентной борьбы, но что она, Англия, на это итти не может в силу соображений гуманного характера. В действительности мотивы, приведенные английским премьером в оправдание своей уступчивости, представляли собой лишь обычные дипломатические фразы, за которыми скрывается совершенно иной смысл, ибо всякому ясно, что вызванное последствиями войны и грабежом Германии колоссальное сужение ее рынка бьет особенно сильно по экспорту Англии. На самом деле английская сговорчивость по вопросу о германской контрибуции диктовалась и диктуется соображениями иного порядка: Англия боится осуществления гегемонии Франции на европейском континенте, которого последняя добивается самым решительным образом. Что дело обстоит именно так, показала воочию Вашингтонская конференция, когда был поставлен вопрос о подводном флоте великих держав. На конференции предложено было ограничить водоизмещение подводного флота Соединенных Штатов и Англии 60.000 тонн; подводный флот Франции проектировалось ограничить 31.000 тонн. Англия с указанным предложением согласилась, но Франция настаивала на тоннаже не ниже 90.000. Ни для кого, конечно, не могло быть сомнений, против кого направлены домогательства ближайшей союзницы Великобритании, ибо Германия—самый опасный для Франции враг на европейском материке—в конце 1918 года перестала существовать в качестве морской военной державы. А если это так, то Англия должна была ориентироваться и действительно ориентируется на то, чтобы противопоставить своей «союзнице», с ее почти миллионной армией и с ее ненасытными империалистическими вожделениями, экономически и милитаристически более сильную державу, чем та Германия, которая в настоящее время не представляет никакой опасности для восточной границы Франции.

Когда предварительное постановление Каннской конференции стало известно в Париже, там поднялась настоящая буря. Возглавляемая г. Пуанкаре-«La» guerre (война), сенатская комиссия по иностранным делам 11 января телеграфировала в Канн Бриану, что она считает невозможными какие бы то ни было уступки со стороны Франции. На другой день Бриан в последний раз в качестве французского премьера выступал в палате депутатов, оправдывая свое поведение на конференции. При криках негодования всей многочисленной шовинистической клики палаты он заявил, между прочим, что большинство членов репарационной комиссии, основываясь на Версальском договоре, сочло себя в праве предоставить Германии отсрочку [1]) и что с этим постановлением нужно считаться, как с фактом.

[1]) На основании § 13 прил. II ст. 244 Версальского договора, единогласное решение репарационной комиссии требуется, между прочим, в следующих случаях:

c) При полной или частной отсрочке платежей, падающих на промежутки времени с 1 мая 1921 г. по конец 1926 г., дальше конца 1930 г.

d) При полной или частичной отсрочке, платежей, падающих на время после 1926 г., на срок свыше трех лет."

Ни того, ни другого пункта „Репарационная комиссия" формально не нарушила.

Благодаря отставке Бриана, Каннская конференция была сорвана, и вопрос о германских платежах был разрешен Репарационной комиссией временно, впредь до нового ее постановления или до разрешения вопроса союзными правительствами. Согласно этому решению Германия до окончательного выяснения вопроса обязуется, начиная с 18 января, регулярно, каждые десять дней, выплачивать Антанте по 31 мил. золотых марок (за год это составило бы около 1,1 миллиарда вместо 2 миллиардов, предусмотренных Лондонским ультиматумом) и в двухнедельный срок представить планы реорганизации своего финансового хозяйства.

Требуемый план был представлен Германией 28 января. Он предусматривает целый ряд мероприятий в деле урегулирования государственного бюджета. Увеличения доходов германское правительство намеревается достигнуть путем усиления налогового пресса, которое должно сопровождаться борьбой против бегства капиталов за границу, а также значительным повышением железнодорожных и почтовых тарифов. В проекте сокращения расходной части бюджета фигурирует прежде всего отказ государственной казны от субсидий на удешевление продовольствия (стоившее государству в 1921 году 22,5 миллиардов марок) и кроме того переложение расходов по страхованию от безработицы на предпринимателей и рабочих. И то и другое, как видно, проводится за счет дальнейшего понижения и без того крайне низкого уровня жизни германского рабочего класса (цены на хлеб, в связи с германской нотой от 28 янв. 16 февраля повышены не более и не менее как на 75%!). Проведением в жизнь всех этих мероприятий германское правительство рассчитывает свести обыкновенный бюджет с излишком в $16^1/_2$ миллиардов [1]) марок (обыкн. доходы 103,2 мд. марок, обыкн. расходы 86,7 мд. марок), которые могут пойти на ликвидацию версальских обязательств. Что же касается размеров и порядка платежей, то Германия в упомянутой ноте не высказывается против цифр, фигурировавших на Каннской конференции (720 миллионов золотом и 1450 мил. товарами), но просит увеличения размеров товарных поставок за счет платежей наличными и выражает готовность участвовать в восстановлении разрушенных областей Франции.

Так обстоит дело теперь, накануне Генуэзской конференции. Какой оборот примет вопрос о германской контрибуции в ближайшем будущем, победит ли на Генуэзской конференции английская или французская точка зрения и состоится ли конференция вообще, сказать сейчас очень трудно. Ясно только одно: *на протяжении двух с половиной лет, протекших со времени принятия Версальского договора, идет постепенный, но систематический пересмотр его основных статей*. Как при пересмотре договора вообще, так и при конкретном разрешении вопросов, которые версальский документ оставил открытыми, ограничившись лишь установлением основных принципов, среди стран-победительниц борются две державы—Франция и Англия. В зависимости от международной обстановки и дипломатических комбинаций, выходящих иногда далеко за пределы европейского континента, берет верх то Англия, то Франция. Правда, до последнего времени французские тенденции при разрешении немецких дел преобладали, и один из существеннейших для Германии вопросов—

[1]) На золото это составляет около 400 миллионов марок.

вопрос о Верхней Силезии, вопреки плебисциту, был разрешен в интересах Франции. Самая промышленная часть этой богатейшей провинции была передана Польше, которая, по словам Кейнса, «должна быть сильной, католической, милитаристической преданной державой, супругой или, по крайней мере, фавориткой победоносной Франции». Но по мере углубления экономического кризиса в Англии, по мере того, как английская буржуазия убеждалась, что без хозяйственного подъема центральной и восточной Европы нет спасения для британского капитализма, наконец, по мере того, как перед Англией все яснее выявлялась перспектива французской гегемонии на европейском материке, она в своей позиции становилась все решительнее и, в конце-концов, даже поставила в порядок дня международной конференции вопрос об установлении экономических и дипломатических сношений с большевистской Россией.

Все это только доказывает, насколько дальновиден был проф. Кэйнс, когда он еще два с лишним года тому назад заявлял, что «необходимо прежде всего избавиться от атмосферы и методов Парижа», а затем уже приступить к осуществлению предложенного им плана финансово-экономических мероприятий. Программа Кэйнса в основном стала программой английского правительства. Оно пытается лечить смертельно больной организм мирового и, в первую голову, английского капитализма по рецептам проф. Кэйнса. Этим путем оно намерено выбраться из невиданного в мире экономического кризиса и восстановить равновесие капиталистического хозяйства.

Но удастся ли, даже следуя заветам Кэйнса, притупить тот дамоклов меч, который висит сейчас над «цивилизованным миром», или мировой капитализм будет взорван под влиянием тех «судорог революции», которых так боится Кэйнс,—это—вопрос, выходящий за пределы настоящего «предисловия».

Ш. Двойлайцкий.

Февраля 1922 г.

Предисловие автора.

Автор этой книги был временно прикомандирован к Британскому казначейству во время войны и был его официальным представителем на мирной конференции в Париже до 7-го июня 1919 года; в качестве представителя канцлера казначейства, он заседал также в Высшем Экономическом Совете Антанты. Он сложил с себя полномочия, как только стало очевидным, что не остается никакой надежды на существенное изменение проекта мирного договора. Основания его протеста против этого договора, точнее против всей политики конференции по отношению к экономическим проблемам Европы, будут выяснены в следующих главах предлагаемой книги. Они построены на соображениях, понятных для всех, и на фактах, известных всему миру.

Дж. М. Кейнс.

King's College, Кембридж.
Ноябрь 1919 года.

ГЛАВА I.

Введение.

Способность привыкать к тому, что нас окружает, есть в высшей степени характерная черта человека. Очень немногие из нас ясно представляют себе, до какой степени необычна, неустойчива, сложна, ненадежна и преходяща была та экономическая организация, на основе которой Западная Европа существовала в течение последнего полувека. Некоторые совершенно исключительные и преходящие наши преимущества последнего времени мы считаем естественными, постоянными, такими, на которые можно полагаться с полным доверием, и сообразно этому мы строим все наши планы. На этом зыбком и обманчивом фундаменте мы создаем проекты социальной реформы, воздвигаем политические платформы, преследуем цели личного честолюбия или личной вражды, и вместо того, чтобы стараться сглаживать конфликты в семье европейских народов, считаем себя в праве раздувать и усиливать их. Движимый нездоровой иллюзией и безудержным себялюбием, германский народ опрокинул те основы, на которых мы существовали и строили нашу жизнь до сих пор. Но представители Франции и Англии не побоялись завершить разорение, начатое Германией, таким мирным договором, который, буде он войдет в силу, не восстановит, но еще более приблизит к разрушению хрупкую и сложную, уже расшатанную и надломленную войной организацию, посредством которой европейские народы только и могут найти применение своей деятельности и поддерживать свое существование.

В Англии внешний характер жизни еще не дает нам ни в малейшей степени почувствовать, что целая эпоха отошла в область истории. Мы хлопочем о том, чтобы наладить нить нашей жизни там, где она нами была прервана; различие, как будто бы, лишь в том, что многие из нас кажутся гораздо богаче, чем прежде. Где до войны мы тратили миллионы, там мы научились бросать их сотни, без всякого ощущения какого-либо неудобства. Ясно, что мы еще не использовали возможностей нашей жизни до последних пределов. Поэтому мы стремимся не только к восстановлению удобств, доступных нам в 1914 году, но также к чрезвычайному их расширению и развитию. Так строят свои планы все классы без исключения: богатый хочет больше тратить и меньше экономить, а бедный больше тратить и поменьше работать.

Однако, только в Англии (а также и в Америке) можно позволять себе так мало задумываться над создавшимся положением. В континентальной же Европе земля колеблется под ногами, и нет никого, кто не

чувствовал бы ее отдаленного гула. Я не хочу сказать, что дело идет именно о безрассудных выступлениях или о «рабочих беспорядках»; дело идет о жизни и смерти, о голоде и существовании, о судорожных потрясениях гибнущей цивилизации.

Для человека, который провел в Париже бо́льшую часть из шести месяцев, протекших со дня перемирия, случайное посещение Лондона должно было принести странный опыт и странные переживания. Англия все еще стоит как бы вне Европы. Безгласные вздрагивания европейского материка не доходят до ее сознания. Он живет своей особой жизнью, и Англия не составляет части его тела. Но Европа представляет собою одно неразрывно связанное целое. Франция, Германия, Италия, Австрия, а также Голландия, Россия, Румыния и Польша живут общим биением пульса, их внутреннее строение и цивилизация в сущности одинаковы. Вместе они процветали, вместе они испытывали превратности войны, в которой мы, вопреки нашему широкому участию и жертвам, экономически стояли особняком (что, правда, в меньшей степени, справедливо и для Америки); все эти страны вместе же могут и упасть. Вот в этом и заключается разрушительное значение Парижского мира. Если исход гражданской войны Европы будет тот, что Франция и Италия воспользуются своим временным могуществом победителей для разрушения Германии и Австро-Венгрии, ныне лежащих в изнеможении, то этим они вызовут свое же собственное падение, ибо сами они глубоко и неразрывно связаны с жертвами своей победы скрытыми психическими и хозяйственными нитями. Англичанин, принимавший участие в Парижской конференции и все эти месяцы состоявший членом Верховного Экономического Совета Антанты, волей неволей должен был стать на европейскую точку зрения в своих заботах и опасениях; это положение было для него совершенно новым опытом. Там в нервном узле европейской системы, должны были отпасть его английские страхи, и иные более ужасные призраки должны были встать перед ним. Париж, это — кошмар, и всякий в нем чувствовал себя не по себе. Ощущение надвигающейся катастрофы, нависшее над сценой фривольной жизни, суетность и ничтожество человека перед лицом близких и великих событий; важность и вместе тщета его решений; легкомыслие, ослепление и наглость, долетающий из внешнего мира смутный гул голосов,—все эти элементы древней трагедии были налицо. В самом деле, сидя среди театрального великолепия французских государственных салонов, глядя на необычайные фигуры Вильсона и Клемансо, с их неизменным цветом лица и неподвижными характерными чертами, невольно хотелось спросить себя, были ли то действительно человеческие лица, а не трагикомические маски какой-то еще невиданной драмы или кукольного балагана.

Приемы, которым следовали в Париже, все без исключения казались необычайно важными и незначительными в одно и то же время. Решения казались чреваты последствиями для будущих судеб человеческого общества. И все же что-то в этой видимости шептало, что слова не облекались в живую плоть, что они были пусты, лишены значения, бессильны оказать какое-либо действие, оторваны от событий жизни; и зритель в высшей мере испытывал впечатление, так ярко выраженное Толстым в *Войне и Мире* или Гарди в его *Династах*, впечатление событий, стремящихся к роковой развязке вопреки всей работе мозга государственных мужей, заседающих в Совете:

Дух годов.

Гляди, как эти толпы покидает широкий взгляд на мир
И воля управлять собой; на жертву демонам их предал
Дух Легкомыслия, присущий вечно человеку.
Средь тех, кто сильны, слышен только голос мести,
А среди слабых только немощи бушует ярость.

Дух милосердия.

Но почему же Воля лишила смысла их поступки?

Дух годов.

Ведь я сказал тебе: во тьме неведенья Она творит,
Как тот, кому сужденье не дано.

В Париже, где участники Высшего Экономического Совета почти ежечасно получали донесения о бедствиях, расстройстве и упадке организации всей центральной и западной Европы, как в странах союзников, так и в странах их врагов без различия, когда из уст финансовых представителей Германии и Австрии они с неопровержимой очевидностью узнавали о страшном истощении этих стран, всякое случайное посещение жарко натопленной, сухой комнаты президентского дворца, где Четверо выполняли свою миссию в атмосфере пустой и бесплодной политической интриги, только усиливало впечатление кошмара. Все же там, в Париже, европейские проблемы казались страшными и взывающими к вниманию общества, тогда как стоило лишь случайно встретиться с всеобщим равнодушием Лондона, чтобы получить ошеломляющее впечатление. Ведь для Лондона все эти вопросы лежали где-то далеко в стороне, и если что-либо вызывало наше смущение, то только наши собственные, менее важные проблемы. Лондон считал, что Париж вносит большую путаницу в решение своих дел, но все же оставался к этому совершенно безучастным. С таким-то настроением английский народ принял мирный договор, даже не потрудившись прочесть его. Но *эта* книга написана под влиянием Парижа, а не Лондона; она написана человеком, который, будучи англичанином по национальности, в то же время чувствует себя европейцем и который, под слишком живым впечатлением недавнего опыта, не может оставаться равнодушным зрителем развертывающейся великой исторической драмы наших дней, которой суждено разрушить великие учреждения, но также, может быть, создать новый мир.

ГЛАВА II.

Европа перед войною.

До 1870 года различные части небольшого континента Европы уже специализировались в избранных ими отраслях производства; однако, взятая в целом, Европа могла самостоятельно удовлетворять свои главнейшие потребности. При этом ее население вполне соответствовало такому порядку хозяйственной жизни.

После 1870 года путем постепенного развития в Европе создалось в широком масштабе такое положение, подобного которому не знает история, и вместе с тем в течение ближайших пятидесяти лет условия ее экономической жизни сделались неустойчивы и необычны. Настоятельная потребность населения в пище уже раньше умерялась доставкою продуктов из Америки; теперь в первый раз в истории в этом отношении произошел полный переворот. Чем многочисленнее становилось население, тем легче было обеспечить его продовольствование. Как в земледелии, так и в промышленности возрастающие размеры производства стали давать пропорционально больший доход. Благодаря росту населения в Европе, все большее количество эмигрантов могло заняться разработкой земли в новых странах; вместе с тем все большее количество рабочих в самой Европе могло создавать продукты промышленности и капиталы, необходимые для обеспечения существования эмигрирующего населения в его новых местах жительства, а также строить железные дороги и корабли для перевозки в Европу пищевых продуктов и сырья из отдаленных источников. Приблизительно до 1900 года единица труда, примененная в промышленности, год за годом доставляла покупательную силу, превосходящую все растущее количество пищевых продуктов. Возможно, что около 1900 года начался обратный процесс, и тогда стало обнаруживаться, что природа уже меньше вознаграждает человеческий труд Однако стремление к повышению цен на хлеб было уравновешено другими вспомогательными средствами: одним из многих новшеств явились запасы тропической Африки, которые тогда впервые получили широкое распространение; обширная торговля растительными маслами стала доставлять Европе в новой и более дешевой форме один из существенных пищевых продуктов, питающих человека. Большинство из нас выросло и воспиталось в этом экономическом Эльдорадо, в такой экономической утопии, о которой прежние экономисты могли только мечтать.

Этот счастливый век утратил тот взгляд на мир, который наполнял глубокой меланхолией основателей нашей политической экономии. До XVIII века человечеству были незнакомы какие-либо обманчивые иллюзии относительно будущего. Они возникли и распространились в самом конце этого века, и, чтобы охладить их, Мальтус указал, что за ними скрывается Злой Дух. В течение полувека все серьезные экономисты

ясно видели этого Злого Духа, но в следующие полстолетия его посадили на цепь и скрыли от взоров общества. Теперь мы, кажется, снова выпустили его на свободу.

Каким удивительным эпизодом экономического прогресса была та эпоха, которая пришла к концу в августе месяце 1914 года! Правда, бо́льшая часть населения была принуждена трудиться в поте лица и довольствоваться малым, и все же, по всем признакам, она не жаловалась на свою судьбу. Зато человек со способностями и волей мог пробить себе дорогу в средние и высшие классы общества, а для этих классов взамен ничтожных затрат и усилий жизнь открывала такие возможности комфорта, удобств и наслаждений, каких не знали самые богаты- и могучие властители прежних времен. Сидя за утренней чашкой чая, житель Лондона мог заказать по телефону разнообразнейшие продукты всего земного шара в каком угодно количестве и через несколько часов получить их в собственной квартире; он мог испробовать счастье сразу в нескольких частях света, вложив свои капиталы в эксплоатацию их естественных богатств или какие-либо новые предприятия, и без всяких усилий или беспокойств получать свою долю прибылей и выгод; с полной уверенностью в успехе он мог рискнуть своим имуществом вместе с населением какого-либо большого города в любой стране, какую рекомендовало ему его собственное воображение или публичная информация. По первому желанию он мог воспользоваться дешевыми и удобными средствами передвижения, чтобы отправиться в любую страну или даже часть света, для чего не нужно было ни особого паспорта, ни каких-либо формальностей; он мог через посредство своего слуги запастись нужным количеством драгоценного металла в ближайшем отделении банка и затем ехать в чужие края, не зная их языка, религии или обычаев, везя при себе свой запас денег; при этом малейшее препятствие показалось бы ему досадной неожиданностью. Но что важнее всего, такой порядок вещей казался ему нормальным и обеспеченным навсегда; он признавал возможность изменений разве только в смысле его усовершенствования, а всякое иное отступление считал ошибкой и скандалом, которых впредь не должно допускать. В его глазах проекты и политические планы милитаризма и империализма, расовое и культурное соревнование, монополии, ограничения и запреты, все то, что играло роль змия-искусителя в этом социальном раю, было не более как развлечением, преподносимым ему в утренней газете; все это, повидимому, не оказывало почти никакого влияния на обычный ход социальной и экономической жизни, которая в ближайшем же будущем должна принять законченный интернациональный характер.

Нам легче будет оценить сущность и результаты мирного договора, который мы навязали нашим врагам, если мы представим себе несколько яснее некоторые из важнейших неустойчивых элементов, уже определившихся в экономической жизни Европы к тому моменту, когда вспыхнула последняя война.

I. Население.

В 1870 году население Германии равнялось приблизительно 40.000.000. К 1892 году эта цифра поднялась до 50.000.000, а к 30 июня 1914 года приблизительно до 68.000.000. В годы, непосредственно предшествовавшие войне, ежегодный прирост доходил до 850.000, из коего

незначительная часть эмигрировала [1]). Этот сильный рост стал возможен лишь благодаря глубокому преобразованию экономической структуры страны. Из земледельческой и в общем самодовлеющей страны Германия превратилась в огромную и сложную индустриальную машину, работа которой основывалась на равновесии многих внешних и внутренних факторов. Чтобы найти занятие у себя дома для все растущего населения и средства для покупки материалов за границей, Германия должна была обеспечить этой машине непрерывный и полный ход. Так точно кубарь может удержать равновесие, только вращаясь все быстрее и быстрее.

В Австро-Венгрии, население которой с 40.000.000 в 1890 году поднялось до 50.000.000 перед началом войны, происходило то же развитие, хотя и в более слабой степени; ежегодный прирост населения равнялся около полумиллиона, из коего, однако, ежегодно покидали страну приблизительно четверть миллиона человек.

Чтобы понять современное положение, мы должны ясно представить себе, каким необычайным центром населения стала Средняя Европа, благодаря развитию германской системы. Перед войной население Германии и Австро-Венгрии вместе не только значительно превосходило население Соединенных Штатов, но и почти равнялось населению всей Северной Америки. В этих числах, размещенных внутри компактной территории, лежит военная сила центральных держав. Однако, если лишить их средств к существованию, эти самые числа, которые даже война не сократила сколько-нибудь значительно [2]), остаются едва ли меньшей опасностью для европейского порядка.

Население Европейской России увеличивалось еще в большей степени, нежели население Германии; в 1890 г. оно было менее 100.000.000, а накануне войны оно дошло почти до 150.000.000 [3]); в годы, непосредственно предшествующие 1914, ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона. Этот чрезвычайный рост населения России, на который Англия обращала мало внимания, был, однако, одним из самых замечательных явлений последних лет.

Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения, а также и прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей, которые видят в событиях следствие ошибок государственных людей или фанатизма атеистов. Таким образом необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным: религию, основы собственности, землевладение, равно как политический порядок и сословную иерархию, являются, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая; весьма возможно, что разрушительные силы чрезмерной плодовитости расы играют бо́льшую роль в разрыве оков, налагаемых на народ условностями, нежели могущество идей или ошибки автократии.

---

[1]) В 1913 году из Германии эмигрировало 25.843 человека, из коих 19.124 направлялись в Соединенные Штаты.

[2]) Убыль населения Германии в конце 1918 года вследствие сокращения рождаемости и превышения смертности сравнительно с началом 1914 года, определяется приблизительно в 2.700.000.

[3]) Включая Польшу и Финляндию, но исключая Сибирь, Центр. Азию и Кавказ.

2. Организация.

Тонкая организация, благодаря которой эти народы могли существовать, зависела частью от факторов, заключавшихся в самой системе. Препятствия, которые представляли политические границы и таможенные пошлины, были сведены до минимума, при чем в пределах трех империй—России, Германии и Австро-Венгрии—жило немногим менее трехсот миллионов населения. Различные денежные системы, равным образом приведенные в устойчивое отношение к золоту и друг к другу, облегчали плавное переливание капиталов и течение торговли в такой полноте, которую мы настоящим образом оцениваем только теперь, когда мы лишились ее выгод и преимуществ. На всей этой огромной территории существовала почти абсолютная обеспеченность личности и имущества.

Эти факторы порядка, безопасности и единообразия, которых Европа никогда не знала раньше на такой обширной и населенной территории и в течение столь долгого периода, подготовили организацию того огромного механизма транспорта, распределения угля и внешней торговли, который сделал возможным промышленную деятельность и существование густо населенных городских центров. Все это слишком хорошо известно, так что нам нет надобности детализировать наше изображение цифрами. Однако, может быть, нелишним будет привести некоторые цифровые данные для угля, который представлял собою ключ всего индустриального развития Центральной Европы едва ли в меньшей степени, нежели Англии; добыча угля в Германии возросла с 30.000.000 тонн в 1871 году до 70.000.000 тонн в 1890 году, 110.000.000 тонн в 1900 и, наконец, достигла 190.000.000 тонн в 1913 году.

Вокруг Германии, как центральной опоры, группировались остальные члены европейской экономической системы, и от преуспеяния и предприимчивости Германии существенным образом зависело процветание всего континента. Все возрастающий поступательный ход Германии доставлял ее соседям возможность сбыта их продуктов, взамен которых предприимчивость германских купцов удовлетворяла их потребностям по низким ценам.

Статистические данные, показывающие взаимную экономическую зависимость Германии и ее соседей, производят ошеломляющее впечатление. Германия была первым покупателем в России, Норвегии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Италии и Австро-Венгрии; она была вторым покупателем в Великобритании, Швеции и Дании и третьим покупателем во Франции. Она была первым поставщиком товаров для России, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии; она была вторым поставщиком для Великобритании, Бельгии и Франции.

Что касается Англии, то она вывозила в Германию больше товаров, чем в какую-либо другую страну, кроме Индии, а также покупала у нее больше, чем у какой-либо другой страны, кроме Соединенных Штатов.

Все европейские страны, за исключением лежащих на запад от Германии, более четверти всей своей внешней торговли вели с Германией; что же касается России, Австро-Венгрии и Голландии, то в их торговых сношениях Германия играла еще бо́льшую роль.

Германия не только снабжала эти страны товарами, но многим из них доставляла большое количество капиталов, необходимых для их собственного развития. Из всех иностранных помещений капитала перед войной, доходивших до суммы приблизительно в 1.250.000.000 фунтов, немногим менее, чем 500.000.000 фунтов было помещено в России, Австро-Венгрии, Болгарии, Румынии и Турции. Кроме того, посредством системы «мирного проникновения», она давала этим странам не только капиталы, но и то, в чем они нуждались едва ли менее, а именно, организацию. Таким образом вся Европа к востоку от Рейна была втянута в промышленную орбиту Германии, и ее экономическая жизнь была соответственным образом приспособлена к такому положению.

Одних этих внутренних факторов было бы недостаточно, чтобы дать населению возможность поддерживать свое существование; для этого было необходимо также содействие факторов внешних, а также известных общих тенденций, одинаково свойственных всей Европе. Многие из явлений, о которых мы только что говорили, замечались в жизни всей Европы в целом, а не только в жизни центральных государств. Явления же, о которых мы сейчас будем говорить, представляли неотъемлемое свойство всей европейской общественно-экономической системы.

3. Психология общества.

Социальная и экономическая организация Европы обеспечивала ей высшую степень накопления капиталов. Хотя в ежедневных условиях существования народных масс замечалось постепенное улучшение, общественный порядок был устроен так, что значительная часть возрастающего дохода поступала в распоряжение одного общественного класса, который всего менее имел охоты потребить его целиком. Новые богачи девятнадцатого века не были склонны к чрезмерным тратам и предпочитали власть, доставляемую все новым применением капиталов к экономической деятельности, наслаждениям непосредственного потребления. В самом деле, именно *неравенство* распределения богатств давало возможность бесконечного их накопления и постоянных усовершенствований, отличавших наш век от предшествующих. В этом обстоятельстве лежит главное оправдание капиталистической системы. Если бы богатый класс тратил свое вновь созданное богатство на собственное наслаждение, то человечество давно признало бы подобный порядок невыносимым. Подобно трудолюбивым пчелам, этот класс откладывал про запас и накоплял, и его ограничение собственных желаний служило на пользу также и всему коллективу.

Бесконечное накопление капитала, который к великой выгоде всего человеческого рода, был создан в течение полувека, предшествующего войне, было бы немыслимо в таком обществе, где богатство распределено справедливо между всеми. Железные дороги всего мира, в которых наш век создал себе памятник на удивление потомству, представляют подобно египетским пирамидам, результат труда, который не смел растратить на непосредственные наслаждения весь целиком эквивалент своих напряженных усилий.

Тем не менее рост и развитие этой замечательной системы были основаны на мистификации и обмане. Рабочий класс подчинялся ей вследствие своего невежества и бессилия, он был принужден подчиняться ей благодаря принуждению, внушению и приманкам, которыми

действовали на него обычай, условности, власти и весь прочно установленный общественный порядок, а между тем положение, в котором он находился, давало ему лишь ничтожную долю того пирога, который он создавал своим трудом совместно с капиталистами и силами природы. С другой стороны, класс капиталистов мог считать своею собственностью лучшую часть этого пирога и теоретически располагать ею для своего потребления лишь при молчаливом условии, что в действительности он может потреблять только незначительную его долю. Так долг «сбережения» сделался главной добродетелью нашего времени, а рост пирога — предметом его религии. Принцип сохранения пирога воспитывал все те инстинкты пуританизма, который в прежнее время вовсе отказывался от мира и одинаково презирал как создание материальных благ, так и наслаждение ими. А пирог все рос; для какой цели, этого никто не представлял себе ясно. Люди внушали себе, что дело идет не столько о воздержании от наслаждения, сколько об его отсрочке, и культивировали удовольствие обеспеченности и предвкушения. Сбережение имело в виду старость или благополучие детей; но это была только теория, на деле же добродетель требовала, чтобы пирог оставался неприкосновенным навсегда как для нас, так и для наших детей.

Я говорю все это без всякого намерения порицать поведение и обычаи нашего поколения. Деятельностью общества руководил бессознательный инстинкт. Пирог был слишком мал сравнительно с массой аппетитов, и если бы он был поделен на части, никто не получил бы большой выгоды от этого. Общество трудилось не ради преходящих ежедневных наслаждений, но для обеспечения своей будущей жизни, для улучшения расы, словом, для «прогресса». Если только можно было достигнуть, чтобы пирог увеличивался в геометрической прогрессии так же, как это было предсказано Мальтусом относительно роста населения, так же, как растет капитал по сложным процентам, то когда-нибудь должен прийти день, когда люди перестанут ходить вокруг да около, сберегая пирог, когда потомство, наконец, насладится трудами *нашего* поколения. Тогда исчезнет переутомление, перенаселенность и недоедание, и человечество, оставив заботы о материальных нуждах и удобствах, приступит к выполнению духовных, благородных задач. Рост пирога обгонит рост населения. Так верил девятнадцатый век, забывая о плодовитости человеческой расы и погружаясь в созерцание чудодейственных результатов роста по сложным процентам.

Однако будущее таило в себе две опасности: что если население в своем росте обгонит накопление материальных благ и вместо счастья наше воздержание принесет лишь огромное количество голодных ртов? Что если пирог будет преждевременно истреблен войной, и мы лишимся разом всех наших надежд?

Впрочем, эти мысли уводят нас слишком далеко от нашей непосредственной цели. Здесь важно только напомнить, что принцип накопления, основанный на неравенстве имущества, был существенною частью общественного порядка до войны, а также прогресса, как понимался он в то время, и кроме того подчеркнуть, что этот принцип зависел от неустойчивой психологии общества, которую теперь, пожалуй, уже невозможно воссоздать. Для населения, в котором наслаждение жизнью было уделом столь немногих, безграничное накопление было несущественно. Война показала всем возможность немедленного потребления.

она показала многим бесполезность воздержания. Так был открыт обман; рабочий класс уже, пожалуй, не согласится больше жертвовать собою для других, а класс капиталистов, неуверенный в своем будущем, захочет полнее воспользоваться своей свободой насладиться, пока она еще принадлежит ему, и этим приблизит час конфискации своих имуществ.

4. Отношение Европы к Новому Свету.

Накопление капиталов в Европе в период, предшествующей войне, было непременным условием крупнейшего из внешних факторов, которые поддерживали ее внутреннее равновесие.

Значительная часть излишнего капитала, накоплявшегося в Европе, отправлялась за ее пределы, благодаря чему стало возможным развитие новых запасов пищевых продуктов и сырья, а также новых средств транспорта; в то же время Европа получила возможность использовать естественные богатства девственной почвы Нового Света. Этот фактор приобрел огромное значение для ее жизни. Европа с величайшим благоразумием расходовала ежегодную дань, которую она имела право требовать. Правда, она не откладывала, но потребляла этот доход в форме дешевых и обильных продуктов, который получался в результате применения ее излишних капиталов. Однако большая часть денежной прибыли, приносимой этим заграничным помещением, снова вкладывалась в предприятия и увеличивала общий капитал; таким образом надеялись получить резерв про черный день, когда промышленный труд Европы не сможет более покупать продукты других континентов на прежних льготных условиях и когда появится опасность нарушения установившегося баланса между исторической европейской цивилизацией и размножающимися расами других частей света. Таким образом все европейское население получало выгоду от увеличения новых ресурсов независимо от того, развивало ли оно свою культуру у себя дома или переносило ее за океан.

Однако уже до войны появилась угроза равновесию, установившемуся, таким образом, между старой цивилизацией Европы и новыми ресурсами Америки. Европа могла процветать благодаря тому, что вывоз излишних продуктов из Америки обеспечивал ее пищей по дешевым ценам, определяемым пропорционально тому количеству труда, которого требовало производство вывозимых ею самой товаров; кроме того, в результате ее прежних помещений капитала в Америке она могла ежегодно получать оттуда значительные запасы, ничего не уплачивая взамен. Второй из этих источников казался еще вне опасности, однако, она угрожала уже первому вследствие роста населения Америки, в особенности же Соединенных Штатов.

Когда девственная почва Америки была впервые взята под обработку, количество ее населения и его внутренние потребности, сравнительно с населением и потребностями Европы, были весьма незначительны. Еще в 1890 году население Европы втрое превышало население обеих Америк вместе. Но уже в 1914 году внутреннее потребление пшеницы в Соединенных Штатах почти равнялось ее производству, и скоро должны было притти время, когда излишек для вывоза мог получаться только в годы чрезвычайных урожаев. В самом деле, внутреннее потребление пшеницы в Соединенных Штатах определяется в 90% того ее

количества, которое в среднем было получено в пятилетний промежуток между 1909 и 1913 годами [1]). Во всяком случае, в это время обнаружилось, что этот источник продовольствия начинает истощаться, не столько в смысле недостатка продуктов, сколько в смысле их вздорожания. Другими словами, беря мир в целом, в нем не стало меньше пшеницы, но для получения прежнего ее количества пришлось предлагать за нее более высокие цены. При создавшемся положении наилучший выход для центральной и западной Европы мог быть найден в зависимости от возможности ее питания излишками производства пшеницы в России и Румынии.

Итак, претензии Европы на пользование ресурсами Нового Света стали ненадежны; в конце концов здесь обнаружилось действие закона убывающей доходности, так что Европе пришлось с каждым годом предлагать все большее количество новых товаров, чтобы получить прежнее количество пищевых продуктов; вот почему Европа ни в коем случае не могла допускать расстройство какого-либо из своих источников снабжения.

Можно было бы сказать еще многое для характеристики экономического состояния Европы в 1914 году. Я ограничился в моем изображении только тремя или четырьмя крупнейшими факторами, сообщавшими ему неустойчивость, а именно неустойчивость чрезмерного населения, коего существование зависело от сложной и искусственной организации, неуравновешенность психологии рабочего класса и класса капиталистов и, наконец, необеспеченность притязаний Европы на запасы пищевых продуктов Америки, от которых она вместе с тем всецело зависела.

Война до того расшатала эту систему, что теперь угрожает опасность существованию всей Европы. Значительная часть континента охвачена смертельным недугом; его население далеко превосходило то количество, для которого имелись налицо средства к существованию; его организм расстроен, система транспорта расшатана, а запасы пищи истощены.

Мирная конференция должна была выполнить свои обязательства и удовлетворить требованиям справедливости, но не менее этого в ее задачу входило восстановление европейской жизни и исцеление ран, нанесенных войною. Эти задачи были продиктованы ей столько же благоразумием, сколько и великодушием, которое всегда высоко ценилось в победителе мудростью наших предков. В следующих главах мы рассмотрим подлинный характер мирного договора.

---

[1]) Только с 1914 года население Соединенных Штатов возросло на семь или восемь миллионов. Так как ежегодное потребление пшеницы равняется не менее шести бушелей на человека, то согласно довоенному масштабу производства в Соединенных Штатах значительный излишек производства сравнительно с внутренним потреблением будет получаться только один раз в пять лет. В конце войны мы были спасены обильными урожаями 1918 и 1919 годов, которые были доставлены нам благодаря твердым ценам, установленным Гувером. Однако едва ли можно ожидать, что Соединенные Штаты согласятся на бесконечное вздорожание жизни у себя дома ради того, чтобы снабдить пшеницей Европу, которая не может платить за нее.

ГЛАВА III.

Мирная конференция.

Главы IV и V будут посвящены довольно подробному изучению экономических и финансовых постановлений мирного договора с Германией. Однако нам будет легче понять настоящий источник многих его статей, если мы рассмотрим теперь же некоторые личные факторы, оказавшие влияние на их разработку. Приступая к этой задаче, я тем самым неизбежно подхожу к вопросам о внутренних побуждениях людей, а в этих вопросах свидетели событий бывают подвержены ошибкам, и, кроме того, они не имеют права брать на себя ответственность окончательного приговора. И все же, если будет казаться, что на этих страницах я иногда позволяю себе свободу, которая является уделом только историков и которой мы обычно не решаемся воспользоваться, обсуждая деятельность наших современников, хотя наши суждения при этом основаны на более точных сведениях, то пусть читатель простит меня! Пусть он подумает о том, до какой степени мир в своем стремлении познать свою судьбу нуждается в истине, хотя бы она была только частичной и неясной, чтобы пролить некоторый свет на сложную борьбу человеческих целей и воль, борьбу еще не законченную, которая, воплощаясь в личности четырех человек, единственных в своем роде, делала из них в первые месяцы 1919 года своеобразный микрокосм всего человечества.

В тех частях договора, о которых я говорю здесь, руководящую роль присвоили себе французы, в том смысле, что вообще они первые высказывали самое определенное и самое крайнее предложение. Отчасти в этом заключался тактический прием. Когда мы ожидаем, что конечный результат обсуждения должен выразиться в компромиссе, благоразумие часто рекомендует выбирать крайний исходный пункт; французы, равно как и большинство остальных участников, предвидели с самого начала, что в будущем произойдет двоякий процесс компромисса, во-первых, взаимное приспособление идей их союзников и, во-вторых, в течение собственной конференции, соглашение с представителями Германии. События вполне подтвердили правильность этой тактики. Среди своих коллег Клемансо приобрел репутацию умеренности благодаря тому, что иногда он с видом беспристрастия отказывался от наиболее крайних предложений своих министров; в то же время многое в их предложениях было принято в тех случаях, когда их американские и английские критики не были вполне в курсе спорных вопросов или когда слишком упорная критика по отношению к французам могла бы показаться признаком недоброжелательства с их стороны, ибо нельзя же

было постоянно становиться на сторону противника и защищать его дело. Поэтому всюду, где американские и британские интересы не были затронуты серьезно, критика представителей этих держав становилась вялой; таким образом в конференции прошли некоторые такие предложения французов, которые сами их авторы внесли не вполне серьезно; пересмотреть и исправить их оказалось невозможным, так как они принимались в последний момент, когда спор с германцами был уже недопустим.

Но французы обладали не только тактикой; они преследовали также определенную общую политику. Хотя Клемансо и отказывался иной раз без дальнейших рассуждений от требований Клоца или Лушэра, хотя в тех случаях, когда речь шла не об интересах Франции, он с утомленным видом закрывал глаза, он, однако, знал, в каких пунктах заключалась суть дела, и в таких пунктах он почти не делал уступок. Поскольку экономические тенденции договора заключают в себе известную идею, эта идея выдвинута Францией и, в частности, Клемансо.

Клемансо, как личность, был самым выдающимся среди членов Совета Четырех; своих коллег он видел насквозь. Он один обладал определенной идеей и охватывал ее всю со всеми ее последствиями. Возраст, характер, ум, самая внешность сообщали ему объективность и определенность среди окружающей путаницы. К нему было невозможно относиться с презрением или антипатией; глядя на него, можно было только считать, что цивилизация требует от человека других качеств и поведения; можно было также расходиться с Клемансо во взглядах и надеждах на будущее.

Внешность Клемансо и его манера держать себя общеизвестны. В заседания Совета Четырех он являлся, одетый в сюртук из превосходного тонкого сукна черного цвета, в серых шведских перчатках, которых он не снимал никогда; его обувь была из толстой, черной кожи, очень хорошего качества, по деревенского фасона и, странным образом, он иногда застегивал ее пряжками вместо шнурков. В комнате президентского дворца, где происходили обычные заседания Совета Четырех (отличные от частных его совещаний без свидетелей, в меньшей комнате на верху), он всегда садился в четырехугольное кресло, обитое затканной материей, в центре полукруга перед камином; по левую руку от него было место синьора Орландо, дальше у камина—место президента Вильсона, а по правую руку против президента и тоже возле камина место Ллойд-Джорджа. При нем не было ни бумаг, ни портфеля его не сопровождал личный секретарь, хотя несколько французских министров и чиновников находились вокруг него в качестве экспертов по данному вопросу. В его походке, руках и голосе чувствовалась внутренняя сила, но тем не менее, особенно после выпадов против него со стороны его оппонентов, он казался глубоким стариком, еще сохраняющим силу для важных случаев. Говорил он редко, предоставляя первоначальное изложение французских требований своим министрам или чиновникам; он часто закрывал глаза и откидывался на спинку кресла с бесстрастным лицом словно из пергамента и с руками в серых перчатках, сложенными перед собой. Краткое замечание, решительное или циничное, какой либо вопрос, полный отказ от предложения своих министров, которое было, очевидно, неприемлемо, наконец, настойчивое заявление, выражавшее непреклонность и подчеркнутое немногими, но

метко подобранными словами по-английски [1]),—вот все, чем он обычно проявлял себя в заседаниях Совета. Но так было не всегда. В нужных случаях Клемансо был способен произнести речь и обнаружить страстное возбуждение; тогда внезапный взрыв, сопровождаемый глубоким грудным кашлем, производил на окружающих впечатление скорее своей неожиданностью и силой, чем убедительностью слов.

Нередко случалось, что Ллойд-Джордж, сделав пространное заявление по-английски, пока оно излагалось тут же на французском языке, подходил к Вильсону, чтобы подкрепить свое предложение каким-либо аргументом ad hominem в личной беседе с ним, или чтобы позондировать почву для компромисса; это бывало иногда сигналом к тому, чтобы все повставали со своих мест, и начался общий беспорядок. Советники президента скучивались вокруг него, тотчас же к ним подбегали по одиночке английские эксперты, чтобы узнать о результате или удостовериться, что все в порядке, а затем здесь же оказывались уже и французы, движимые некоторым опасением, как бы другие не столковались в чем-либо за их спиной, пока, наконец, все присутствующие в комнате не покидали свои места и разговор становился общим на обоих языках. Во мне еще живо последнее и самое сильное впечатление от одной такой сцены: президент и Ллойд-Джордж стоят в центре своей подчиненной черни, среди гула разноязычных голосов, как при вавилонском столпотворении, среди хаоса жадных, придуманных тут же компромиссов и контр-компромиссов, без всякого внутреннего содержания, но выражающих взаимное ожесточение из-за пустяков, о происхождении которых спрашивать было бы бесцельно и в которых снова забывались и отбрасывались важные результаты, достигнутые в заседании накануне; и тут же Клемансо, молчаливый и одинокий в стороне от всех, ибо дело шло не об интересах Франции, важно сидит в кресле в своих серых перчатках; сидит с холодом в душе и безнадежностью в глазах, старый и усталый, но в то же время наблюдая всю сцену с циническим и почти дьявольским выражением; когда, наконец, снова воцарилось молчание, и все разошлись по местам, оказалось, что Клемансо исчез из комнаты.

Клемансо питал к Франции те же чувства, что Перикл к Афинам: все, что имеет цену, заключается в ней, все остальное не стоит ничего; но теория его политики была та же, что у Бисмарка. Он видел перед собою только Францию; о человечестве, включая сюда и французов, о своих коллегах он не думал вовсе. Принципы, на которых он считал необходимым построить мирный договор, можно выразить очень просто. Прежде всего Клемансо имел определенное и ярко выраженное представление о германском национальном характере; в его глазах германец не понимает и не способен понимать ничего, кроме устрашения, ему чужды всякое великодушие и сострадание в переговорах, он не брезгает в этом отношении никакими преимуществами, ради собственной выгоды он готов унижаться до последнего предела и не знает ни чести, ни гордости, ни милосердия. Поэтому никогда не следует договариваться с германцем или стараться привлечь его к себе снисходительностью; германцу необходимо приказывать. Иным путем невозможно добиться его уважения и предупредить попытки обмана с его стороны. Впрочем, трудно сказать,

---

[1]) Среди Четырех он один говорил на обоих языках, тогда как Орландо знал только французский язык, а Вильсон и Ллойд-Джордж—только английский; таким образом является фактом исторического значения, что Орландо и Вильсон не могли сообщаться без чужого посредничества.

насколько Клемансо приписывал эти характерные черты исключительно германской психологии, и не считал ли он в глубине души некоторые другие нации в сущности такими же. Поэтому его философия не допускала «сентиментальности» в международных отношениях. Нации, это—реальные существа, из коих вы любите одну, а к остальным чувствуете безразличие или ненависть. Слава той нации, которую вы любите, является вашей желанной целью, однако в большинстве случаев ее можно достигнуть за счет вашего соседа. Политика, основанная на силе, неизбежна, и эта война и результат ее не учат ничему новому. Англия и на этот раз, как во все предшествующие столетия, уничтожила своего торгового соперника; еще одна великая глава вековой борьбы между славой Германии и славой Франции закончилась. Правда, благоразумие требовало проявить видимость сочувствия «идеалам» американских фантазеров и лицемерных англичан; но было бы глупостью действительно верить, будто в мире, каков он есть на самом деле, может быть место таким выдумкам, как Лига Наций, будто принцип самоопределения национальностей представляет что-либо иное, кроме ловкой формулы для переустройства равновесия сил в своем собственном интересе.

Как бы то ни было, все это лишь общие места. Чтобы выяснить практические подробности мирных условий, которые Клемансо считал необходимыми для могущества и безопасности Франции, мы должны рассмотреть причины исторических событий, современником которых был Клемансо. До франко-прусской войны население Франции и Германии было приблизительно одинаково; но угольная и железная промышленность Германии, а также ее мореплавание еще только нарождались, между тем как богатство Франции было несравненно значительнее. Даже после потери Эльзас-Лотарингии не получилось большой разницы между ресурсами обеих стран. Но в следующий затем период их взаимное соотношение изменилось в корне. В 1914 году население Германии почти на 70% превосходило население Франции; она сделалась одной из первых торгово-промышленных наций всего мира; ее техническая ловкость и средства для создания будущих богатств не имели себе равных. Напротив, население Франции сделалось стационарно или даже пошло на убыль; сравнительно с другими странами Франция значительно отстала в смысле богатства и способности создавать его.

Итак, вопреки тому, что из нынешней борьбы Франция вышла победительницей (на сей раз с помощью Англии и Америки), ее будущее оставалось необеспеченным в глазах того, кто был уверен, что гражданская война между европейскими нациями является нормальным или, по крайней мере, повторяющимся состоянием в будущем и что борьба между организованными великими державами, которая велась в течение последнего столетия, вызовет еще новую борьбу. Согласно такому взгляду на вещи, европейская история представляет вечное состязание, в котором Франция выиграла на этот раз, но которое с этим разом вовсе не заканчивается. Если стоять на той точке зрения, что обычный, старый порядок вещей существенно измениться не может, так как он основан на человеческой природе, остающейся постоянно одинаковой, если относиться неизменно скептически к тому разряду доктрин, для которых типом является проект Лиги Наций, то следует признать, что политика Франции и Клемансо вполне логична. Ибо мир, являющийся выражением великодушия и честного, беспристрастного отношения ко всем, основанный на «идеологии» Четырнадцати пунктов президента, мог бы только сократить промежуток времени, в который Германия успеет опра-

виться от поражения, и ускорить день, когда она снова обрушится на Францию со своими огромными массами людей и всем превосходством материальных ресурсов и техники. Отсюда вытекает необходимость «гарантий», но всякая гарантия, которую удалось получить, возбуждая раздражение в Германии и увеличивая шансы будущего *реванша* с ее стороны, с неизбежностью влекла за собою новые меры к тому, чтобы душить ее все сильнее и сильнее. Таким образом, коль скоро мы принимаем указанную точку зрения и отбрасываем все прочие, требование Карфагенского мира становится неизбежным, во всем объеме его условий, какой допускают наши силы в настоящий момент. Ведь Клемансо нисколько не скрывал, что он не считает Четырнадцать пунктов обязательными для себя, и предоставлял другим придумывать комбинации, которые могли бы удовлетворить щепетильность или спасти честь президента.

Итак, насколько позволяли обстоятельства, политика Франции стремилась к тому, чтобы перевести стрелку часов назад и уничтожить все, чего достигла Германия с 1870 года. Отделение части ее территории и прочие меры должны были сократить ее население, но прежде всего следовало разрушить ее экономическую систему, от которой зависела ее мощь, и эту огромную фабрику, созданную на угле, железе и транспорте. Если бы Франция могла воспользоваться для себя хотя бы частью того, от чего заставила отказаться Германию, то неравенство сил двух претендентов на европейскую гегемонию могло бы быть устранено на несколько поколений в будущем.

Вот из какого источника проистекает громада мероприятий, имеющих целью разрушение в высшей степени организованной экономической жизни, рассмотрением которых мы займемся в следующей главе.

Здесь мы имеем перед собою политику старика, коего самые сильные впечатления и самое живое воображение принадлежит прошлому, а не будущему. Для него дело идет только о Франции и Германии, а не о человечестве и европейской цивилизации, пробивающей себе дорогу борьбою к новому порядку. Война подействовала на его сознание несколько иначе, чем на наше, и он не подозревает и не надеется, что мы стоим на пороге нового века.

Как бы то ни было, вопрос заключается не в удовлетворении требований известного идеала. В этой книге я ставлю себе целью показать, что карфагенский мир не представляет *практически* правильного и выполнимого решения. Хотя та школа мысли, из которой вышла его идея, и считается с экономическими факторами, она, однако, проглядывает более глубокие экономические тенденции, которые призваны управлять будущим. Стрелку часов невозможно перевести назад. Если мы захотим восстановить Центральную Европу в том виде, в каком она существовала в 1870 году, то этим мы неизбежно приведем в действие такие предрасположения в европейской системе и дадим волю таким силам человеческого духа, которые, уничтожив расовые и политические перегородки, сметут на своем пути не только нас самих со всеми нашими «гарантиями», но и все учреждения и самый нынешний общественный порядок.

Но возникает вопрос, благодаря какому фокусу дипломатии эта политика взяла верх над принципами, выраженными в Четырнадцати пунктах, и каким образом Вильсон допустил такое превращение? Дать ответ на этот вопрос в высшей степени трудно. Для этого необходимо рассмотреть некоторые элементы личного характера и психологии, а

также незаметные влияния окружающей среды, которые трудно обнаружить и еще труднее описать. Однако, если роль отдельного человека вообще имеет какое-либо значение, то провал президента на конференции является одним из моральных событий истории, имевших решающее значение; я должен сделать хотя бы попытку разъяснить его. На какой головокружительной высоте стоял президент в чувствах и надеждах всего мира, когда он направлялся к нам на борту *Георга Вашингтона!* Какой великий человек явился в Европу в те первые дни нашей победы!

В ноябре 1918 года армии маршала Фоша и слова Вильсона принесли нам внезапное избавление от опасности потерять все, что было нам дорого. Условия казались благоприятными свыше всякого ожидания. Победа была настолько полной, что страх не должен был играть никакой роли в предстоящем соглашении с противником. Он сложил оружие, полагаясь на торжественный контракт касательно общего характера мирного договора, условия которого, казалось, должны будут обеспечить соглашение на основе справедливости и великодушия и твердую надежду на восстановление нарушенного течения жизни. Чтобы окончательно упрочить эту уверенность, президент самолично ехал в Европу, где он должен был приложить печать к своему творению.

Когда президент Вильсон покидал Вашингтон, он пользовался таким престижем и таким нравственным влиянием во всем мире, каким не пользовался ни один человек в прошлом. Его смелые и умно рассчитанные слова донеслись до народов Европы, заглушая голоса их собственных политиков. Неприятельские народы вверили ему выполнение контракта, который он заключил с ними, а союзные народы видели в нем не просто победителя, но почти пророка. Кроме этих моральных влияний, в его руках находились также реальные силы. Американские армии достигли кульминационного пункта в смысле численности, дисциплины и снаряжения. Европа находилась в полной зависимости от запасов пищевых продуктов Соединенных Штатов; а в отношении финансов эта зависимость была даже еще более значительной. Европа не только уже задолжала Соединенным Штатам больше, чем она могла заплатить; дело дошло до того, что лишь при щедрой помощи в будущем она могла быть спасена от голода и банкротства. Еще никогда в руках ни одного философа не было такого могущественного оружия, чтобы связать князей мира сего. С каким благоговением толпы европейских капиталистов теснились вокруг колесницы президента! С каким любопытством, тревогой и надеждой ловили мы взгляды и следили за каждым шагом избранника судьбы, который принес с Запада, чтобы дать исцеление ранам древней родительницы его цивилизации и заложить для нас основы цивилизации будущего!

Разочарование было до такой степени полно, что некоторые из тех, которые питали как раз самые смелые надежды, решились высказать свое настроение. Неужели это была правда?—спрашивали они у лиц, возвращавшихся из Парижа. Неужели Договор в самом деле так плох, как это казалось? Что же случилось с президентом? Благодаря какой слабости или какому несчастью произошла такая необыкновенная, такая неожиданная измена?

А ведь причины того, что произошло, были самые простые и самые человеческие. Президент не был ни героем, ни пророком; он не был даже философом; он был просто человеком с великодушными намерениями, но и со многими слабостями, свойственными всем людям; ему в особен-

ности недоставало преобладания тех интеллектуальных способностей, которые необходимы для того, чтобы бороться с хитрыми и опасными чародеями, благодаря ужасному столкновению социальных сил и личных честолюбий выдвинутыми вперед в качестве торжествующих виртуозов быстрой игры захватов и уступок; он встретился с ними лицом к лицу на конференции, а в этой игре он не имел решительно никакого опыта.

Наше представление о президенте в самом деле было совершенно превратно. Мы знали, что он изолирован и одинок, но верили, что он наделен от природы сильною волей и упорством. Мы не думали, что он способен охватить сразу все детали положения, однако та ясность, с которою он высказал некоторые руководящие идеи совместно с его выдержкой, казалось нам, поможет ему выпутаться из паутины интриг. На ряду с этими качествами он должен был обладать объективностью, культурой и обширными познаниями ученого. Тонкая изысканность языка, которой отличаются его знаменитые ноты, повидимому, обнаруживала в нем человека возвышенного и сильного воображения. Его наружность на портретах выражала благородную осанку человека, привыкшего повелевать. К тому же он сумел добиться и сохранить со всевозрастающим авторитетом первенствующее положение в стране, где мастерство политики не остается в пренебрежении. Все это вместе, не внушая неисполнимых ожиданий, казалось нам именно такою комбинацией качеств, какая была необходима для разрешения вопросов, стоявших на очереди.

Первое впечатление, какое произвел Вильсон в более тесных кругах общества, разрушало некоторые из этих иллюзий, хотя, впрочем, не все. Тонкие линии его головы и лица точно соответствовали его изображению на фотографиях; в мускулах его шеи и поставе головы было много изысканности. Но, подобно Одиссею, президент казался умнее, когда он сидел; кисти его рук выражали, правда, способность и силу, но в них чувствовался недостаток нервной напряженности и тонкости. С первого же взгляда на президента становилось ясно, что, какова бы ни была его личность вообще, это не был человек, в котором преобладал темперамент ученого и мыслителя; мало того, в нем не было заметно даже той светской культуры, которая отличает Клемансо или Бальфура и выделяет их как тонко образованных джентльменов среди их класса и поколения. Еще важнее было то, что он не только не был чуток к окружающей среде в чисто внешнем смысле, он вовсе не обладал чуткостью вообще. Как невыгодно было положение такого человека в сравнении с безошибочной, почти сверхчувственной восприимчивостью ко всему окружающему, какою обладал Ллойд-Джордж? Надо было видеть английского премьер-министра, чутко насторожившегося среди своих собеседников, с помощью пяти или шести чувств, недоступных для обыкновенного человека, взвешивающего характер, побуждения и подсознательные импульсы своих контрагентов, угадывающего, что каждый из них думал и даже что он имел сказать в данную минуту, и в ту же минуту находящего по какому-то инстинкту аргументы или форму выражения, точно рассчитанные на тщеславие, слабость или своекорыстие его оппонента, надо было видеть все это, чтобы понять, что эта борьба была для бедняги президента словно игрою в жмурки. Никогда еще в политическом салоне не появлялась более легкая и более обреченная жертва законченного дипломатического совершенства английского премьера. Старая Европа по-прежнему сохраняла цепкость и гибкость в

своем лукавстве; о ее каменное сердце мог притупиться острый меч даже самого отважного странствующего рыцаря. Но беда в том, что новый дон-Кихот, слепой и глухой, попал в пещеру, в которой быстрый и сверкающий меч оказался в руках его противника.

Но если президент не был философом на троне, кем же он был тогда? В конце концов он был человеком, который провел долгие годы своей жизни в университете. Он был не просто дельцом или заурядным партийным политиком, но человеком, с силой, индивидуальностью и значением. Что же в таком случае представляла из себя его характер?

Достаточно найти в нем основную нить, и все остальное становится ясным. Президент был похож на нонконформистского священника, быть может, даже на пресвитерианина. Его способ мыслить и темперамент носили по преимуществу теологический, а не интеллектуальный характер; сообразно этому ему были свойственны все сильные и слабые стороны такого образа мысли, чувства и внешних проявлений. В наше время в Англии и Шотландии более не встречается таких ярких представителей этого типа, как некогда раньше; тем не менее, этот сорт характеров может дать всякому англичанину точное представление о президенте.

Имея перед собою такой образ его личности, мы можем возвратиться к рассмотрению хода событий. Мировая программа президента, возвещенная в его речах и нотах, развертывала перед взорами такие удивительные цели и такой дух, что его почитатели чувствовали единственное желание критиковать детали, они чувствовали, что детали еще не выяснены в настоящий момент, но будут непременно выяснены в надлежащее время. В начале парижской конференции все были уверены, что президент с помощью целого корпуса советников обдумал обширную и подробную схему не только для Лиги наций, но и для воплощения в условиях договора принципов Четырнадцати пунктов. И вот оказалось что на самом деле президент не обдумал ничего; когда дело дошло до практического выполнения, его идеи оказались туманными и отрывочными. Он не принес с собою ни плана, ни схемы, ни каких-либо конструктивных идей, чтобы облечь плотью и кровью те веления, которые подобно звукам грома прокатились по вселенной из покоев Белого Дома. Он сумел бы сочинить проповедь на тему любого из этих велений или вознести к Всевышнему торжественную молитву за их выполнение, но он не умел начертать плана их конкретного применения к нынешнему состоянию Европы.

Он не только не мог сделать каких-либо детальных предложений, он, кроме того, был, как и нужно ожидать, плохо осведомлен относительно условий европейской жизни. И он не только был плохо осведомлен,— таково же было положение и Ллойд-Джорджа,—но его ум был медлителен и не обладал способностью приспособления. Эта неповоротливость президента обратила на себя общее внимание европейцев. Он не умел во мгновение ока схватить суть в речах остальных собеседников, одним взглядом определить положение и парировать его трудности незаметным изменением позиции; поэтому он неизбежно должен был потерпеть поражение в борьбе с быстротою, сметливостью и подвижностью такого противника, как Ллойд-Джордж. Трудно найти другой пример первоклассного государственного человека, более беспомощного в быстрой смене положений дипломатического совещания. Здесь часто может наступить момент, когда победа окажется обеспеченной за нами, если путем видимости уступки мы сумеем дать нашим оппонентам возможность

отступления с честью или склонить их на нашу сторону, перекроив наше предложение так, чтобы оно давало им известный выход и в то же время сохраняло все существенные преимущества за нами. Президент не обладал этим простым и полезным искусством. Его ум был слишком неповоротлив и не богат средствами, необходимыми, чтобы найтись во *всяком* положении. Он умел упереться и не уступать ни на волос, как он сделал в вопросе о Фиуме. Но иных средств защиты у него не было, и его оппонентам нужно было обычно сделать лишь легкий маневр, чтобы во время не допустить такой крайности. Предупредительностью и видимостью уступок было нетрудно выбить почву из-под ног президента, он упускал момент, чтобы упереться, а когда он начинал понимать, где он очутился, было уже поздно настаивать на своем. Кроме того, невозможно все время упираться в интимных и явно дружественных переговорах, длящихся целые месяцы в тесном кругу сотрудников. Победить мог только тот, кто с достаточною живостью отдавал себе отчет во всей совокупности положения и мог сберегать свой пыл, чтобы точно определить момент решительного выступления. Но для этого президент был слишком медлителен в своем соображении и не находчив.

Этот недостаток он не мог восполнить, обращаясь к помощи коллективной мудрости своих заместителей. Для обсуждения экономических статей Договора, он собрал вокруг себя группу весьма способных деловых людей, но они были неопытны в делах политических и, за одним или двумя исключениями, так же мало знали Европу, как и он сам; кроме того, он не имел обычая обращаться к ним регулярно и призывал их только для консультации по особым вопросам. Таким образом одиночество, в котором он жил в Вашингтоне, продолжалось и в Париже, а чрезмерная необщительность его характера держала от него на расстоянии людей, стремившихся к той же нравственной справедливости, как и он, или способных оказывать на него постоянное влияние. Его соуполномоченные играли роль болванов в карточной игре; и даже решительный полковник Гаус, обладавший гораздо большим знанием людей и Европы, нежели президент, даже он, которого гибкость в значительной степени компенсировала бестолковость президента, оказался отодвинутым на второй план в самый нужный момент. Все эти неблагоприятные условия нашли поощрение со стороны его коллег в Совете Четырех, который после роспуска Совета Десяти довершил изоляцию президента, начало которой лежит в его собственном темпераменте. Таким-то образом день за днем и неделя за неделей он все более становился отрезанным от мира, лишенным поддержки и совета и одиноким в обществе людей, гораздо более проницательных, чем он, в положении, полном величайших трудностей, в котором для успеха требовались разнообразные средства, изобретательность и знания. И он допустил отравить себя атмосферой, которой окружали его эти люди, согласился обсуждать вопросы на основе их планов и данных и, в конце концов, пойти по избранному ими пути.

Такие и разные другие причины и привели к создавшемуся на конференции положению. Читатель не должен упускать из вида, что процесс, который изложен здесь на нескольких страницах, в действительности развивался медленно, постепенно и коварно в течение почти пятимесячного периода.

Так как президент не придумал никакого определенного плана, то Совет Четырех стал работать преимущественно на основе французского или британского проекта. Поэтому ему постоянно приходилось прибе-

гать к обструкции, критике и отрицанию, если он хотел, чтобы этот проект согласовался с его собственными идеями и целями. Если в некоторых случаях ему шли навстречу с видимым великодушием (так как у его оппонентов всегда имелся достаточный запас совершенно абсурдных предположений, которых никто не принимал всерьез), то ему трудно было и с своей стороны не делать уступок в других случаях. Кроме того, вскоре создалось положение, при котором казалось, что он становится на сторону германцев, и он сам дал повод для предположения (к которому он к несчастию относился с излишней нервностью), будто он является «германофилом».

Обнаружив много принципиальности и достоинства в первые дни деятельности Совета Десяти, он убедился, что в программе его французских, британских и итальянских коллег имелись некоторые весьма важные пункты, отказа от которых он при данных обстоятельствах не мог добиться посредством методов тайной дипломатии. Что же было ему делать в конце концов? Он мог бы до бесконечности затянуть конференцию, попросту не отказываясь от своего упорства. Он мог бы сорвать ее и вернуться в Америку в бешенстве от того, что положение остается нерешенным. Он мог бы также попытаться апеллировать к общественному мнению всего мира помимо конференции. Однако все это было бы неудачным выходом из положения, и много можно было бы возразить против. Здесь было также много риска, в особенности для политика. Неудачная тактика президента в вопросе о выборах в конгресс пошатнула его личное положение в собственной стране, и невозможно было быть уверенным в том, что американское общество стало бы поддерживать его непримиримую позицию. Она несомненно повлекла бы за собою борьбу, исход которой был неясен вследствие всякого рода личных и партийных соображений, и кто мог бы сказать с уверенностью, что именно право восторжествует в этой борьбе, в которой конечно не оно будет играть роль решающего критерия? Кроме того, открытый разрыв с коллегами наверное навлек бы на президента все слепые страсти «германофобских» настроений, которыми еще было проникнуто общество всех союзных стран. Общество не станет слушать его аргументов. В нем не окажется достаточно спокойствия, чтобы обсуждать вопрос в плоскости международной этики и справедливого управления всей Европой. Начнут кричать попросту, что из-за различных недобрых и эгоистических соображений президент стремится «выпустить гунна из рук». Можно было безошибочно предсказать, каков будет почти единодушный голос британской и французской прессы. Итак, если бы он открыто бросил вызов, его поражение было бы несомненно. А если это так, то разве договор в окончательной форме не выйдет гораздо хуже, чем в том случае, если бы он попытался сохранить свой престиж и исправить этот договор, насколько условия европейской политики позволили бы сделать это, хотя бы в ограниченных пределах? А главное, потерпев поражение, не погубит ли он идею Лиги наций? Ведь, в конце концов, эта идея была важнейшим результатом в целях осуществления будущего счастия мира. К тому же время может изменить и смягчить договор. Многое, что теперь в нем кажется столь жизненным, сделается маловажным, а что является неприемлемым, по этой самой причине никогда и не осуществится. Напротив, Лига наций, даже в своей несовершенной форме, останется существовать; она представляет первый шаг в выполнении нового принципа управления миром; . Правду и Справедливость в международных отношениях невозможно установить в несколь-

ко месяцев; они должны быть введены медленным появлением на свет Лиги наций. Клемансо был достаточно умен для того, чтобы дать заметить, что он принимает Лигу наций только за известную цену.

В момент этого кризиса в своей судьбе президент был одинок. Захваченный муками старой Европы, он в высшей степени нуждался в сочувствии, в нравственной поддержке и энтузиазме масс. Замурованный в глухой склеп конференции, задыхаясь в горячей и отравленной атмосфере Парижа, он не слышал отзвука, который долетел бы до него из внешнего мира, он не чувствовал порыва страсти, симпатии или ободрения его молчаливых сторонников во всех странах. Он сознавал, что популярность, которая встретила его прибытие в Европу, уже померкла. Парижская пресса осмеливалась открыто высмеивать его: дома его политические противники пользовались его отсутствием, чтобы создать враждебную для него атмосферу: Англия относилась к нему холодно, критически и равнодушно. Он умудрился подобрать себе такую свиту, через посредство которой до него не могли дойти неофициальными, частными путями те потоки преданности и энтузиазма, которые в общественных источниках казались загороженными плотиной. Ему была нужна, но ему недоставала умноженная сила коллективного доверия. Над нами еще нависс страх перед Германией, и даже сочувствующая часть общества держалась настороже. Надо было остерегаться придавать бодрости врагу, надо было поддерживать наших друзей, считалось несвоевременным поднимать несогласия и агитацию, надо было верить, что президент сделает все, что будет в его силах. В этой засухе общественных настроений лучший цвет веры президента поблек и, в конце концов, завял.

Таким-то образом случилось, что президент отменил свой приказ, данный в момент справедливого гнева командиру *Георга Вашингтона* быть на-готове, чтобы увезти его прочь от вероломных зал Парижа к месту его авторитета, где он снова мог бы стать самим собою. Но—увы!— как только он вступил на путь компромисса, недостатки его характера и подготовки проявились с роковой силой. Он мог брать высокий тон; он мог прибегать к упорству; он мог рассылать ноты с вершины Синая или Олимпа; он мог оставаться недоступным у себя в Белом Доме или даже в Совете Десяти и чувствовать себя уверенно. Но как только он спустился до интимного равенства Совета Четырех, его партия была несомненно проиграна.

Вот тут и выступила на сцену а опасная черта его характера, которую я назвал теологическим или пресвитерианским темпераментом. Решив, что известные уступки неизбежны, он мог бы проявить твердость и ловкость, мог бы воспользоваться финансовым значением Соединенных Штатов, чтобы спасти как можно больше сущности, даже жертвуя в известных случаях буквой. Но для такого образа действий было необходимо ясное понимание своей собственной роли, а на него президент не был способен. Он был для этого слишком совестлив. Хотя компромиссы отныне стали необходимы, он оставался человеком принципов. а Четырнадцать пунктов — контрактом, сохраняющим для него свою обязательную силу. Президент не сделает ничего, что не соответствует его чувству чести, что противно справедливости и праву, что противоречит его высокому исповеданию веры. Таким образом Четырнадцать пунктов, вполне сохраняя букву, превратились в документ, обреченный на истолкование с помощью примечаний, предназначенный стать орудием самообмана; с помощью такого же орудия духовные предки президента убе-

ждали себя, что их образ жизни точно согласовался с каждой буквой Пятикнижия.

С этих пор позиция президента по отношению к его коллегам выразилась так: «я готов итти вам навстречу, насколько это возможно; я вижу ваши затруднения и желал бы войти в ваше положение; но я не могу сделать ничего, что не согласуется со справедливостью и правом, и вы должны доказать мне, что ваши желания действительно совпадают с теми заявлениями, которые сделаны мною и являются обязательными для меня». Вот когда началось плетение той хитрой сети софистики и иезуитских толкований, которая, в конце концов, покрыла лицемерием и обманом букву и сущность всего договора. Ведьмам всего Парижа был дан сигнал:

> Fair is foul and foul is fair,
> Hover throug the fog and filthy air [1]).

Самые тонкие софисты и самые лицемерные прожектеры были посажены за работу; их ловкие приемы были способны надолго держать в заблуждении даже более проницательного человека, нежели президент...

Вместо того, чтобы просто сказать, что германской части Австрии воспрещается слияние с Германией иначе, как с соизволения Франции (что было бы несовместимо с принципом самоопределения народов), договор делает тонкую уловку и объявляет, что «Германия признает и обязуется строго соблюдать независимость Австрии в границах, которые будут установлены договором между этим государством и главными державами Согласия; она признает, что эта независимость может быть нарушена лишь с соизволения Совета Лиги наций». Здесь та же сущность запрещения, но выражена она совсем иными словами. Очевидно, президент забыл, что согласно другой статье договора для решения подобных вопросов требуется *единогласие* Совета Лиги наций.

Вместо того, чтобы отдать Данциг Польше, договор превращает Данциг в «вольный» город, но включает этот «вольный» город в польскую таможенную границу, вверяет Польше контроль над его речной и железнодорожной системой и постановляет, что «польское правительство принимает на себя руководство иностранными сношениями вольного города Данцига, равно как дипломатическую защиту граждан этого города за границей».

Ставя речную систему Германии под иностранный контроль, договор говорит об интернационализации тех «речных систем, которые по естественным условиям дают доступ к морю более, чем одному государству, при чем плавание по рекам может вызывать или не вызывать необходимость перегрузки с одного судна на другое».

Можно было бы привести сколько угодно подобных примеров. Честная и понятная политика Франции, стремившаяся к сокращению населения Германии и ослаблению ее экономической системы, облечена, ради удовлетворения щепетильности президента, в торжественный стиль, говорящий о свободе и равенстве народов.

---

[1]) Слова ведьм из *Макбета*, акт I, сцена 1:

> Что хорошо, то дурно, а что дурно, то хорошо,
> Летим же сквозь туман и смрад.

(Русск. пер.).

Но решительный момент в процессе разложения моральной позиции президента и помрачения его рассудка наступил тогда, когда к ужасу своих советников он позволил убедить себя, что расходы союзных государств на пенсии военным и пособия их семьям можно нелицемерно рассматривать как «ущерб, причиненный гражданскому населению держав Согласия агрессивными действиями Германии на суше, на море и в воздухе». Это признание явилось в результате долгой теологической борьбы, в которой, после отказа от многих иных аргументов, президент, в конце концов, капитулировал перед силою искусства софистики.

Наконец, творение было завершено, а совесть президента оставалась нисколько непотревоженной. Вопреки всему, я уверен, что благодаря своему темпераменту он смог покинуть Париж с убеждением в своей полной искренности; весьма вероятно, что и по сей день он сохраняет чистосердечную веру в то, что договор не содержит в сущности ничего несовместимого с высказанными им прежде взглядами.

Но творение имело слишком законченный характер, и это вызвало последний трагический эпизод всей драмы. Ответ графа Брокдорф-Рантцау указывал, что Германия сложила оружие, полагаясь на определенные гарантии, и что договор во многих отношениях не согласуется с этими гарантиями. Но именно с такой точкой зрения не мог согласиться президент; в сладком самообольщении и в молитвах, возносимых к Господу, он был уверен, что он не сделал *ничего*, что не согласовалось бы со справедливостью и правом; допустить, что ответ германских представителей заключал в себе какую-либо силу, равнялось бы для него разрушению его самоуважения и внутреннего душевного равновесия; все инстинкты его упрямой натуры поднимались для защиты против подобных обвинений. Сказать президенту, что договор представляет отказ от его взглядов, значило бы то же, что прикоснуться к обнаженному нервному сплетению. Обсуждать эту тему было недопустимо, и все бессознательные инстинкты президента отвергали ее дальнейшее исследование.

В результате Клемансо удалось провести такое предложение, которое несколькими месяцами раньше показалось бы неслыханным и невозможным, а именно, что германские представители не должны быть выслушаны. Если бы только президент не был столь щепетилен, если бы он не скрывал сам от себя, что́ он творит, то даже в последний момент он мог бы наверстать потерянное и достигнуть значительных успехов. Но с президентом уже справились. Хирурги спеленали его руки и ноги в известном положении, и их скорее можно было сломать, нежели придать им новое положение. Ллойд-Джордж, желая в последний момент проявить возможную умеренность, с ужасом убедился, что в пять дней невозможно убедить президента в ошибочности его теперешнего представления о праве и справедливости, внушать которое пришлось в течение предшествующих пяти месяцев. Оказалось, что легче было обмануть этого старого пресвитерианца, чем раскрыть ему глаза на обман, ибо теперь с этим обманом была связана его вера и самоуважение.

В последний момент конференции президент настаивал на непримиримости и отказе согласиться на уступки.

ГЛАВА IV.

Мирный договор.

Мысли, выраженные мною во второй главе, были чужды настроению умов в Париже. Им не было дела до того, как должна сложиться в будущем жизнь Европы; вопрос об ее средствах к существованию не вызывал в них тревоги. Все их помыслы, благие и дурные без различия, были посвящены границам и национальностям, равновесию сил, империалистическим расширениям, ослаблению могущественного и опасного врага, мщению и заботе о том, как бы, пользуясь своей победой, свалить невыносимое финансовое бремя на плечи побежденного противника.

Два противоположных плана будущего устройства мировых отношений боролись между собою—Четырнадцать пунктов Вильсона и карфагенский мир Клемансо. Однако лишь один из них имел право на осуществление, ибо противник подчинился не безусловно; он выговорил себе определенные статьи, касающиеся общего характера мирного договора.

К сожалению, мы не можем ограничиться немногими словами о создавшемся положении, так как, по крайней мере, в умах многих англичан по этому поводу существует весьма крупное недоразумение. Многие уверены, что статьи перемирия являются первым договором между Антантой и германским правительством и что мы пришли на мирную конференцию с свободными руками, связанные лишь постольку, поскольку это было оговорено этими статьями. Однако дело обстояло иначе. Чтобы выяснить положение, нам надо сделать краткий обзор переговоров, начавшихся германской нотой 5 октября 1918 года и закончившихся нотой Вильсона от 5 ноября того же года.

5 октября германское правительство отправило президенту краткую ноту, в которой оно принимало Четырнадцать пунктов и просило о начатии мирных переговоров. В своем ответе 8 октября президент ставил вопрос, может ли он окончательно считать, что германское правительство согласно на «условия, изложенные» в Четырнадцати пунктах и его дальнейших Адресах, и «что таким образом целью вступления в переговоры будет только соглашение относительно практических деталей их осуществления». При этом он прибавлял, что эвакуация занятой территории является первым условием перемирия. 12 октября германское правительство дало ясный утвердительный ответ на эти вопросы; «его целью при вступлении в переговоры является только соглашение относительно практических деталей осуществления выше означенных условий». 14 октября, получив этот утвердительный ответ, президент сделал дальнейшее сообщение с целью выяснить следующие

пункты: 1) выработка деталей перемирия должна быть предоставлена военным советникам Соединенных Штатов и союзников, при чем должна быть обеспечена полная невозможность возобновления военных действий со стороны Германии; 2) если имеется в виду продолжать эти переговоры, то подводная война должна быть прекращена; 3) президент требует дальнейших гарантий представительного характера германского правительства, с которым он имеет дело. 20 октября Германия приняла 1-й и 2-й пункты, относительно же пункта 3-го указала, что в настоящее время она имеет конституцию и правительство, авторитет которого основывается на воле Рейхстага. 23 октября президент заявил, что ввиду получения им торжественного и точного заверения германского правительства в том, что оно безусловно принимает мирные статьи, изложенные в его Адресе к Конгрессу Соединенных Штатов от 8 января 1918 года (Четырнадцать пунктов) и принципы соглашения, возвещенные в его дальнейших Адресах, в частности в Адресе от 27 сентября, а также в том, что оно готово обсуждать детали их осуществления», он, президент, сообщил вышеупомянутый обмен нотами правительствам союзных держав, «при чем выразил мнение, что если эти правительства согласны заключить мир на основе указанных условий и принципов», то они имеют предложить своим военным советникам выработать статьи перемирия такого характера, который «дал бы правительствам Антанты неограниченную ничем возможность обеспечить и упрочить детали мира, на который согласилось германское правительство». В конце этой ноты президент уже более откровенно, чем в ноте от 14 октября, намекнул на отречение кайзера. Этим и закончились предварительные переговоры, в которых президент принимал участие один, действуя помимо союзных держав.

5 ноября 1918 года президент передал Германии ответ, полученный им от правительств Антанты, и присовокупил, что маршал Фош имеет полномочия сообщить условия перемирия назначенным для сего представителям Германии. В этом ответе правительства Антанты «подчиняются условиям, изложенным при сем, и выражают готовность заключить мир с германским правительством на основе мирных статей, изложенных президентом в его Адресе к Конгрессу от 8 января 1918 года, и принципов соглашения, возвещенных в его последующих Адресах». Условий, о которых идет речь, было два. Первое касается вопроса о свободе морей, по отношению к которому «они сохраняют за собой полную свободу». Второе касалось вопроса о возмещении убытков и заключалось в следующем: «Далее, в мирных условиях, изложенных в Адресе к Конгрессу от 8 января 1918 года, президент объявляет, что занятые неприятелем территории должны быть восстановлены, равно как территории эвакуированные и освобожденные. Союзные правительства считают, что не должно быть никакого сомнения относительно значения этой оговорки. Они понимают под ней обязательство Германии возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзников, равно как и его имуществу ее нападениями на суше, на море и в воздухе».

Характер контракта между Германией и союзниками, вытекающего из этого обмена документов, ясен и недвусмыслен. Мирные условия должны согласоваться с Адресами президента, а предметом занятий мирной конференции является «обсуждение деталей их проведения в жизнь». Обстоятельства, сопровождавшие этот контракт, носят необычайно торжественный и связывающий характер; ведь одним из его

условий было согласие Германии принять статьи перемирия, которые были таковы, что делали ее совершенно беспомощной. Так как Германия обезоружила себя в уповании на контракт, то для союзников было вопросом чести выполнить принятые на себя обязательства; если же эти обязательства допускали двусмысленное толкование, то союзники не имели права использовать свое положение, чтобы извлечь для себя выгоду из этой двусмысленности.

Какова же в таком случае была сущность этого контракта, которым союзники добровольно связали себя? Из рассмотрения документов явствует, что хотя Адреса президента в значительной своей части скорее обнаруживают известный дух, общие виды и намерения, чем конкретное разрешение вопросов, хотя многие предметы, требующие соглашения в мирном договоре, здесь даже не затронуты, тем не менее, эти Адреса содержат некоторые вопросы, которые тут же разрешаются окончательно. Правда, в довольно широких пределах союзники могли действовать свободно. Далее, представляется затруднительным воспользоваться для установления основы контракта теми местами Адресов, в которых выражены общий дух, предположения и намерения; каждый должен по-своему судить о том, не были ли в виду этих общих мест допущены со стороны союзников обман и лицемерие. Однако, как мы покажем это ниже, при этом остаются некоторые важные следствия, относительно которых контракт не допускает различных толкований.

Адресов президента, которые вместе с его Четырнадцатью пунктами от 8 января 1918 года составляют часть материала, послужившего для контракта, насчитывается четыре: 1) Адрес перед конгрессом 11 февраля; 2) Адрес, изданный в Балтиморе 6 апреля; 3) в Монт-Вернюне 4 июля; 4) наконец, в Нью-Йорке 27 сентября, при чем контракт специально ссылается на этот последний. Я позволю себе, избегая повторений, представить в виде извлечений из этих Адресов те существенные обязательства, которые имеют наибольшее отношение к договору с Германией. То, что я опускаю некоторые части Адресов, скорее усиливает, нежели ослабляет значение того, что я привожу из них в тексте; они выражают, главным образом, намерения и имеют, пожалуй, слишком неопределенное и общее значение, чтобы их истолкование могло считаться обязывающим [1]).

Четырнадцать пунктов.—3. «Упразднение по возможности всех экономических перегородок и установление равенства условий торговли между всеми нациями, согласившимися на мир и соединившимися для его сохранения». 4. «Достаточные гарантии, данные и принятые, в том, что национальные вооружения будут ограничены до крайнего предела, допустимого в виду поддержания внутреннего порядка». 5. «Свободное, откровенное и совершенно беспристрастное примирение всех колониальных притязаний», при чем должны быть приняты во внимание интересы населения соответствующих колоний. 6, 7, 8 и 11. Эвакуация и «восстановление» всех занятых территорий, в особенности Бельгии. Сюда нужно прибавить добавочную оговорку союзников, требующую компенсаций за весь ущерб, причиненный гражданскому населению и его имуществу операциями на суше, на море и в воздухе (приведено полностью выше). 12. Исправление «несправедливости, причинен-

[1]) Таким образом я опускаю то, что не имеет специального отношения к соглашению с Германией. Второй из Четырнадцати пунктов, трактующий о свободе морей, опущен по той причине, что союзники не приняли его. Все курсивы принадлежат мне.

ной Франции Пруссией в 1871 году отторжением Эльзас-Лотарингии». 13. Независимая Польша с включением в ее состав «территорий, обитаемых несомненно польским населением», и «с гарантией свободного и обеспеченного доступа к морю». 14 Лига наций.

Адрес перед конгрессом, 11 февраля.—«Не должно быть никаких аннексий, никаких контрибуций, никакого ущерба с карательной целью... Самоопределение не есть просто фраза. Оно является императивным принципом, игнорировать который государственные люди отныне не смогут без опасности для себя... Всякое соглашение относительно территорий, имеющее отношение к этой войне, должно быть выполнено в интересах и к пользе соответствующих населений, и отнюдь не быть следствием простого согласования и компромисса притязаний соперничающих государств».

Адрес, изданный в Нью-Йорке, 27 сентября.—1. «Беспристрастная справедливость не должна допускать никакого различия между теми, к кому мы желаем быть справедливыми, и теми, к кому мы не желаем быть справедливыми». 2. «Никакие специальные или отдельные интересы какой-либо одной нации или группы наций не могут быть положены в основу хотя бы одной части соглашения, не соответствующего общему интересу всех». 3. «Не допускаются никакие лиги, союзы или специальные договоры (covenants) и сделки (understandings) внутри общей и тесной семьи Лиги наций». 4. «Внутри Лиги не может быть никаких специальных эгоистических комбинаций с экономическою целью, а также в ней не должны применяться какие-либо формы экономического бойкота или изоляции; в виде исключения из этого правила, самой Лиге наций может быть вручена власть применять экономическую кару посредством недопущения к мировым рынкам в качестве средства дисциплины и контроля». 5. «Все международные соглашения и трактаты всякого рода должны полностью становиться известными всему миру».

Эта мудрая и великодушная программа мировых отношений 5 ноября 1918 г. спустилась из области идеалов и благих порывов и преобразилась в часть торжественного контракта, к которому все великие мировые державы приложили свою руку. Тем не менее, эта программа потонула в болоте парижских интриг; ее дух исчез целиком, ее буква частью была оставлена без внимания, частью же искажена.

Германские замечания на первоначальную редакцию мирного договора представляли, главным образом, сравнение между статьями того соглашения, на основе которого германская нация подчинилась требованию сложить оружие, и действительными мероприятиями, изложенными в том документе, который после этого был предложен для подписи германским представителям. Для коммептаторов не составляло никакого труда показать, что проект мирного договора есть нарушение обязательств и международной морали, которое можно сравнить только с их собственным нападением на Бельгию. Тем не менее, ответ немцев не представлял во всех своих частях документ, вполне соответствующий вызвавшим его обстоятельствам; дело в том, что, вопреки справедливости и важному значению многого в его содержании, ему не хватало настоящего широкого взгляда на вещи и высокого достоинства умеренности; в общем впечатлении, которое он производит, чувствуется недостаток простого подхода к вопросу и той спокойной объективности отчаяния, которую могли бы вызвать глубокие страсти, возбужденные пережива-

емым моментом. Во всяком случае, правительства союзников не уделили ему серьезного внимания, и я не знаю, что могли бы сказать представители германской делегации в этой стадии переговоров, что оказало бы какое-либо влияние на их конечный результат.

Выборным представителям наций часто недостает самых заурядных добродетелей человека; государственный муж, который представляет не себя, но свою страну, может выказать себя, не подвергаясь чрезмерным нареканиям (как этому часто учит история), мстительным, вероломным и полным эгоизма. Эти качества вполне обычны в договорах, навязанных победителем. Однако германская делегация не достигла своей цели, запечатлевая в горячих и пророческих словах ту черту, которая особенно отличает эту сделку от всех ее исторических предшественниц, а именно ее неискренность.

Этот вопрос я, впрочем, предоставляю перу иного автора. Главная задача моей книги говорить не о справедливости мирного договора, не о требовании уголовной кары против врага, не об обязанности победителя быть беспристрастным, ее задача рассмотреть, какова мудрость договора и каковы его последствия.

Согласно этому в настоящей главе я предполагаю дать простое изложение принципиальных экономических постановлений договора, при чем я приберегаю для следующей главы мои комментарии к статье договора о возмещении убытков и к вопросу о том, насколько Германия способна внести все платежи, которые требуют от нее.

Экономическая система Германии до войны покоилась на трех главных факторах. Эти факторы следующие: I. Заморская торговля, представленная ее коммерческим флотом, колониями, помещением капиталов за границей, вывозом и заморскими связями немецких купцов. II. Эксплоатация германского угля и железа и индустрия, на ней основанная. III. Германская система транспорта и тарифов. Из этих факторов первый, не будучи менее важным, чем остальные, был явно наиболее уязвимым. Мирный договор стремится к тому, чтобы систематически разрушить все три, но, главным образом, два первые.

I.

1. Германия уступает союзникам *все* суда ее коммерческого флота, вместимостью свыше 1.600 тонн, половину судов, вместимостью от 1.000 до 1.600 тонн и четверть ее траулеров и прочих рыболовных судов [1]). Уступка производится в полном объеме, захватывая не только суда, плавающие под германским флагом, но и те, которые принадлежат немцам, хотя и плавают под иным флагом, равно как суда, еще только находящиеся в постройке на ряду со спущенными на воду [2]). Далее, Германия обязуется, в случае требования союзников, строить для них корабли такого типа, какой им вздумается избрать, общей вместимостью до 200.000 тонн [3]) ежегодно в течение пяти лет, при чем стоимость этих кораблей будет покрываться кредитом, предоставленным ей из общей суммы требуемого с нее возмещения убытков [4]).

[1]) Часть VIII. Прибавление III (1).
[2]) Часть VIII. Прибавление III (3).
[3]) В довоенное время ежегодный выпуск новых судов давал в среднем 350.000 тонн, исключая военные корабли.
[4]) Часть VIII. Прибавление III (5).

Итак, коммерческий флот Германии отныне сметен с поверхности морей; в течение многих лет он уж не может быть восстановлен в размерах, необходимых для удовлетворения потребностей ее собственной торговли. Теперь ни одна пароходная линия не пойдет из Гамбурга, разве только какая-либо чужая нация признает выгодным пустить по ней излишек своих собственных судов. Германии придется платить иностранцам за перевозку своих товаров столько, сколько те найдут нужным взять с нее, при чем от них она получит лишь те преимущества, какие им угодно будет ей пожаловать. Благоденствие германских гаваней и торговли может, повидимому, вернуться лишь постольку, поскольку ей удастся подчинить своему действительному влиянию торговые флоты Голландии и Скандинавии.

2. Германия уступает союзникам «все права и преимущества над ее заморскими владениями» [1]). Этот отказ относится не только к ее суверенитету, но посягает также на собственность германского правительства, которая целиком, включая сюда и железные дороги, должна быть отдана без всякого вознаграждения, а в то же время само это правительство остается ответственным за все займы, которые были сделаны для покупки или создания этой собственности, либо для развития благосостояния колоний вообще [2]).

В противоречии с обычаем, принятым в большинстве случаев подобного отказа от своих прав в новейшей истории, собственность и личность германских подданных, рассматриваемых отдельно от их правительств, тоже задеваются к их ущербу. Союзное правительство, получившее власть над той или другой колонией, раньше принадлежавшей Германии, «в вопросе о водворении из нее на родину германских уроженцев, имеет право принять такие меры, какие найдет для себя удобными; оно может также определять условия, на которых германские подданные европейского происхождения получат или не получат позволение жительствовать, владеть имуществом, торговать или иметь какую-либо профессию в этих колониях» [3]). Все контракты и соглашения в пользу германских подданных касательно постройки или эксплоатации общественных сооружений переходят в руки союзных правительств, как часть платежей по возмещению убытков.

Однако эти условия неважны в сравнении с открывающим широкие перспективы постановлением, благодаря которому «державы Антанты сохраняют за собой право удержать и ликвидировать всю собственность, права и доходы, принадлежащие германским подданным или компаниям, управляемым ими в момент вступления в силу настоящего договора» в пределах бывших германских колоний [4]). Эта оптовая экспроприация частной собственности должна совершиться без всякого возмещения союзниками убытков, причиненных таким образом частным лицам, а самая мера предназначается, во-первых, для оплаты частных долгов германских подданных подданным союзных держав и, во-вторых, для удовлетворения аналогичных претензий к подданным Австрии,

---

[1]) Статья 119.
[2]) Статьи 120 и 257.
[3]) Статья 122.
[4]) Статьи 121 и 297 (в). Применение или неприменение этого права экспроприации принадлежит, повидимому, не Комиссии по возмещению убытков, но той державе, на чьей территории окажется означенная собственность в силу уступки или вверения

Венгрии, Болгарии и Турции. Все остаточные суммы держава, производящая ликвидацию, может либо непосредственно возвратить Германии, либо удержать у себя. В последнем случае она должна передать их Комиссии по возмещению убытков для внесения на кредит Германии [1]).

Одним словом, не только суверенитет и влияние Германии в ее бывших заморских владениях отняты у нее союзниками, но и ее подданные, равно как их имущество, лишены легального положения и защиты закона.

3. Только что указанные меры по отношению к частной собственности немцев в бывших германских колониях применяются к этой собственности, точно таким же образом и в Эльзас-Лотарингии; исключения возможны лишь постольку, поскольку французскому правительству заблагорассудится допустить их [2]). Эта статья имеет гораздо большее практическое значение, нежели аналогичная заморская экспроприация; дело в том, что собственность, затрагиваемая здесь, имеет несравненно более высокую ценность, а германские экономические интересы в этих провинциях в результате широкого развития их минерального богатства с 1871 года тесно переплетаются с интересами самой Германии. Эльзас и Лотарингия составляли часть германской империи в течение почти пятидесяти лет, значительное большинство их населения говорит по-немецки, и обе провинции являлись полем деятельности многих самых важных экономических предприятий Германии. Вопреки этой тесной связи собственность тех немцев, которые проживают здесь или которые вложили свои капиталы в здешнюю промышленность, поступает отныне в полное распоряжение французского правительства без всякого вознаграждения за экспроприацию, исключая те случаи, когда само германское правительство пожелает уплатить его своим подданным. Французское правительство получает право экспроприировать безвозмездно личную собственность германских граждан и компаний, находящихся в Эльзас-Лотарингии, при чем суммы, вырученные от ее продажи, должны быть кредитованы на предмет удовлетворения части разнообразных французских претензий. Суровость этой меры смягчается только тем, что французское правительство может давать германским подданным специальное разрешение оставаться в стране, и в этом случае экспроприация к ним не применяется. Что же касается собственности, принадлежащей правительству, государству и муниципалитетам, то она передается Франции, при чем Германия взамен этой потери не получает никакого кредита. Передача распространяется также и на железнодорожную сеть обеих провинций вместе со всем подвижным составом [3]). Но, между тем, как собственность отбирается, обязательства, лежащие на ней в виде всякого рода общественных долгов, остаются по-прежнему обязательствами Германии [4]). Итак, провинции возвращаются под верховную власть Франции свободными и чистыми от их доли германского военного и довоенного долга; эта потеря даже не

---

[1]) Ст. 297 (h) и § 4. Прибавления к части X, разделу IV.

[2]) Ст. 53 и 74.

[3]) В 1871 году Германия согласилась засчитать на кредит Франции уступку Эльзас-Лотарингских железных дорог, но не государственной собственности. Правда, в то время дороги принадлежали частным лицам. Так как с тех пор они сделались собственностью германского правительства, то французское правительство, несмотря на то, что Германия вложила в них большой добавочный капитал, объявило, что они должны подвергнуться той же участи, как и вся государственная собственность вообще.

[4]) Статья 55 и 255. Это условие определено согласно прецеденту 1871 года.

записывается на кредит Германии при составлении счета по возмещению причиненных ею убытков.

4. Экспроприация германской частной собственности не исчерпывается бывшими германскими колониями и Эльзас-Лотарингией. Определение положения этой собственности, в самом деле, составляет весьма характерную и существенную часть договора, которая, однако, не привлекла к себе внимания, соответствующего ее важности, хотя она вызвала необычайно страстные возражения со стороны германских представителей в Версале. Насколько мне известно, ни в одном мирном договоре новейшей истории нет примеров подобного обращения с частной собственностью, и германские представители настойчиво указывали на то, что устанавливаемый ныне прецедент наносит опасный и безнравственный удар целости частной собственности где бы то ни было вообще. Этот тезис является, однако, преувеличением; санкционированное обычаем и мнением в течение последних двух столетий резкое различие между собственностью и правами государства, с одной стороны, и собственностью и правами его подданных, с другой, чисто искусственно; оно быстро отживает свое время под действием многих факторов, иных, чем этот мирный договор, и не согласуется с современной социалистической концепцией отношений между государством и его гражданами. Все же справедливо, что договор наносит сокрушительный удар понятиям, лежащим в основе многих принципов так называемого международного права, как его толковали доныне.

Главные распоряжения касательно экспроприации частной германской собственности, находящейся вне заново установленных границ Германии, в общем, покрывают друг друга; так как некоторые из них более решительны, чем другие, то в известных случаях эти последние кажутся излишними. Однако, говоря вообще, более решительные и широкие распоряжения формулированы не столь определенно, как те, которые имеют более специальное и ограниченное применение. Эти распоряжения таковы:

а) Союзники «оставляют за собою право удержать и ликвидировать всякую собственность, права и доходы, принадлежащие в момент вступления в силу настоящего договора германским подданным или управляемым ими компаниям в пределах собственных территорий, колоний, владений и протекторатов союзников, включая сюда также территории уступленные им согласно настоящему договору [1]).

Здесь мы имеем распространенную версию распоряжения, уже рассмотренного нами в применении к колониям и Эльзас-Лотарингии. Ценность экспроприированной собственности в первую голову должна итти на погашение частных долгов Германии подданным тех союзных правительств, в компетенцию которых входит данная ликвидация, а затем на погашение претензий к бывшим союзникам Германии. Остатки, получившиеся по выполнении ликвидации, должны быть отнесены на кредит Германии в счет возмещения причиненных ею убытков [2]); так делается в том случае, если правительство, производящее ликвидацию, удерживает эти остатки за собою. Однако, при этом есть важная оговорка, позволяющая этому правительству не передавать остатки вырученной суммы Комиссии по возмещению убытков, но по собственному усмот-

[1]) Статья 297 (в).
[2]) Часть X, отделы III и IV и ст. 243.

рению возвратить их непосредственно Германии. Это условие позволяет Соединенным Штатам, в случае их желания, воспользоваться значительными суммами, очутившимися таким образом в руках хранителей неприятельской собственности, для оплаты доставленного со Германии продовольствия, не считаясь с видами Комиссии по восстановлению убытков.

Эти меры имеют своим источником план взаимной очистки долгов воюющих держав посредством особой Расчетной палаты (Clearing House). Таким путем надеялись избежать больших хлопот и препирательств благодаря тому, что на каждое из правительств, находившихся перед тем в состоянии войны, возлагалась ответственность за взыскание частных долгов с его подданных в пользу подданных какого-либо другого правительства (в виду того, что война приостановила обычный способ взыскания); ответственность эта простиралась также и на распределение собранных таким образом фондов между теми из подданных правительства, которые имели *претензии* к подданным других правительств; конечный расчет, во всяком случае, должен был производиться на наличные. В такой системе могла бы быть проведена полная двусторонность и взаимность. Отчасти это так и было, так как в главном взаимность была соблюдена, поскольку дело касалось взыскания коммерческих долгов. Однако, полнота победы позволила союзным правительствам ввести в собственных интересах много отклонений от принципа взаимности, из коих важнейшими являются следующие: между тем как собственность подданных союзных держав в пределах германской юрисдикции, согласно договору, возвращается к их владельцам по заключении мира, собственность немцев в пределах юрисдикции союзников подлежит удержанию и ликвидации по способу, описанному выше; в результате выходит, что вся германская собственность на значительном пространстве земного шара может быть экспроприирована и огромные имущества, находящиеся ныне на хранении у кураторов (Public Trustees) и подобных им должностных лиц в союзных странах могут быть удержаны навсегда. Далее, взятые в залог имущества германцев служат не только для обеспечения обязательств их самих; в случае, если эти обязательства будут ликвидированы, эти имущества должны итти на «уплату счетов по претензиям подданных той или иной державы Антанты, вытекающим из их обладания имуществами, правами и доходами на территории какой-либо другой неприятельской державы», например, Турции, Болгарии или Австрии [1]). Это постановление замечательно, и само собою разумеется, оно вполне исключает принцип взаимности. В-третьих, если окончательный расчет по претензиям частных лиц оказывается в пользу Германии, то союзники не обязаны выплатить ей остаточные суммы, но могут удержать их для покрытия различных обязательств германского правительства [2]). Действительное выполнение этих статей гарантируется выдачей относящихся сюда документов и

---

[1]) Толкование слов, заключенных в кавычки, вызывает некоторые недоумения. фраза имеет столь широкое значение, что заключает, повидимому, также и частные доли. Однако в конечной редакции договора частные доли не оговорены точно.

[2]) Это постановление смягчено в вопросе о германской собственности в Польше и других новых государствах, так как суммы, оставшиеся от ликвидации в этих областях, должны быть выплачены непосредственно владельцам (ст. 92).

справок [1]). Наконец, в-четвертых, заключенные до войны договоры между подданными союзных держав, с одной стороны, и германских подданными с другой, могут быть либо уничтожены, либо возобновлены исключительно по желанию первых; таким образом все контракты, выгодные для Германии, будут уничтожены, и в то же время она будет принуждена выполнить те контракты, которые для нее невыгодны.

b) Таковы распоряжения, относящиеся к германской собственности в сфере юрисдикции союзников. Следующие по порядку распоряжения имеют целью изъятие германских интересов на территории ее соседей и бывших союзников, а также некоторых других стран. Статья 260 финансовых условий (Financial Clauses) предусматривает право Комиссии по возмещению убытков в течение одного года со времени вступления договора в силу потребовать, чтобы германское правительство экспроприировало у своих подданных и передало Комиссии «все их имущественные права и доходы во всех общественно-полезных предприятиях и во всех концессиях [2]) принадлежащих им в России, Китае, Турции, Австрии, Венгрии и Болгарии или в областях, находящихся в зависимости от этих государств, а также во всех территориях, раньше принадлежавших Германии или ее союзникам, с тем, чтобы все поименованные предметы были уступлены Германией и ее союзниками любой из держав Антанты или поступили в управление соответствующих уполномоченных (Mandatory), согласно настоящему договору». Это пространное изложение отчасти покрывает те меры, о которых шла речь выше под литерой (a); кроме того, нужно заметить, что оно включает также новые государства и территории, выкроенные из бывших Российской, Австро-венгерской и Турецкой империй. Таким образом влияние Германии устраняется, а ее капиталы конфискуются во всех тех соседних странах, на которые она естественно могла смотреть, как на источник своих средств к существованию в будущем и как на арену своей энергии, предприимчивости и технического искусства.

Выполнение в деталях этой программы возлагает на Комиссию по возмещению убытков чрезвычайную задачу, так как она становится держателем огромного количества имущественных прав и доходов, распространенных по обширной территории, которая едва ли проявит склонность подчиниться, которая разорена войной, потрясениями и большевизмом. Дележ добычи между победителями даст работу могущественному учреждению, коего пороги будет обивать толпа жадных авантюристов и искателей концессий двадцати или тридцати различных национальностей.

Дабы Комиссия по возмещению убытков не оказалась вынужденной хотя бы на частичное бездействие по неосведомленности, Германии пред-

---

[1]) Часть X, отдел IV, добавление §10: „В течение шести месяцев по вступлении в силу настоящего договора Германия должна выдать каждой державе Антанты все обеспечения, квитанции, акты и прочие документы и доказательства, находящиеся в руках ее подданных и относящиеся к собственности, имущественным правам или доходам в пределах территории держав Антанты... По требованию каждой из держав Антанты Германия обязана в любое время предоставить те справки, которые будут у нее затребованы, касательно собственности, имущественных прав и доходов германских подданных в пределах территории соответствующей державы Антанты или касательно сделок, имеющих своим предметом таковую собственность, права и доходы и заключенных после 1 июля 1914 года".

[2]) „Все общественно-полезные предприятия и концессии" есть неясное выражение, смысл которого оставлен без точного определения.

писывается в шестимесячный срок со времени вступления в силу договора представить список всех имущественных прав и доходов, о которых идет речь, «как тех, которые уже приобретены или обещаны, так и тех, использование которых еще не начато»; все те, которые в течение этого срока не будут указаны Германией, тем не менее, автоматически переходят в руки союзных правительств [1]). Вопрос о том, насколько указ подобного характера может обязывать какого-либо германского подданного, который сам со своим имуществом находится вне юрисдикции собственного правительства, остается неразрешенным; тем не менее, союзные власти имеют полную возможность оказать давление на названные выше страны посредством ли прибавки к договору специальной оговорки, или каким-либо иным способом.

c) Третье распоряжение еще более поразительно, нежели оба вышеприведенные, из которых ни одно не задевает германские интересы в *нейтральных* странах. Комиссия по возмещению убытков получает полномочие не позже 1 мая 1921 года потребовать от Германии уплаты суммы до 1.000.000.000 фунтов стерлингов *в той форме, какую укажет Комиссия,* т.-е. «либо золотом, товарами, кораблями, процентными бумагами, либо иными предметами» [2]). Это постановление дает Комиссии по возмещению убытков на указанный срок диктаторскую власть над всей собственностью Германии, какого бы то ни было характера. Согласно этой статье Комиссия может выбрать любое дело, предприятие или имущество в самой Германии или вне ее и потребовать их передачи себе; ее полномочия распространяются не только на вещи, существующие в момент заключения мира, но и на те, которые могут быть созданы или приобретены в течение ближайших восемнадцати месяцев. Так, она может избрать (что, вероятно, и сделает, как только будет сформирована) великолепное и мощное германское предприятие в Южной Америке, под названием Deutsche Ueberseische Elektrizitätsgesellschaft (D. U. E. G.) и взять его доходы в пользу союзников. Статья имеет вполне точный смысл и широкий размах. Следует обратить внимание на то, что она вводит совершенно новый принцип в дело взыскания платежей. До сего времени держались правила, установив сумму платежа, предоставлять свободу в выборе средств и способов уплаты. В нашем же случае взыскатель платежа может в течение известного срока не только потребовать определенную сумму, но и указать специальный вид имущества, которым должна быть произведена уплата. Таким образом полномочия Комиссии по возмещению убытков, которой мною посвящена следующая глава, могут быть использованы не только для того, чтобы взыскать платежи, но и для того, чтобы разрушить торговую и экономическую организацию Германии.

Общий результат статей a, b и c (равно, как некоторых менее важных постановлений, о которых я не считаю нужным распространяться) сводится к лишению Германии всего, что принадлежит ей вне ее границ. (Впрочем правильнее будет сказать, что эти статьи дают союзникам эту возможность в случае их желания, так как конфискация еще не осуществлена на деле.) Не только ее вклады в бывших заморских владениях отобраны и ее связи разрушены, но тот же самый спос-

[1]) Статья 260.
[2]) Статья 235.

истребления распространен на территории ее прежних союзников и непосредственных соседей ее сухопутной границы.

5. Дабы вследствие какого-либо недосмотра, какой-нибудь возможный рессурс не оказался упущенным, в договор введены некоторые другие статьи, которые, по всей вероятности, немного прибавят к упомянутым выше, но которые все же заслуживают краткого упоминания, так как они показывают, с каким совершенством державы-победительницы проводят экономическое подчинение своего разгромленного врага.

Прежде всего, в договоре есть общая оговорка, содержащая запрещение и отказ: «На территории вне ее европейских границ, установленных в настоящем договоре, Германия отказывается от всех прав, преимуществ и привилегий как в пределах территорий, так и над самыми территориями, принадлежавшими ей или ее союзникам, а также от всех прав, преимуществ и привилегий какого бы то ни было происхождения, которыми она владела в ущерб интересам держав согласия...» [1]).

Затем следуют некоторые постановления, более специального характера. Германия отказывается от всех ее прав и привилегий в Китае [2]). Такие же постановления имеются касательно прав в Сиаме [3]), Либерии [4]), Марокко [5]) и Египте [6]). Что касается Египта, то здесь Германия не только теряет свои особые привилегии, но у нее отнимаются, в силу статьи 150, также и обычные права благодаря тому, что египетское правительство получает «полную свободу в определении положения германских подданных и условий, на которых они могут поселяться в Египте».

В силу статьи 258, Германия отказывается от права участвовать в какой-либо финансовой или экономической организации международного характера, «действующей в государствах Антанты, а также в Австрии, Венгрии, Болгарии, Турции, в их зависимых областях и в прежней Российской империи».

Говоря вообще, могут быть восстановлены только те договоры и соглашения, какие будет угодно восстановить союзным правительствам, при чем эти правительства имеют полную возможность уничтожить те, которые выгодны для Германии [7]).

Как бы то ни было, представляется очевидным, что все эти постановления, сравнительно с изложенными раньше, не имеют никакого значения. Они представляют логическое завершение опалы, налагаемой на Германию, и подчинение ее экономической жизни произволу союзников; но к ее бесправному положению они не прибавляют ничего существенного.

---

[1]) Статья 118.
[2]) Статьи 129 и 132.
[3]) Статьи 135—137.
[4]) Статьи 135—140.
[5]) Статья 141: „Германия отказывается от всех прав, преимуществ и привилегий, присвоенных ею на основании Алжезирасского договора 7 апреля 1906 года и Франко-германских соглашений 9 февраля 1909 года и 4 ноября 1911 года".
[6]) Статья 148: „Все договоры, соглашения, сделки и контракты, заключенные между Германией и Египтом, считаются уничтоженными с 4 августа 1914 г.". Статья 153: „Вся собственность и владения Германской империи и германских государств в Египте безвозмездно переходят к египетскому правительству".
[7]) Статья 289.

II.

В постановлениях, касающихся угля и железа, то действие, которое они должны оказать на внутреннюю хозяйственную жизнь Германии, имеет большее значение, чем та денежная ценность, которую представляют эти материалы. Германская империя была создана не кровью и железом, но скорее углем и железом. Только умелая эксплоатация богатых угольных копей Рура, Верхней Силезии и Саара делала возможным развитием стальной, химической и электрической индустрий, благодаря которым Германия стала первой промышленной страной континентальной Европы. Треть ее населения сосредоточена в городах с количеством более 20.000 жителей; подобная промышленная концентрация возможна только на основе угля и железа. Поэтому, нанося удар германским запасам угля, французские политики верно выбрали свою цель. Только крайняя неумеренность требований договора и полная невозможность технического их выполнения могут спасти положение Германии в течение ряда лет.

1. Мирный договор поражает угольную промышленность Германии четырьмя способами:

I. «В виде компенсации за разрушение угольных копей северной Франции и возмещения части всех убытков, причиненных войной, Германия уступает в полное и безусловное владение Франции с исключительным правом эксплоатации, чистыми и свободными от всяких долгов и обязательств какого бы то ни было рода угольные копи Саарского бассейна [1]). Между тем, как управление этой областью на пятнадцать лет передается Лиге наций, угольные копи уступаются Франции безусловно. Спустя пятнадцать лет население будет призвано избрать посредством плебисцита, к какому государству оно желает принадлежать в будущем; и в случае, если оно изберет соединение с Германией, на нее налагается обязательство выкупить обратно угольные копи и заплатить за них золотом [2]).

Общественное мнение всего мира уже характеризовало соглашение относительно Саарского бассейна, как акт грабительский и неискренний. Что касается компенсаций за разрушение французских угольных копей, то об них, как мы сейчас увидим, договор позаботился в особом месте. «Заявление германских представителей на счет населения Саарского бассейна союзники не могли опровергнуть. «Нет такого промышленного района в Германии, —сказали эти представители,— в котором население было бы столь неизменно, столь однородно и несложно по составу, как население Саарского округа. Из всего числа более 650.000 жителей в 1918 году французов там было менее ста человек. Временная оккупация в результате военных действий со стороны Франции всегда заканчивалась, спустя короткое время, возвращением округа Германии. В течение долгого периода, в 1048 лет, Франция обладала им всего лишь неполных 68 лет. Когда в силу первого Парижского договора в 1814 году небольшая часть территории, которой ныне домогается Франция, была удержана ею, то население подняло самую энергичную оппозицию и потребовало «воссоединения с своим германским отечеством», с которым оно «связано языком, обычаями и религией». После оккупа-

---

[1]) Статья 45.
[2]) Часть IV, отдел IV. Добавление. Глава III.

ции, длившейся год с четвертью, это желание было принято во внимание во втором Парижском договоре 1815 года. С тех пор страна непрерывно оставалась частью Германии, и все ее экономическое развитие зависит от этой связи».

Французам нужен саарский уголь для разработки железных руд Лотарингии, и они завладели им, действуя совершенно в духе Бисмарка. Такой способ действий ничем не может быть оправдан; он основан не на прецеденте, но на голословных заявлениях союзников [1]).

II. Верхняя Силезия, округ, лишенный больших городов, в котором, тем не менее, находятся одни из самых богатых угольных копей Германии дающие около 23 процентов общей добычи германского твердого угля, должна быть уступлена Польше после определения воли населения посредством плебисцита [2]). Верхняя Силезия никогда не была частью исторической Польши; но ее население представляет смесь поляков, немцев и чехо-словаков, точное соотношение которых является спорным [3]). Экономически эта провинция вполне германская; индустрия восточной Германии зависит от ее угля, и ее утрата нанесет сокрушительный удар экономической структуре всего государства [4]).

---

[1]) „Мы присваиваем себе владение саарскими копями и, чтобы не встретить затруднений в их эксплоатации, мы создаем маленькое отдельное государство из 600.000 германцев, населяющих этот угольный район, и через пятнадцать лет мы постараемся посредством плебисцита принудить их выразить желание стать французами. Мы понимаем, что это означает. В течение пятнадцати лет мы будем обрабатывать это население со всех сторон, пока не получим от него объяснения в любви. Конечно, это не столь грубый прием, как тот coup de force, которым Германия оторвала от нас Эльзас-Лотарингию. Но если он не столь груб, он заключает в себе не меньше лицемерия. Мы сами отлично знаем, что это не что иное, как попытка присоединить к нам 600.000 германцев. Вполне понятны те основания экономического свойства, которые вызвали желание Клемансо подарить нам угольные залежи Саара, но неужели же для приобретения их мы должны выделывать фокусы с шестью стами тысяч германцев, чтобы через пятнадцать лет превратить их в французов?“ (Гюстав Эрве в la Victoire от 31 мая 1919 года).

[2]) Этот плебисцит представляет важнейшую уступку Германии, сделанную в заключительной ноте союзников. За эту уступку Ллойд-Джордж, который вообще не одобрял политику союзников на восточных границах Германии, всего более имеет право требовать к себе доверия. Голосование не должно произойти ранее весны 1920 г. и может быть отсрочено до 1921 г. В промежутке управление провинцией будет находиться в руках союзнической комиссии. Голосование будет производиться по общинам, а окончательные границы будут определены союзниками, которые примут во внимание частью результаты голосования в каждой общине и частью „географические и экономические условия местностей“. Чтобы предсказать возможный результат, необходимо широкое знакомство с краем. Голосуя за присоединение к Польше, та или другая местность может избавиться от обязательства платить контрибуцию и тяжкие налоги, вытекающие из связи с Германией; это—фактор немаловажный. С другой же стороны банкротство и неумелость нового польского государства могут удержать тех, кто был бы расположен решать вопрос скорее на экономических, чем на национальных соображениях. Кроме того, условия жизни в отношении санитарного и социального законодательства несравненно лучше в Верхней Силезии, чем в приграничных округах Польши, где это законодательство еще находится в зародыше. Содержание соответствующего текста договора заставляет предполагать, что Верхняя Силезия будет уже не германской провинцией. Однако многое может произойти в течение года и предположение может не оправдаться. Поскольку оно окажется ошибочным, постольку должны подвергнуться поправке и наши заключения.

[3]) Германские авторитеты утверждают, однако, не бесспорно, будто на основании голосований при выборах следует ожидать, что треть населения выскажется за Польшу, а две трети за Германию.

[4]) Впрочем не следует упускать из вида, что среди прочих уступок в отношении Верхней Силезии, сделанных в заключительной ноте союзников, находится также статья 90, в силу которой „Польша обязуется дозволить в течение пятнадцати лет вывоз в Германию угля, добываемого во всех частях Верхней Силезии, переданных

Благодаря потере угольных залежей Верхней Силезии и Саара, добыча угля в Германии сокращена немного менее, чем на одну треть.

III. Из всего количества угля, остающегося у нее, Германия обязана ежегодно пополнять ту потерю его, какую понесла Франция вследствие военных разрушений и порчи в копях ее северных провинций. В § 2 прибавления V к главе о возмещении убытков «Германия обязуется в течение периода не свыше десяти лет ежегодно доставлять Франции количество угля, равное разнице между его ежегодной добычей до войны в копях департаментов Северного и Па де Кале, разрушенных войною, и добычей этих копей в течение ближайших десяти лет; при этом поставка не должна превышать 20.000.000 тонн в каждый из пяти первых лет и 8.000.000 тонн в каждый из пяти последних лет».

Рассматриваемое отдельно это постановление разумно, Германия могла бы выполнить его, если бы ей были сохранены ее другие рессурсы.

IV. Окончательное постановление, касающееся угля, составляет часть общего плана главы о возмещении убытков, в силу которого сумма, потребная для этого возмещения, должна быть частью выплачена вещами, а не деньгами. В виде доли этой уплаты Германия обязана выполнить следующие поставки угля или, в качестве его эквивалента, кокса (при чем поставки в пользу Франции являются чисто добавочными к тому количеству, которое дает ей уступка Саара и компенсации за разрушение в северных провинциях):

1) Франция получает ежегодно 7.000.000 тонн в течение десяти лет[1]).

2) Бельгия получает ежегодно 8.000.000 тонн в течение десяти лет.

3) Количество, ежегодно получаемое Италией, увеличивается каждый год, начиная от 4.500.000 тонн в 1919—1920 годах, и доходит до 8.500.000 в каждый из шести последних лет, от 1923 по 1929 г.

4) Люксембург получает, если понадобится, количество, равное довоенному ежегодному потреблению здесь германского угля.

Польше на основании настоящего договора. Этот уголь должен быть свободен от всех вывозных пошлин или иных платежей и стеснений вывоза. Польша соглашается принять необходимые меры, чтоб обеспечить выгодность продажи угля в Германии на условиях столь же благоприятных, какие при сходных обстоятельствах получат его покупатели в Польше или во всякой иной стране". Это постановление, повидимому, не предусматривает права первенства в закупке угля, и вообще является нелегким делом оценить его действительные практические результаты. Однако ясно, что поскольку копи оскудеют на уровне своей прежней продуктивности, а также поскольку Германия будет в состоянии черпать необходимый материал из этого источника, ее потеря ограничивается лишь влиянием на ее торговый баланс, ее экономическая жизнь не испытывает более серьезного ущерба, о котором речь идет в тексте. Здесь для союзников представляется удобный случай смягчить практическое выполнение соглашения. Кстати Германские представители указали, что Верхняя Силезия должна составлять часть Германии на основании той же логики, которая присоединяет угольные залежи Саара к Франции. Ведь силезские копи необходимы для экономической жизни Германии тогда как Польша может обойтись без них. Из всего спроса угля до войны в Польше, составлявшего 10.500.000 тонн, 6.800.000 тонн добывались в бесспорно польских округах и граничащих с Верхней Силезией, 1.500.000 тонн вывозились из Силезии (из всей ее добычи в 43.500.000 тонн), а остаток покрывался из копей нынешней Чехо-Словаки. Даже без всякой доставки угля из Верхней Силезии и Чехо-Словакии Польша главным удовлетворить свою потребность более полной эксплоатацией собственных залежей, которая еще не развита на правильных научных основаниях, либо из копей Западной Галиции, которая ныне присоединение, а к ней.

[1]) Сверх того Франция в течение трех лет ежегодно получит 35.000 тонн бензола 50.000 тон угольной смолы 30.000 тонн сульфата амония.

В среднем все количество достигает приблизительно 25.000.000 тонн ежегодно.

Необходимо рассмотреть, в каком отношении находятся эти цифры к вероятной добыче угля в Германии в будущем. Максимальная цифра до войны была достигнута в 1913 году, когда она дала итог в 191.500.000 тонн. Из этого количества 19.000.000 были израсходованы на эксплоатацию самих копей; из остального угля 35.500.000 тонн было вывезено, а 139.000.000 тонн осталось для внутреннего потребления. Согласно вычислениям, это количество распределялось следующим образом:

Железные дороги	18.000.000	тонн.
Газ, вода и электричество	12.500.000	„
Судоходство (Bunkers)	6.500.000	„
Домашнее топливо, легкая индустрия и сельское хозяйство	24.000.000	„
Промышленность	78.000.000	„
	139.000.000	тонн.

Сокращение добычи угля вследствие потери территории равняется:

Эльзас-Лотарингия	3.800.000	„
Саарский бассейн	13.200.000	„
Верхняя Силезия	43.800.000	„
	60.800.000	тонн.

Таким образом, принимая за основу добычу 1913 года, у Германии остается 130.700.000 тонн или, вычитая расход в самих копях, 118.000.000 тонн. В течение нескольких лет из этого количества должно быть высылаемо 20.000.000 тонн во Францию в качестве компенсации за повреждение ее копей и, кроме того, 25.000.000 Франции, Бельгии, Италии и Люксембургу [1]); так как первая цифра представляет maximum, а вторая в ближайшие годы должна быть несколько ниже, то весь принудительный экспорт Германии в пользу союзников следует исчислить в 40.000.000 тонн; таким образом, принимая ту же продуктивность копей, как в 1913 году за основу вычисления, мы получаем, что для собственного употребления у Германии остается 78.000.000 тонн угля против 139.000.000 тонн, потреблявшихся ею до войны.

Однако, чтобы сделать это сравнение точным, необходимо внести в него существенные поправки. С одной стороны, цифры, показывающие добычу довоенного времени, не могут быть приняты за основу расчета теперешней добычи. В 1918 году производительность копей равнялась 161.500.000 тонн против 191.500.000 тонн 1913 года; за первую же

[1]) Комиссия по возмещению убытков получает полномочие согласно договору (часть VIII, Прибавление V, § 10) „отсрочить или сложить с Германии поставки угля", если она признает, „что полное выполнение предшествующих требований может создать нежелательные препятствия потребностям германской промышленности". В случае таковой отсрочки или сложения „уголь, предназначенный для возмещения недостающего угля из разрушенных копей, получает предпочтение перед прочими доставками". Эта заключительная оговорка имеет величайшее значение, если, как мы увидим дальше, Германия окажется физически не в состоянии доставить полностью 45.000.000 тонн; она означает, что Франция получит 20.000.000 тонн раньше, чем Италии будет дана хоть одна тонна. Комиссия по восстановлению убытков не имеет права изменить что-нибудь в этом постановлении. Итальянская пресса не замедлила отметить значение этого постановления и указала, что оговорка была внесена в договор в то время, когда итальянских представителей не было в Париже. (Corriere della Sera от 19 июля 1919 года).

половину 1919 года она дала менее 50.000.000 тонн, не считая Эльзас-Лотарингии и Саара, но включая Верхнюю Силезию, что составит ежегодную добычу приблизительно в 100.000.000 тонн [1]). Причины такого понижения производительности отчасти временные и исключительные, однако, германские авторитеты не были опровергнуты в их предположении, что некоторые из причин останутся в течение известного времени и в будущем. Отчасти они те же, что и повсюду; ежедневная рабочая смена была сокращена с 8½ часов до 7, и нет вероятия, что центральное правительство сможет восстановить ее прежнюю продолжительность. Но, кроме того, аппарат копей находится в неудовлетворительном состоянии (чему виною недостаток некоторых важных материалов во время блокады), физическая работоспособность людей значительно понижена недостатком питания (чему нельзя помочь, если придется удовлетворить даже одну десятую требования возмещения убытков, и таким образом уровень потребления должен скорее понизиться), а потери на войне уменьшили количество углекопов. Пример Англии сам собою достаточно показывает, что в Германии невозможно ожидать довоенного уровня добычи угля. Германские авторитеты определяют сокращение добычи угля несколько выше 30%, приписывая его причины поровну к сокращению продолжительности смены и прочим экономическим условиям. Повидимому, общие соображения делают эту цифру вероятной, однако я не чувствую себя достаточно компетентным, чтобы принять или критиковать ее.

Довоенная цифра 118.000.000 тонн чистых (получаемая за вычетом количества, приходящегося на уступленные территории и на внутреннее потребление в копях) поэтому должна быть понижена, по крайней мере, до 100.000.000 тонн [2]), принимая во внимание указанные выше факторы. Если 40.000.000 тонн из них должны быть переданы союзникам, то для самой Германии остается 60.000.000 тонн, которыми ей приходится покрывать свой собственный спрос. Как спрос на уголь, так и его запас будут сокращены благодаря потере территорий, однако, при самом смелом расчете сокращение спроса не может превысить 29.000.000 тонн [3]). Итак, наши гипотетические вычисления дают нам цифру внутренней потребности Германии после войны, при условии сохранения довоенного уровня железных дорог и индустрии, равную 110.000.000 тонн рядом с добычей угля, не превышающей 100.000.000 тонн, из коих 40.000.000 тонн являются собственностью союзников.

Важность обсуждаемой темы ввела меня в несколько долгий статистический анализ. Само собою разумеется, полученным выше точным цифрам, гипотетичным и сомнительным, нельзя придавать слишком большого значения [4]). И все же общий характер сам обнаруживает себя

---

[1]) Выходит, что нынешний уровень производительности Германии упал на 60% сравнительно с 1913 годом. Следствие такого падения для запасов естественно оказалось губительным, и перспективы приближающейся зимы возбуждают большую тревогу. Написано осенью 1919 года (примеч. перевод.).

[2]) Это предполагает сокращение производства на 13% вместо его оценки 30%, приведенной выше.

[3]) Это предполагает потерю 25% всех германских промышленных предприятий и уменьшение остального их спроса на 13%.

[4]) В частности читатель должен знать, что вышеприведенное вычисление не принимает во внимание германское производство лигнита, которое в 1913 году дало 13.000.000 тонн необработанного лигнита и 21.000.000 тонн лигнита, превращенного в

во всей своей силе. Принимая во внимание потерю территории и уменьшение работоспособности, Германия в близком будущем не сможет экспортировать уголь (и на основании своих прав, согласно договору, будет даже вынуждена покупать его в Верхней Силезии), если ей вообще суждено остаться промышленной страной. Каждый миллион тонн угля, вывезенный за границу, должен будет вызвать закрытие какого-либо промышленного предприятия. Принимая во внимание следствия такого положения, которые мы рассмотрим позднее, закрытие предприятий в известных границах станет *возможным*. Однако очевидно, что Германия не может и не будет доставлять союзникам ежегодную контрибуцию в 40.000.000 тонн. Те министры союзных государств, которые уверили свои народы, будто она может сделать это, явно обманывали их с целью хоть на время успокоить всеобщие опасения касательно того пути, по которому идет политика европейских государств.

Присутствие среди условий мира (рядом с другими статьями) этих обманчивых мероприятий представляет особенные опасности для будущего. Сумасбродные надежды, возлагаемые на рецепты, составленные для возмещения убытков, которыми министры финансов вводили в заблуждение свою публику, будут отброшены, коль скоро они выполнят свое ближайшее назначение отсрочить час новых налогов и сокращение расходов. Однако от условий, касающихся угля, отказаться не так легко в виду того, что взыскание по этому векселю во что бы то ни стало для Франции и Италии является вопросом жизни. В результате сокращения добычи угля вследствие германских разрушений во Франции, такого же сокращения в Соединенном Королевстве и в иных местах, а также по многим менее важным причинам, как, например, расстройство транспорта и организации и неумелость новых правительств, положение с углем во всей Европе представляется почти отчаянным [1]); при таких обстоятельствах Италия и Франция, начав рвать друг у друга известные права по Договору, не легко откажутся от них.

Как всегда бывает в реальных вопросах, требования Франции и Италии имеют огромный вес. Ведь, в сущности, дело идет о том, быть или не быть индустрии Германии, с одной стороны, Италии и Франции—с другой. Весьма возможно, что выдача угля разрушит промышленность Германии; но также справедливо, что его невыдача подвергнет опасности промышленность Франции и Италии. В таком случае разве преимущество не должно быть отдано победителям с их правами, определенными договором, особенно когда многие потери в конечном счете причинены гнусными деяниями тех, кто ныне оказался побежденным? И все же, если даже допустимо, чтобы эти чувства и эти права возобладали над требованиями благоразумия, их действие на социаль-

---

брикет. Однако это количество лигнита было необходимо Германии до войны *в придачу* к массе угля, определенной в тексте. Я не чувствую себя компетентным говорить о том, в какой мере потеря угля может быть пополнена расширенным применением лигнита или экономией в его теперешнем потреблении; но некоторые специалисты полагают, что Германия может получить значительные компенсации за свои потери угля тем, что обратит больше внимания на залежи лигниты.

[1]) Гувер в июле 1919 года рассчитал, что добыча угля в Европе, за исключением России и Балкан, с 679.500.000 тонн упала до 443.000.000 тонн по причине не столько потери материала и труда, сколько в особенности ослабления физической силы после лишений и страданий, перенесенных на войне, недостатка железно-дорожного подвижного состава и транспорта и невыясненного политического положения некоторых угольных районов.

ную и экономическую жизнь Европы будет слишком сильно, чтобы остаться в первоначальных узких пределах.

Но одним этим проблема еще не исчерпывается. Если Франция и Италия должны пополнить свои нехватки угля его доставкой из Германии, тогда северная Европа, Швейцария и Австрия, раньше получавшие большую часть своего угля из избытка Германии, должны страдать от недостатка собственных запасов. До войны 13.600.000 тонн экспортируемого Германией угля шли в Австро-Венгрию. Так как почти все угольные залежи прежней Австрийской империи лежат вне нынешней германской Австрии, ее промышленный крах, если она не сможет получить для себя уголь из Германии, будет полным. Положение нейтральных соседей Германии, которые раньше отчасти снабжались из Великобритании, но в еще большей степени из Германии, окажется едва ли менее серьезным. Им придется испробовать все способы, чтобы снабжать Германию необходимыми для нее материалами с условием получить в уплату за них уголь. Да так они уже и делают [1]). С расстройством денежного обращения обычай международной меновой торговли становится все более преобладающим. В настоящий момент деньги в центральной и юго-восточной Европе все реже становятся верным мерилом ценности, и не всегда на них можно купить какую-либо вещь; вследствие этого одна страна, имеющая товар, необходимый для другой, продает его не на наличные деньги, но только за обязательство доставить взамен какой-либо товар, не менее необходимый для нее самой. Так создается чрезвычайное осложнение сравнительно с прежней, почти совершенной простотой международной торговли. Но в не менее необычайных условиях современной индустрии этот новый способ не лишен положительных сторон, как средство повысить производство. «Смены за масло» (buttershifts) в Рурских копях [2]) показывают, как далеко шагнула назад Европа в смысле возвращения к меновой торговле, и дают характерную иллюстрацию, к какой низкой экономической организации и как быстро ведет нас расстройство транспорта и свободного обмена между отдельными людьми и народами. Тем не менее, эти смены могут дать уголь в то время, как другие способы оказываются совершенно бессильными [3]).

Но если Германия таким образом будет в состоянии найти уголь для соседних нейтральных народов, Франция и Италия завопят, что в таком случае она может и должна сдержать свои обязательства. В этом протесте видимость справедливости будет на стороне союзников, и против него будет трудно выдвинуть то соображение, что германский углекоп станет охотно работать ради масла и ни за что не станет вырабатывать уголь, продажа которого не дает ему ничего, а также, что

---

[1]) Во время войны было совершено много коммерческих сделок в этом направлении. Но за один июнь месяц 1919 года соглашения меньшего размера за уплату углем были произведены Германией с Данией, Норвегией и Швейцарией. Сделки заключались не на крупные суммы, но без них Германия не могла бы получить масло из Дании, жиры и сельдей из Норвегии, молоко и скот из Швейцарии.

[2]) „Около 60.000 рурских углекопов согласились на сверхурочную работу, на так называемую смену за масло, с целью выработки угля для вывоза в Данию, откуда взамен будет итти масло. Масло будет распределяться прежде всего между углекопами, так как они работали специально ради того, чтобы получить его“ (Kölnische Zeitung. 11 июня 1919 г.).

[3]) Что можно сказать о добавочных сменах за водку (whisky-shifts) в Англии?

если у Германии не будет угля для снабжения ее соседей, она сама не получит материалов, необходимых для ее хозяйства.

Если европейский уголь не смогут распределить иначе, как вырывая его друг у друга из рук, при чем первая получает Франция, затем Италия и, наконец, остальные, как кому повезет, то промышленное будущее Европы складывается чрезвычайно мрачно, зато шансы революции становятся очень велики. В этом вопросе частные интересы и претензии как бы ни были они законны и справедливы, должны отступить на второй план перед требованиями целесообразности. Если мнение Гувера, который считает, что общая добыча угля в Европе сократилась на одну треть, хотя отчасти справедливо, то положение требует, чтобы уголь распределялся с полным беспристрастием, пропорционально потребностям каждого, и чтобы были использованы все способы для повышения производительности и транспорта. Учреждение Верховного Совета союзных держав в августе 1919 года и Европейской Угольной комиссии из представителей Великобритании, Франции, Бельгии, Польши и Чехо-Словакии представляет мудрую меру, и если она будет выполнена как следует и повлечет за собою другие, она окажет большую помощь. Впрочем положительные предложения я откладываю до главы седьмой. Сейчас же моя цель показать результаты *буквального* выполнения мирного договора, а именно его *невыполнимость* [1]).

2. Постановления относительно железной руды, как ни разрушительны их следствия, требуют меньшего внимания, оттого, что сами по себе они неизбежны. Почти 75% всей добычи железа в Германии шли в 1913 году из Эльзас-Лотарингии [2]). В этом заключается огромное значение похищенных у нее провинций.

Не может быть и речи о том, что Германия должна потерять эти железные рудники. Вопрос только в том, насколько ей облегчается возможность покупать добываемое в них железо. Германская делегация прилагала все усилия к тому, чтобы добиться постановления, по которому взамен угля и кокса, отправляемых Германией во Францию, она получала бы руду из Лотарингии. Но такого условия ей выговорить себе не удалось, и вопрос предоставляется на благоусмотрение Франции.

Мотивы, которые будут направлять вероятную политику Франции в будущем, не вполне свободны от взаимных противоречий. Лотарингия содержит 75% всей железной руды Германии, но только 25% ее доменных печей находятся в пределах Лотарингии и Саарского бассейна вместе, а огромное количество руды вывозится в собственную Германию.

---

[1]) Уже 1 сентября 1919 года Угольная Комиссия убедилась в физической невозможности повысить требования Договора и согласилась смягчить их следующим образом:—„В течение ближайших шести месяцев Германия должна выполнить поставки угля из расчета 20 миллионов тонн ежегодно вместо 43 миллионов, предусмотренных в договоре. Если общая сумма производства Германии превысит нынешнюю добычу, равную приблизительно 108 миллионам тонн, то Антанте должно быть выдано 60% сверх-производства, когда она повысится до 128 милл. тонн и затем еще 50% всей сверх-добычи, превышающей этот уровень, пока не будет достигнута цифра, предусмотренная в договоре. Если общая сумма добычи ниже 108 милл., то Антанта рассмотрит положение, при чем выслушает мнение Германии и примет его во внимание".

[2]) 21.136.265 тонн из общего количества 28.607.903 тонны. Потеря железной руды в Верхней Силезии не имеет значения. Изъятие из германского таможенного союза железа и стали Люксембурга является важным в особенности в связи с потерей Эльзас-Лотарингии. Кстати следует прибавить, что Верхняя Силезия дает 75% всей добычи цинка в Германии.

Приблизительно такая же часть германских железо- и сталелитейных заводов, т.-е. 25%, находятся в Эльзас-Лотарингии. Поэтому в настоящий момент самым экономичным и выгодным способом использования руды является вывоз значительной ее части в Германию, как это делалось до сих пор.

С другой стороны, можно ожидать, что Франция, получив лотарингскую железную руду, попытается использовать ее для собственных промышленных предприятий вместо того, чтобы доставлять ее предприятиям германским. Должно пройти много времени раньше, нежели необходимые орудия производства и техническая ловкость получат достаточное развитие внутри самой Франции, и даже при этом условии она едва ли сможет даже разрабатывать железную руду, если в получении угля останется зависимой от Германии. Кроме того, неопределенность окончательной судьбы Саарского бассейна будет расстраивать расчеты капиталистов, имеющих в виду организацию новых промышленных предприятий во Франции.

В этом случае, как и вообще, политические соображения весьма невыгодным образом пересекаются с экономическими потребностями. При системе свободной торговли и беспрепятственных экономических сношений имеет мало значения, если железо находится по одну сторону политической границы, а труд, уголь и доменные печи—по другую. Но в нынешних обстоятельствах люди придумали способы, как сделать более бедными и самих себя и других; коллективные злобствования они предпочитают индивидуальному счастью. Принимая во внимание современные страсти и импульсы капиталистического общества Европы, можно сказать, что ее действительная добыча железа сократится благодаря новым политическим границам (которых требует чувство и историческая справедливость), так как национализм и частная выгода таким образом проводят новые экономические преграды на этих самых границах. Правители Европы отдали первенство этим политическим соображениям перед неотложной нуждой континента в интенсивном производстве материалов для восстановления разрушений, причиненных войною и более высокой оплаты труда [1]).

Влияния тех же условий, хотя и в меньшей степени, следует ожидать в случае присоединения Верхней Силезии к Польше. Здесь находится лишь немного железа, зато обилие угля вызвало появление множества доменных печей. Какая судьба ожидает их? Будет ли Германия, отрезанная от своих железных рудников на западе, вывозить за свои восточные границы из того немногого, что остается у нее? Деятельность и производительность ее промышленности, несомненно, пойдут на убыль.

Таким образом договор наносит удар организации и через ее разрушение причиняет еще больший вред уменьшенному богатству всего целого. Экономические преграды, которые должны быть воздвигнуты между углем и железом, на которых основан современный индустриализм, не только сократят производство полезных товаров, но будут так-

---

[1]) В апреле 1919 года британское министерство снабжения снарядило комиссию экспертов для исследования железной и стальной промышленности в Лотарингии и оккупированных областях Германии. Отчет комиссии констатирует, что железные и стальные заводы Лотарингии, равно как в долине Саара, зависят от вестфальских залежей угля и кокса. Чтобы получить хороший уголь для печей, необходимо смешивать вестфальский уголь с саарским. Полная зависимость железных и стальных заводов Лотарингии от запасов германского топлива „делает их положение незавидным“

же отвлекать огромное количество человеческого труда для перетаскивания без всякой пользы железа или угля на расстояние многих миль, чтобы выполнить предписания политического договора или по причине препятствий, созданных для естественной локализации промышленности.

III.

Остается рассмотреть те постановления договора, которые относятся к системе транспорта и тарифов Германии. Эти части договора далеко не имеют важности и значения тех частей, о которых была речь выше. Они представляют ряд булавочных уколов, помех и неприятностей, не столько предосудительных по своим результатам, сколько не соответствующих достоинству союзников, особенно в виду их торжественных заявлений. Пусть читатель оценивает излагаемые ниже условия в свете тех уверений союзников, которые мы уже упоминали, и в надежде на которые Германия сложила оружие.

1. Разнообразные статьи экономического содержания начинаются множеством постановлений, которые согласовались бы с духом третьего из Четырнадцати пунктов, если бы только были обязательны для обеих сторон. В деле ввоза и вывоза одинаково, и во всем, что касается тарифов, регламентов и запрещений, Германия на пять лет обязуется предоставить державам Согласия положение государств, пользующихся наибольшими преимуществами [1]). Самой же ей, однако, не дается право на такое положение.

На пять лет Эльзас-Лотарингия получает свободу ввоза товаров в Германию без уплаты таможенных пошлин на сумму, равную средней сумме ежегодного ввоза в Германию от 1911 до 1913 года [2]). Но для германского экспорта в Эльзас-Лотарингию подобного постановления в договоре не имеется.

Подобную же привилегию получают для экспорта в Германию Польша и Люксембург, первая на три года, второй на пять лет [3]), и опять без соответствующей привилегии Германии. Кроме того, Люксембург, который в продолжение многих лет пользовался преимуществами таможенного единения с Германией, отныне исключается из германского таможенного союза [4]).

В течение шести месяцев после вступления в силу договора Германия обязуется, при наложении пошлин на товары, ввозимые из стран Согласия, держаться самых благоприятных ставок, существовавших до войны; в течение же дальнейших двух с половиною лет (что вместе составляет три года), это обязательство остается в силе для некоторых товаров, а именно для тех, относительно которых до войны существовали специальные соглашения, а также для вина, разных видов раститель-

---

[1]) Статьи 264, 265, 266 и 267. Эти постановления могут быть продолжены свыше пятилетнего срока только решением Совета Лиги наций.

[2]) Статья 268 (а).

[3]) Статья 268 (в и с).

[4]) Таким образом Великое Герцогство становится нейтральным, и Германия „обязуется заранее признать все международные соглашения, которые могут быть заключены державами Согласия по отношению к Великому Герцогству“ (ст. 40). В конце сентября 1919 года был произведен плебисцит с целью определить, к какому таможенному союзу, французскому или бельгийскому, желает присоединиться Люксембург; значительное большинство голосов решило вопрос в пользу Франции. Третья возможность, а именно сохранение союза с Германией не была предложена для решения населения.

ного масла, обработанного шелка, промытой или очищенной шерсти [1]). Это смешное и несправедливое постановление должно помешать Германии сберечь свои ограниченные средства, нужные ей для покупки предметов первой необходимости и уплаты контрибуции. В результате лишнего распределения богатств в Германии, беспорядочности денежных отношений между отдельными лицами, этих следствий общей неустойчивости положения, Германии угрожает наплыв из-за границы предметов роскоши или полуроскоши, по которым она изголодалась в течение последних лет и которые истощат или сократят ее средства внешнего обмена. Эти распоряжения ослабляют способность германского правительства обеспечить бережливость в такого рода тратах населения или повысить обложение в течение критического периода. Какой необычайный пример бессмысленной жадности, обманывающей себя самое! Страна лишается всего своего богатства, от нее требуют непосильных платежей на будущее время, и вдобавок ко всему ей навязывают предписание позволить, как в дни былого благоденствия, ввозить к себе шампанское и шелк!

Другая статья задевает таможенную систему Германии; если бы она была применена, она привела бы к серьезным и далеко идущим последствиям. Союзники оставили за собою право создать особый таможенный режим в оккупированной области на левом берегу Рейна «на случай, если, по их мнению, такая мера окажется необходимой в целях обеспечения интересов населения этих территорий» [2]). Эта статья дает лишнее удобство в руки французской политической интриги, стремящейся каким-нибудь способом отделить от Германии левобережные провинции в течение срока оккупации. Тогда еще не был оставлен проект независимой республики под покровительством французского клерикализма, которая служила бы буфером и осуществила бы желание Франции вытеснить собственную Германию за Рейн. Есть люди, которые верят, что режим угроз, подкупа и ухаживаний может сделать многое в течение пятнадцати лет применения [3]). Если эта статья останется в силе, и таким образом, экономическая система левого берега Рейна будет выделена из состава Германии, последствия будут неисчислимы. Впрочем, мечты хитрых дипломатов удаются не всегда, и мы можем с надеждой взирать на будущее.

---

[1]) Статья 269.

[2]) Статья 270.

[3]) Постановления, касающиеся оккупации, в общих чертах таковы: германские территории к западу от Рейна вместе с мостами через реку подвергаются оккупации на пятнадцатилетний срок (ст. 428). Однако если „условия настоящего договора будут честно выполнены Германией“, то Кёльнский округ будет очищен через пять лет, а округ Кобленца—через десять лет (ст. 429). Но в то же время есть и другое постановление, а именно, если по истечении пятнадцати лет „союзники признают, что гарантии против внезапного нападения Германии недостаточны, то вывод оккупационных отрядов может быть отложен на срок, необходимый по мнению тех же союзников для получения таковых гарантий“ (ст. 429). Кроме того, „если во время оккупации или по истечении пятнадцати лет Комиссия по возмещению убытков найдет, что Германия уклоняется от выполнения своих обязательств, в целом или в части, наложенных на нее настоящим договором в смысле возмещения убытков, то вся территория, указанная в статье 429, либо часть ее, снова должна быть немедленно занята державами Согласия“ (ст. 430). Коль скоро для Германии окажется невозможным выполнить обязательства по возмещению убытков, практическим результатам вышеприведенных статей будет оккупация союзниками левого берега Рейна на столько времени, сколько заблагорассудится им. Таким образом они будут управлять здесь по собствен-

2. Первоначальные условия, касающиеся железных дорог, представленные Германии, в окончательной редакции договора были существенно видоизменены; в этой окончательной форме они ограничиваются постановлением, в силу которого товары, идущие из стран союзников в Германию или транзитом через Германию, получают самые льготные условия в смысле провозной платы, сборов и т. д.; эти льготы распространяются на товары подобного же рода, провозимые по *всем* германским линиям «при одинаковых условиях транспорта, например, при одинаковой длине пути [1]). Так как постановление это не дает соответствующих льгот Германии, оно является вмешательством в международные отношения, которому трудно найти какое-либо оправдание; впрочем практическое значение как этого постановления [2]), так и подобных мер, касающихся пассажирского движения [3]), будет в сильной степени зависеть от толкования слов «при одинаковых условиях транспорта» [4]).

Все это относится к будущему; пока же германская транспортная система подвергается серьезному расстройству благодаря выдаче ее подвижного состава. В силу седьмого параграфа условий перемирия, Германия обязывается сдать 5.000 локомотивов и 150.000 вагонов «в хорошем состоянии, со всеми запасными частями и принадлежностями». Согласно договору Германия подтверждает это обязательство и признает право союзников на этот материал [5]). Кроме того, в уступаемых ею территориях Германия должна передать все железнодорожные сети с полным комплектом подвижного состава и «в полной исправности», согласно данным последнего инвентаря до 11 ноября 1918 года [6]). Это значит, что уступаемая железнодорожная сеть не будет нести приходящуюся на нее долю сокращения и порчи германского подвижного состава, взятого в целом.

Нет никакого сомнения, что эта потеря современем будет восстановлена. Однако недостаток смазочных материалов и сверхъестественные испытания войны, не сопровождавшиеся нормальными починками, успели сильно понизить работоспособность германской железнодорожной сети. Дальнейшие тяжелые потери, причиненные требованиями договора, упрочат такое положение на некоторое время в будущем; таким

ному усмотрению (напр., не только в деле налогового обложения, но и во взаимных отношениях местных выборных властей и союзной правительственной комиссии) до тех пор, пока „все вопросы, касающиеся оккупации и не предусмотренные настоящим договором, будут регулированы дальнейшими соглашениями, которые Германия заранее обязуется соблюдать“ (ст. 432). Соглашения, на основании которых занятые области будут управляемы в настоящее время, были обнародованы в Белой книге (Cd. 222). Высшая власть должна быть передана междусоюзнической комиссии прирейнской области, состоящей из представителей Бельгии, Франции, Британии и Америки. Статьи этого соглашения составлены беспристрастно и разумно.

[1]) Ст. 365. Через пять лет эта статья подлежит пересмотру Совета Лиги наций

[2]) Германское правительство с 1 сентября 1919 года отменило все льготные железнодорожные тарифы для вывоза железных и стальных изделий на том основании, что эти льготы более чем уравновешиваются соответствующими привилегиями, которые договор вынуждает его дать купцам союзных держав.

[3]) Ст. 367.

[4]) Толкование и применение этих статей подлежит компетенции Лиги Наций. (Ст. 376).

[5]) Статья 250.

[6]) Ст. 371. Это постановление распространяется даже „на линии бывшей русской Польши, переделанные германцами на узкую колею, так как эти линии считаются непринадлежащими к прусской государственной системе“.

образом, возникают новые трудности для разрешения угольного вопроса и для экспортной промышленности вообще.

3. Остается рассмотреть статьи, касающиеся речной системы Германии. Статьи эти совершенно ненужны и так мало связаны с предполагаемыми целями союзников, что их содержание вообще мало кому известно. Все же они представляют беспримерное посягательство на внутренний хозяйственный распорядок страны, и при известном способе их применения могут отнять у Германии всякий контроль над ее собственной транспортной системой. Их настоящая форма не дает им никакого оправдания; однако некоторые простые поправки могут превратить их в разумное орудие организации.

Большинство главных рек Германии своими истоками или своим устьем лежат за пределами страны. Рейн, беря начало в Швейцарии, в части своего течения является теперь пограничной рекой и вливается в море в Голландии; Дунай берет начало в Германии, но на большей части своего протяжения течет вне ее; истоки Эльбы лежат в горах Богемии, ныне носящей название Чехо-Словакии; Одер пересекает Нижнюю Силезию; Неман образует теперь границу Восточной Пруссии и своими истоками находится в России. Итак, из всех этих рек Рейн и Неман являются реками пограничными; Эльба представляет реку по преимуществу немецкую, но ее верхнее течение имеет большую важность для Богемии; германские части Дуная имеют значение только для Германии; наконец, Одер является почти чисто германской рекой, разве только плебисцит передаст Польше всю Верхнюю Силезию.

Реки, которые, по выражению договора, «дают доступ к морю более, чем одному государству», требуют некоторых мер по регламентации международных отношений и соответственных гарантий разделения интересов. Этот принцип был давно признан международными комиссиями, которые регулируют пользование Рейном и Дунаем. Но в подобного рода комиссиях заинтересованные государства должны быть представлены больше или меньше пропорционально интересам каждого. Однако договор, под предлогом интернационального характера этих рек, отнял у Германии контроль над ее речной системой.

После ряда статей, которые надлежащим образом обеспечивают совместное пользование реками и беспрепятственный транзит [1]), договор определяет передачу администрации Эльбы, Одера, Дуная и Рейна международным комиссиям [2]). Их окончательные полномочия должны быть определены «Общей конвенцией, выработанной державами Согласия и одобренной Лигой наций» [3]). Тем временем комиссии должны установить свое внутреннее устройство и пользоваться, повидимому, самыми широкими полномочиями, «особенно в том, что касается работ по поддержанию, контролю и улучшению речной системы, финансового режима, определению и сбору налогов и регламентации судоходства» [4]).

---

[1]) Ст. 332—337. Сюда, однако, не относится второй параграф статьи 332, который разрешает судам прочих наций вести торговлю с германскими городами, но германским судам запрещает торговлю с не-германскими городами, исключая случаев специального разрешения; равным образом ст. 233, запрещающая Германии извлекать доход из своей речной системы, лишен всякого смысла.

[2]) В случае надобности эта мера может быть применена впоследствии также к Неману и Мозелю.

[3]) Стр. 338.

[4]) Ст. 344. Это относится специально к Эльбе и Одеру; о Дунае и Рейне говорится в связи с уже существующими комиссиями.

Поскольку договор ограничивается этими распоряжениями, многое в нем является приемлемым. Свобода транзита является немаловажным моментом правильных международных сношений и должна быть установлена повсюду. Возражать приходится не против нее, но против состава упомянутых комиссий. В каждом случае голоса распределяются так, что Германия должна явно оставаться в меньшинстве. В комиссии Эльбы Германии дается четыре голоса из десяти; в комиссии Одера—три голоса из девяти; в комиссии Рейна—четыре из девятнадцати, в комиссии Дуная, которая не установлена еще окончательно, она очевидно, окажется в ничтожном меньшинстве. Франция и Англия имеют своих представителей в управлении всеми этими реками; по каким-то непостижимым причинам представители Италии и Бельгии включены в состав комиссии Эльбы.

Итак, большие речные пути сообщения Германии вверены иностранным комиссиям, облеченным широкими полномочиями; множество местных, домашних дел Гамбурга, Магдебурга, Дрездена, Штеттина. Франкфурта, Бреславля и Ульма будут подчинены иностранной юрисдикции. Получается почти такое положение, при котором державам континентальной Европы было бы дано большинство голосов в управлении рыбного промысла на Темзе или в Лондонском порте.

Некоторые менее важные постановления придерживаются того же направления, которое уже знакомо нам из обзора договора. В силу Прибавления III к главе о возмещении убытков Германия обязана выдать союзникам до 20% своего речного тоннажа. Сверх того она должна уступить часть мелких судов, плавающих по Эльбе, Одеру, Неману и Дунаю, при чем количество их будет установлено американским посредником; «при сем должны быть приняты во внимание законные нужды заинтересованных областей и в особенности условия водного сообщения в течение пяти лет, предшествовавших войне», а мелкие суда, уступаемые Германией, должны быть взяты из числа построенных в самое последнее время[1]). Это постановление распространяется на германские суда и буксирные пароходы, плавающие по Рейну, а также на германскую собственность в Роттердамской гавани[2]). Там, где Рейн разделяет французские и германские области, Франции предоставляются все права пользования водой для орошения и двигателей, тогда как Германия не получает никаких прав[3]). Кроме того, все мосты целиком становятся собственностью Франции[4]). Наконец, в административном отношении чисто немецкий рейнский порт Кель, лежащий на восточном берегу реки, присоединяется к Страссбургскому порту и подчиняется французу, назначаемому на этот пост новой Рейнской комиссией.

Мы видим, что экономические статьи договора отличаются широким размахом; в нем предусмотрены почти все способы, какие могли бы разрушить благосостояние Германии в настоящий момент и задержать ее развитие в будущем. Поставленная в такое положение Германия должна заплатить союзникам денежную контрибуцию, о размерах и условиях которой мы скажем в следующей главе.

---

[1]) Статья 339.
[2]) Статья 357.
[3]) Статья 358. Все же Германии гарантируется известная плата или кредит за потерю права на водяную энергию.
[4]) Статья 66.

ГЛАВА V.

Возмещение убытков.

1. Вычисления убытков, предшествующие мирным переговорам.

Виды убытков, за которые союзники получают право требовать от Германии возмещения, установлены в соответствующих местах Четырнадцати пунктов Вильсона от 8 января 1918 года и видоизменены союзными правительствами в их объяснительной ноте, текст которой президент официально сообщил германскому правительству 5 ноября 1918 года в качестве основы будущего мирного договора. Эти места пунктов были полностью приведены в начале четвертой главы. «Германия,—говорилось там,—обязана возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзных держав и их имуществу нападениями на суше, на море и в воздухе». Ограниченное значение этого заявления подтверждено в речи президента в заседании конгресса 11 февраля 1918 года, в которой он говорит, что не должно быть «никаких контрибуций» и «никаких карательных взысканий» (выражения этой речи были целиком внесены в текст соглашения с неприятелем).

Иногда указывалось, будто предисловие к § 19[1]) статей перемирия, заявляющее, «что право союзников и Американских Соединенных Штатов предъявить в будущем требования и претензии остается неприкосновенным», упраздняет все предшествующие условия и дает союзникам свободу ставить какие угодно требования. Однако нет никакой возможности доказать, что эта случайная, заключающая в себе оправдание фраза, которой в свое время никто не придавал особенного значения, упраздняет все официальные сообщения, которыми обменялись президент и германское правительство, стремясь определить основу условий мирного договора в дни, непосредственно предшествовавшие перемирию; невозможно утверждать, будто эта фраза уничтожает Четырнадцать

[1]) Предусматривая, что право союзников и Американских Соединенных Штатов предъявить в будущем притязания и требования остается неприкосновенным, от Германии требуется выполнение следующих финансовых условий: возмещение всех нанесенных убытков. Пока длится перемирие, неприятель не имеет права вывозить какие-либо ценности, могущие послужить для союзников залогом, обеспечивающим возмещение потерь, причиненных войной. Немедленное восстановление денежных запасов Бельгийского Национального банка и вообще немедленное возвращение всех документов, монеты, фондов, акций, бумажных денежных знаков и машин для их изготовления, всего, что касается общественных и частных доходов занятых неприятелем территорий. Возвращение русского и румынского золота, уступленного Германии или захваченного ею. Это золото должно быть отдано союзникам на хранение до подписания мира.

пунктов и превращает согласие Германии принять условия перемирия в безусловное подчинение предписаниям, касающимся финансовых вопросов. В ней попросту надо видеть обычную фразу составителя, который в намерении повторить список известных претензий, желает избегнуть исчерпывающей полноты перечисления. Во всяком случае этот спорный пункт разрешен ответом союзников на германские возражения против первого проекта договора. В этом ответе союзники допускают, что условия главы о возмещении убытков должны быть определены согласно ноте президента от 5 ноября 1918 года.

Итак, предполагая, что заявления этой ноты являются обязывающими, мы должны выяснить всю силу выражения: «все повреждения, причиненные гражданскому населению союзных держав и их имуществу нападениями Германии на суше, на море и в воздухе». Немного выражений, известных в истории, как мы увидим в следующем отделе этой главы, задали так много работы софистам и законникам, как эти, повидимому, простые и недвусмысленные слова. Некоторые из них не посовестились утверждать, что они предполагают покрытие всех военных издержек; средства на все военные издержки, указывают они, должны были добываться посредством обложения, а обложение есть «ущерб, причиненный гражданскому населению». Они допускают, что фраза громоздка и что проще было бы сказать «все потери и расходы какого бы то ни было рода»; они признают также, что очевидное ударение на словах *гражданское* население сделано неудачно; однако, по их мнению, ошибки редакции не могут лишить союзников их прав победителей.

Однако здесь мы имеем дело не только с определенными границами естественного значения фразы и с ударением на убытках, понесенных именно гражданским населением, в отличие от военных издержек в широком смысле; надо также иметь в виду, что значение всего контекста фразы зависит от понимания слова «восстановление» в Четырнадцати пунктах президента. Четырнадцать пунктов предусматривают повреждения в захваченных территориях, в Бельгии, Франции, Румынии, Черногории (Италия непонятным образом пропущена),—но они не требуют возмещения потерь, причиненных на море подводными лодками, бомбардировками берегов с военных кораблей (как, например, в Скарборо) или воздушными рейдами аэропланов. Когда Верховный Совет союзников в Париже представил президенту свои оговорки, это было сделано с целью пополнить эти пропуски, благодаря которым оставался неупомянутым физический и материальный ущерб, причиненный гражданскому населению и в сущности ничем не отличающийся от повреждений, нанесенных захваченным территориям. Но я не думаю, чтобы в то время, т.-е. в конце октября 1918 года, хоть один ответственный политический деятель имел в мыслях взыскание с Германии вознаграждения за все военные расходы. Имелось в виду только выяснить (что было очень важно для Великобритании), что компенсации за повреждения, причиненные не-военным и их имуществу, не должны ограничиваться пределами захваченных территорий, но в равной мере распространяться на *все* такие повреждения, вызванные военными действиями «на суше, на море и в воздухе» (т.-е. на те, которые были обойдены молчанием в Четырнадцати пунктах). Только в позднейшей стадии переговоров, когда общественное мнение союзнических стран стало требовать вознаграждения, покрывающего все траты на войну, только тогда

оказалось желательным прибегнуть к недобросовестной уловке и вычитать в написанных словах тот смысл, которого в них нет.

Итак, какое же вознаграждение имели мы право требовать от неприятеля на основании точного смысла данных ему гарантий? [1]). В частности счет, который может предъявить Великобритания, должен состоять из следующих статей:

a) Вред, причиненный жизни и имуществу гражданского населения действиями неприятельского правительства, включая сюда воздушные рейды, бомбардировки с военных судов, нападения подводных лодок и взрывы мин.

b) Компенсации за беззаконное обращение с интернированными частными лицами.

В счет не могут быть включены общие расходы на войну или косвенные убытки, например, от уменьшения торговли.

Счет Франции, кроме статей, только-что приведенных, должен заключать еще:

c) Физический и материальный вред, понесенный гражданским населением в районе военных действий и воздушными налетами на тыл.

d) Компенсации за грабеж пищевых продуктов, сырых материалов, скота, машин, домашней утвари, строительного материала и тому подобного, произведенный неприятельскими правительствами или их подданными в захваченных территориях.

e) Возврат штрафов и реквизиций, наложенных неприятельскими правительствами или их чиновниками на французские муниципалитеты или на отдельных французов.

f) Компенсации французским гражданам, высланным внутрь Германии или поставленным на принудительные работы.

Есть и еще статья однако более спорного характера, а именно:

g) Покрытие расходов Комиссии помощи (Relief Commission) по заготовке пищи и одежды для гражданского населения во французских округах, занятых неприятелем.

Притязания Бельгии должны заключать те же самые статьи [2]). Если признать за Бельгией право требовать контрибуции, приближающейся к вознаграждению за все военные расходы, то основанием для такого требования мог бы служить только тот факт, что германское вторжение явилось нарушением международного права, а между тем, как мы уже видели, Четырнадцать пунктов не допускают каких-либо требований на этом основании [3]). Так как расходы Бельгийской комиссии помощи (согласно статье под литерой g), равно как общие военные расходы Бельгии уже были оплачены авансами, полученными от британского, французского и американского правительств, то все новые оплаты

[1]) Следует кстати заметить, что эти гарантии под повреждениями не понимают только те, которые нанесены вопреки признанным правилам войны. Поэтому жалобы на законный захват торгового судна на море так же допустимы, как и жалобы на беззаконные действия подводных лодок.

[2]) Если бумажные марки и кредиты в марках, принадлежащие подданным союзников в областях, подвергнувшихся германской оккупации, должны вообще считаться их долгом, то они засчитываются при ликвидации долгов неприятельских держав вместе с другими суммами, составляющими долг подданным Согласия; с статьями о возмещении убытков они не имеют ничего общего.

[3]) Специальные требования, касающиеся помощи Бельгии, были включены в мирный договор и без колебаний приняты германскими представителями.

этих расходов, истребованные от Германии, Бельгия должна будет употребить отчасти на покрытие ее долга упомянутым правительствам; таким образом, выходит, что все требования такого рода являются прибавкою к претензиям трех государств, кредитовавших в свое время Бельгию.

Претензии прочих союзных держав должны быть основаны на тех же самых принципах. Однако при этом возникает вопрос, в какой мере на Германию падает ответственность за вред, причиненный не ею самой, но ее союзниками—Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. На этот вопрос, на ряду с многими другими, Четырнадцать пунктов ясного ответа не дают; с одной стороны, пункт 11-й определенно требует компенсации за вред, причиненный Румынии, Сербии и Черногории, без всякого определения национальности войск, совершавших разрушения; с другой же стороны, нота союзников говорит о «германском» нападении там, где можно было бы сказать о нападении «Германии с ее союзниками». Оставаясь в пределах узкого и буквального толкования, я сомневаюсь, чтобы к Германии предъявлялись претензии за разрушения, причиненные хотя бы турками в Суэцком канале или австрийскими субмаринами в Адриатике. Все же в этом случае, при некоторой натяжке, союзники могут наложить ответственность и на Германию, не нарушая серьезным образом данных ей гарантий.

Совсем иначе обстоит дело в вопросе о распределении вознаграждения между союзниками. Было бы весьма недобросовестно и нечестно, если бы Франция и Англия могли бы взять себе все, что Германия сможет заплатить, и предоставить Италии и Сербии получить то, что возможно, с остатков Австро-Венгрии. Ясно, что все суммы, платимые союзникам, должны образовать общий фонд и быть распределены сообразно претензиям каждого.

При таком положении, а также если будет принято мое заключение, что платежная способность Германии окажется исчерпанной прямыми и основательными претензиями к ней союзников, как мною выяснено ниже, вопрос об ответственности Германии за своих союзников становится чисто академическим. Поэтому разумная и честная политика должна бы истолковать сомнительные случаи в ее пользу и не требовать ничего сверх убытков, причиненных ею самой.

Какую же сумму составит общая совокупность претензий, предъявленных на указанной выше основе? Для научной и точной оценки мы не имеем данных. Моим собственным предположениям я не придаю большого значения, чем они заслуживают; их изложению надо предпослать следующие замечания.

Исчисление общей суммы материального ущерба, причиненного занятым территориям, дало повод к невероятным, хотя психологически понятным преувеличениям. Впечатление, производимое зрелищем опустошенных областей Франции, не поддается описанию. Зимою 1918—1919 года, пока природа не набросила на землю свой маскирующий покров, ужас и запустение, причиненные войной, открывались взорам путешественника во всем своем мрачном величии. Полнота разрушения была очевидна; на протяжении целых миль не было оставлено камня на камне. Не уцелело ни одного жилого дома, ни одного клочка земли, пригодного для обработки. К тому же местность поражала своей монотонностью. Одно поле было точным подобием другого, все представляло кучи щебня, болото гранатных воронок, гирлянды колючей

проволоки[1]). Казалось, что реставрация таких пространств потребует неисчислимого количества труда; для наблюдателя, вернувшегося из поездки в эти места, никакие миллиарды фунтов стерлингов не могли выразить сумму разрушений, потрясших своим видом его воображение. По различным вполне понятным причинам, некоторые правительства не постыдились извлечь для себя пользу из таких чувств.

Я думаю, что мнение, распространенное в обществе по поводу Бельгии, надо признать ошибочным. Во всяком случае, Бельгия представляет небольшую страну, а ее настоящая арена разрушений весьма мала в сравнении с целым. Первое вторжение германцев в 1914 году причинило ей некоторые местные разрушения, позднее линия фронта уже не двигалась взад и вперед по широкой полосе страны, как это было во Франции. Она оставалась неподвижной, и военные действия не выходили за пределы маленького уголка, бо́льшая часть которого в новейшее время представляла область отсталую, бедную, сонную, чуждую активной деятельности остальной страны. Следует упомянуть еще разрушения в маленьком затопленном водою округе, умышленные повреждения, причиненные германцами строениям, орудиям и путям сообщения во время отступления, похищение машин, скота и прочего движимого имущества. Однако Брюссель, Антверпен и даже Остенде в целом остались непронутыми, и почти все пространство страны, главное богатство Бельгии, обработано приблизительно так же, как раньше. Можно проехать на автомобиле по всей в свое время опустошенной полосе Бельгии, едва догадываясь о том, что здесь когда-то была война; во Франции же разрушения достигли совершенно иных размеров. Хищения машин, произведенные в Бельгии, были значительны, и в первое время оказали парализующее влияние на промышленность; однако действительный денежный расход на замену машин возрастает медленно, и для того, чтобы оплатить стоимость машин всех видов, какими когда-либо обладала Бельгия, понадобится лишь несколько десятков миллионов фунтов. Кроме того, беспристрастный статистик не должен закрывать глаза на то обстоятельство, что бельгийцы в высшей степени обладают инстинктом личной самозащиты; огромное количество германских кредитных билетов[2]), оказавшееся в стране в момент заключения

---

[1]) Для британского наблюдателя одна сцена стоит особняком от прочих—окрестности Ипра. В этом опустошенном и кошмарном месте природный колорит и характер ландшафта кажется ярким выражением воспоминаний о бедствиях этой страны. В начале ноября 1918 года, когда еще неубранные тела германских солдат усиливали реализм и ужас этой картины, а страшная борьба еще не была окончена, наверно, здесь, как нигде, можно было чувствовать все отвратительное неистовство войны; но в то же время это зрелище вызывало очищающее душу предчувствие, что в будущем она смягчит свои жестокие формы.

[2]) Эти кредитные билеты, суммою не менее чем в 600 милл. марок, являются ныне причиною сильных затруднений и возможных убытков для бельгийского правительства, так как по возвращении в страну оно стало принимать их от своих подданных в обмен на бельгийские билеты из расчета 1,20 франка за одну марку. Этот расчет размена был значительно выше ценности бумажных марок, установившейся на денежном рынке в то время (теперь же разница достигает огромных размеров, так как с тех пор ценность бумажной марки сильно пала, так что бельгийский франк стоит в настоящее время более трех марок); это обстоятельство дало толчок широкой контрабанде бумажных марок в Бельгию с целью извлечь барыши из их продажи. Бельгийское правительство совершило этот необдуманный шаг отчасти в надежде, что мирная конференция согласится заставить Германию выкупить эти марки по нарицательной цене в качестве обязательства по ее общему долгу. Однако конференция признала, что возмещению убытков в собственном смысле следует отдать предпочте-

перемирия, показывает, что, вопреки всем строгостям и варварской жестокости германского режима, известные классы населения, в конце концов, нашли способы наживаться на счет своих поработителей. Бельгийские претензии к Германии, которые, как мне пришлось убедиться, превышают полную оценку богатства всей страны в довоенное время, совершенно не соответствуют действительности [1]).

Официальный обзор бельгийского народного богатства, опубликованный министерством финансов в 1913 году, может дать нам в руки руководящую нить. Его данные (в фунтах стерлингов) таковы:

	Милл. фунтов.
Земля	264
Постройки	235
Движимое имущество	545
Монета	17
Инструменты, утварь и проч.	120
	1.181

Эта сумма дает в среднем 156 фунтов стерлингов на одного жителя; доктор Стамп, крупнейший авторитет в этом вопросе, склонен считать эту цифру, по первому взгляду, слишком низкой (хотя он и не соглашается с некоторыми более высокими оценками, нашедшими себе признание в последнее время); в самом деле, в соседних с Бельгией странах народное богатство, распределяя в среднем на человека, в Голландии дает 167 фунтов стерлингов, в Германии 264 фунта и во Франции 303 фунта [2]). Для Бельгии итог в 1.500 миллионов фунтов, дающий в среднем около 200 фунтов на человека, следует признать, пожалуй, слишком щедрым. Официальная оценка земли и строений, повидимому, более точна, чем все остальное. С другой же стороны, следует принять во внимание, что цены на строительные работы с тех пор повысились.

Принимая во внимание все эти соображения, я не могу оценить *материальные* потери Бельгии вследствие разрушений и хищений более, чем в 150.000.000 фунтов стерлингов, считая эту цифру максимальной; хотя я не решаюсь еще понизить эту оценку, которая так сильно отличается от общепринятой, я все же был бы удивлен, если бы удалось доказать, что претензии Бельгии могут быть выражены в этой цифре. Убытки от поборов, штрафов, реквизиций и прочего могут дать еще 100.000.000 фунтов. Если сюда включить авансы, полученные Бельгией от ее союзников на военные расходы, то придется прибавить новую сум-

---

ние и что лишь по их уплате можно приступить к ликвидации неосторожных банковых операций, совершенных при непомерной разнице курса. Скопление в руках бельгийского правительства огромного количества германских денег в связи с тем, что и французское правительство имеет около 200 миллионов марок, которые оно выменяло в интересах населения занятых областей и Эльзас-Лотарингии, чрезвычайно ухудшает положение марки на денежном рынке. Для бельгийского и германского правительств было бы весьма выгодным притти к какому-либо соглашению по этому вопросу, однако сделать это очень трудно вследствие того, что Комиссия по возмещению убытков наложила запрет на все германские имущества, которые могли бы пригодиться для этой цели.

[1]) По правде сказать, высокие требования, предъявленные в пользу Бельгии, включают не только собственные опустошения, но и другие статьи всякого рода, например, потерю заработков, которых бельгийцы могли бы ожидать, если бы не произошла война.

[2]) „The Wealth and Income of the Chief Powers" by I. C. Stamp (Journal of the Royal Statistical Society. July 1919).

му в 250.000.000 фунтов (причисляя сюда издержки на оказание помощи населению), и мы получим итог в 500.000.000 фунтов стерлингов.

Разрушения во Франции были гораздо более значительны; это объясняется не только длиною линии фронта, но также гораздо большей глубиною той полосы, по которой эта линия двигалась то вперед, то назад. Общераспространенное заблуждение представляет Бельгию, как главную жертву войны; напротив, я думаю, что если взять во внимание потери людьми и имуществом и бремя будущих долгов, то выйдет, что Бельгия из всех воюющих держав принесла сравнительно наименьшие жертвы после Соединенных Штатов. Среди союзников на первом месте по перенесенным испытаниям стоит Сербия, а после нее Франция. В сущности Франция была в такой же степени жертвой германского честолюбия, как и Бельгия, и ее вступление в войну было в такой же мере неизбежным. По моему мнению, вопреки ее политике на мирной конференции, политике, легко объяснимой ее страданиями, Франция больше всех имеет права на наше великодушие.

Особое положение Бельгии в общественном мнении создано, конечно, тем, что в 1914 году она из всех союзников принесла наибольшие жертвы. Но потом ей пришлось играть менее важную роль. Поэтому в конце 1918 года ее жертвы, не считая тех страданий, причиненных вторжением, которые не поддаются денежной оценке, отошли на второй план; в известных отношениях они оказываются даже меньше, чем, например, жертвы, принесенные Австралией. Говоря это, я вовсе не желаю отделаться от обязательств по отношению к Бельгии, которые возложены на нас нашими ответственными политическими деятелями во многих их заявлениях. Великобритания не должна и думать о каком-либо вознаграждении со стороны Германии, пока не будут удовлетворены целиком справедливые претензии Бельгии. Однако все это не может помешать нам сказать правду о высоте общей суммы этих претензий.

Хотя претензии Франции должны быть неизмеримо больше, все же и здесь были допущены чрезмерные преувеличения, как указывали сами авторитетные французские статистики. Не более десяти процентов всей поверхности Франции было занято неприятелем, и не более четырех процентов подверглось сильным опустошениям. Из шестидесяти городов Франции с населением, превышающим 35.000 жителей, были разрушены только два, Реймс (115.178 жит.) и Сен-Кантен (55.571 жит.); три других были заняты германцами—Лилль, Рубэ и Дуэ—и потерпели от захвата машин и прочего имущества, но в других отношениях пострадали мало. Амиен, Кале, Дюнкирхен и Булонь получили второстепенные повреждения вследствие бомбардировок и нападений аэропланов; но имущество Кале и Булони увеличилось новыми сооружениями, построенными здесь для нужд британской армии.

Annuaire Statistique de la France, 1917 года, определяет общую стоимость домов Франции в 2.280.000.000 фунтов стерлингов (59,5 миллиардов франков) [1]). Поэтому принятая во Франции оценка разрушенных домов, определяемая в 800.000.000 фунтов (20 миллиардов франков), есть очевидное преувеличение [2]). Цифра в 120.000.000 фунтов по

---

[1]) Другие оценки колеблются между 2.420 милл. и 2.680 милл. фунтов. Ср. Stamp, loc. cit.

[2]) На это ясно и мужественно указал Шарль Жид в l'Emancipation, февраль 1919 года.

довоенным ценам, или в 250.000.000 по нынешним, будет гораздо ближе к истине. Оценки земельной собственности Франции (не считая построек) варьируются между 2.480 и 3.116 миллионов фунтов, так что убытки по этой статье мы можем исчислить в 100 миллионов фунтов. Согласно мнению авторитетов, сельско-хозяйственный капитал всей Франции не превышает 420 миллионов фунтов [1]). Необходимо принять в расчет потери инвентаря и машин, повреждения угольных копей и железнодорожной сети, а также многие другие менее важные статьи. Но как бы ни были серьезны эти потери, ввиду столь незначительной части Франции их ценность все же невозможно исчислять в сотнях миллионов фунтов стерлингов. Одним словом, будет трудно составить счет, превышающий 500.000.000 фунтов в уплату за *физический и материальный* вред, причиненный занятым округам Северной Франции [2]). Эта оценка подтверждается мнением René Pupin, автора самого полного и научного труда о богатстве Франции до войны [3]), с которым я познакомился уже после того, как мои собственные выводы были готовы. Этот автор считает, что материальный убыток захваченных областей доходит до суммы от 400 до 600 миллионов фунтов (от 10 до 15 миллиардов франков); мое исчисление приходится как раз посредине этих двух цифр.

---

[1]) Если даже удастся определить размеры материальных повреждений, будет очень трудно назначить за них денежную цену, которая должна зависеть от того, на какой период времени растянется ремонт и какими способами он будет выполнен. Закончить его в один или два года, не считаясь с расходами, невозможно; попытка сделать это в срок, не соответствующий наличному количеству рабочих рук и материалов, должна невероятно поднять цены. Я думаю, что расходы на работу и материалы мы должны приравнивать к ценам, существующим в данное время вообще. Впрочем, мы можем с уверенностью предполагать, что реставрация в буквальном смысле никогда не будет выполнена. В самом деле такая реставрация была бы бесполезна. Многие города были стары и неудовлетворительны в санитарном отношении, многие деревушки представляли нечто жалкое. Было бы нелепо вновь строить здания того же типа и в тех же местах. Что касается земель, то самое благоразумное будет предоставить многие из них восстанавливающему действию природы на долгие годы. Следует вычислить общую сумму, в самом деле выражающую материальный ущерб, и предоставить Франции свободу расходовать ее по своему усмотрению, сообразно целям ее экономического обогащения в целом. Спор по этому поводу уже начался во Франции. Весною 1919 г. в Палате происходили долгие и бесплодные дебаты по поводу того, следует ли принуждать жителей, получивших вознаграждение, расходовать его на восстановление своей собственности в прежнем виде, или им надо дать свободу пользоваться им, как угодно. В защиту того и другого мнения можно сказать многое; в первом случае положение многих владельцев, которые не смогут в течение целых годов использовать свою собственность и в то же время не будут иметь разрешения переселиться в другое место, станет очень трудным и неопределенным; во втором случае, если такие лица, получив вознаграждение, будут иметь свободу итти куда угодно, то север Франции, не будет восстановлен никогда. Тем не менее, я думаю, что самым благоразумным было бы предоставить широкую свободу в этом деле и дать выход естественной игре экономических мотивов.

[2]) La Richesse de la France devant la Guerre. 1916.

[3]) Revue Bleue, 3 февраля 1919. Автор делает очень ценный выбор французских расчетов и мнений, составляющих четвертую главу книги H. Charriaut и R. Hacault— La liquidation financière de la guerre. Общие размеры моей оценки подтверждаются также размерами уже сделанного ремонта, о которой Tardieu говорит в своей речи 10 октября 1919 года: „К 16 сентября,—говорит он,—из 2.246 километров разрушенной железнодорожной колеи было восстановлено 2.016 килом.; из 1.075 километров каналов восстановлено 700 килом.; из 1.160 сооружений, напр., мостов и туннелей, которые были взорваны, восстановлено 588; из 550.000 разрушенных домов вновь отстроено 60.000; из 1.800.000 гектаров поля, приведенного в негодность боями, 400.000 гектаров уже обработано, а 200.000 приготовлено к посеву. Наконец, с полей удалено более 10.000.000 метров колючей проволоки".

Тем не менее, Дюбуа, говоря от имени бюджетной комиссии французской палаты, привел цифру в 2.600 миллионов фунтов (65 миллиардов франков) «в качестве минимальной», не включая сюда «поборов, потерь на море, дорог, потерь общественных памятников». А Лушер, министр восстановления промышленности, 17 февраля 1919 года утверждал в сенате, что реставрация опустошенных областей потребует расхода в 3.000 миллионов фунтов (75 миллиардов франков), т.-е. более чем двойной стоимости всего богатства их населения, согласно оценке Пюпена (Pupin). Однако в то время, когда произносилась эта речь, Лушер играл видную роль в защите претензий Франции перед мирной конференцией и, подобно многим другим, считал, что строгая правдивость несовместима с требованиями патриотизма [1]).

Цифра, к которой мы пришли, однако, не покрывает совокупности французских притязаний. В частности остаются еще поборы и реквизиции в занятых областях и потери торгового флота от нападений германских крейсеров и подводных лодок. Чтобы удовлетворить все эти претензии, 200 миллионов фунтов, конечно, было бы достаточно; но для большей верности мы, хотя и несколько произвольно, надбавим по всем статьям французских требований не 200, а 300 миллионов и доведем общую сумму до 800 миллионов фунтов стерлингов.

Отчеты Дюбуа и Лушера были представлены ранней весной 1919 года. Та же речь, какую произнес в палате депутатов Клоц шесть месяцев позднее (5 сентября 1919 г.), менее простительна. Французский министр финансов оценивает в ней французские претензии за убытки (включая, повидимому, потери на море, но исключая пенсии и пайки) в 5.360 миллионов фунтов (134 миллиарда франков), т.-е. более чем в шесть раз против моего исчисления. Если даже моя цифра ошибочна, расчет Клоца не может быть оправдан. Заблуждение, в которое вводят французские министры свой народ, столь серьезно, что когда произойдет неизбежное прояснение умов, как это скоро должно случиться (и по вопросу о французских требованиях, и по вопросу о способности Германии платить), обратная волна народных чувств сметет не одного только Клотца, но может увлечь и тот политический и общественный порядок, представителем которого является этот министр.

Претензии Англии практически должны ограничиваться потерями на море от потопления как судов, так и их груза. Конечно, будут предъявлены требования также и за убытки частных лиц от воздушных рейдов и бомбардировок с моря, но в сравнении с вышеприведенными цифрами их сумма незначительна; 5.000.000 фунтов покроют их вполне, а 10.000.000—без всякого сомнения.

Количество британских коммерческих судов, потопленных врагом, доходит до 2.479, не считая рыболовных судов, с общим водоизмещением в 7.759.090 тонн [2]). При этом возможны значительные расхождения во взглядах на расходы, которых потребует замена потонувших кораблей; цифра в 30 фунтов за каждую тонну, которая при быстром росте кораблестроения может вскоре оказаться слишком высокой, но которую можно заменить другой, основываясь на вычислениях лучших автори-

---

[1]) Некоторые из этих оценок, кроме прямых материальных убытков, принимают во внимание также иные, не материальные потери.

[2]) Значительная часть их погибла на службе у союзников; исчисление убытков не должно быть удвоено включением этих потерь в их требования и в наши.

тетов [1]), дает общую сумму претензий в 230.000.000 фунтов. К этому должно присоединить потерю грузов, цена которых может быть только гадательной. Оценка в 40 фунтов на каждую тонну водоизмещения представляет приблизительно правильное исчисление; таким образом, цена потопленного груза дает 310.000.000 фунтов, а общая сумма потерь на море доходит до 540.000.000 фунтов.

Прибавим к ней 30.000.000 фунтов, вполне достаточные для возмещения убытков от воздушных рейдов, бомбардировок, интернирования частных лиц и разных других убытков всевозможного характера, и мы получим общий итог претензий Великобритании—570.000.000 фунтов. Быть может, покажется странным, что наши претензии так мало уступают требованиям Франции и превосходят требования Бельгии. Однако, если мы сравним денежные или вещественные потери с экономическою мощью нашей страны, то выйдет, что ущерб, причиненный нашему торговому флоту, был громаден.

Нам остается рассмотреть претензии Италии, Сербии и Румынии за убытки, понесенные вследствие вторжения неприятеля, а также требования этих и иных держав, например, Греции [2]), за потери на море. Я предполагаю на первых порах, что эти требования предъявляются к Германии, даже если они вызваны действиями не ее самой, но ее союзников, но я исключаю требования, могущие быть предъявленными со стороны России [3]). Потери Италии на суше и на море не могут быть очень тяжелы, и сумма от 50 до 100 миллионов фунтов вполне достаточна для их покрытия. Что же касается Сербии, то хотя, с точки зрения человечности, ее страдания превосходят все прочие [4]), ее потери, определимые *в деньгах* в виду низкого уровня ее экономического развития, очень велики быть не могут. Доктор Стамп (loc. cit.) ссылается на данные итальянского статистика Марой, который все национальное богатство Сербии оценивает в 480 миллионов фунтов, т.-е. в 105 фунтов на человека [5]); к тому же большая часть богатства заключается в земле,

---

[1]) Мы не определяем особой суммы за потопление 675 рыбачьих судов общей вместимостью в 71.765 тонн, а также за повреждения 1.885 непотопленных судов. Их стоимость компенсируется возможностью преувеличения нами предполагаемых расходов по замене потопленных судов.

[2]) Потери греческого торгового флота в результате опасностей на Средиземном море были чрезвычайно велики; однако флот понес их в значительной степени на службе союзников, которые прямо или косвенно оплатили их. Претензии Греции за потери на море, причиненные ей непосредственно, не могут быть очень значительны.

[3]) По этому вопросу мирный договор содержит следующую оговорку: „Державы Согласия обеспечивают за Россией право получить от Германии возмещения убытков на основе принципов, установленных в настоящем договоре". (Статья 116.)

[4]) Доктор Днуриг в своем „Экономическом и статистическом обозрении южнославянских народов" (Journal of Royal Statistical Society. Май 1919 года) приводит несколько замечательных цифр, касающихся гибели человеческих жизней: „Согласно официальным отчетам число павших в боях или умерших в плену за время до последнего сербского наступления достигает 320.000; это значит, что половина мужского населения Сербии, в возрасте от 18 до 60 лет, погибла в Европейской войне. Сверх того осведомленные сербские врачи считают, что около 300.000 гражданского населения умерло от тифа, а потери среди населения, интернированного в неприятельских лагерях, они оценивают в 50.000. Во время двукратного отступления через Сербию и отступления через Албанию погибло до 200.000 детей и вообще молодежи. Наконец, в течение трехлетней оккупации потери людьми от недостатка в пище и врачебном уходе достигли 250.000". Складывая все вместе, он оценивает потери людьми цифрою свыше 1.000.000, что составляет более трети всего населения Старой Сербии.

[5]) Come si calcola e a quanto ammonta la richezza d'Italia e della altre principal nazioni, 1919.

которая не подверглась длительному опустошению [1]). Ввиду весьма неравноценных данных, позволяющих угадывать лишь *общую сумму* законных претензий этих стран, я вместо отдельных предположений выказываю одну общую догадку и исчисляю общую сумму претензий всей этой группы в 250.000.000 фунтов.

В конце концов мы приходим к следующим результатам:

Бельгия	500 [2])	миллионов фунтов.
Франция	800	„ „
Великобритания	570	„ „
Остальные союзники	250	„ „
Итого	**2.120**	**миллионов фунтов.**

Мне нет надобности указывать читателю, что эти цифры содержат много гадательного, и что особенно цифра французских требований может вызвать критику. Однако я имею некоторую уверенность, что *общая величина*, независимо от точных цифр, не совсем ошибочна; это позволяет утверждать, что претензии к Германии на основе принятого выше истолкования гарантий, данных союзниками до заключения перемирия, должны превышать 1.600 миллионов и быть ниже 3.000 миллионов фунтов стерлингов.

Такова сумма, которую мы имеем право потребовать от неприятеля. На основании соображений, которые окончательно выяснятся позднее, я думаю, что было бы благоразумно и справедливо склонить Германию во время мирных переговоров согласиться на сумму в 2.000 миллионов в качестве окончательного расчета, не входя в рассмотрение частностей. Такой способ действия привел бы к быстрому и верному решению; долг Германии выразился бы в сумме, которую она могла бы заплатить при условии дарования ей некоторых льгот. Затем вся сумма была бы поделена между собой самими союзниками сообразно нуждам каждого и общей справедливости.

Однако вопрос был решен не так, как того требовало его огромное значение.

2. Мирная конференция и условия договора.

Я не думаю, чтобы в момент заключения перемирия ответственные представители союзных стран ожидали от Германии какого-либо вознаграждения сверх уплаты прямых материальных убытков, причиненных нападением на союзные территории и подводной войной. В то время существовали серьезные сомнения относительно намерения Германии принять наши условия, которые в других отношениях по необходимости были очень строги; кроме того, считалось недипломатичным рисковать дальнейшей затяжкой войны, требуя такой уплаты денег, о какой общественное мнение союзных стран еще и не помышляло и какая, во всяком случае, не могла считаться обеспеченной. Правда, Франция, я думаю, никогда не разделяла эту точку зрения; за то, несомненно, отно-

---

[1]) Очень высокие требования, предъявленные сербскими авторитетами, содержат много гипотетических статей, имеющих в виду косвенные и нематериальные убытки; но как бы ни были реальны эти убытки, мы не могли включить их в нашу формулу.

[2]) Включая сюда 250 миллионов фунтов общих военных издержек, оплаченных займами, сделанными Бельгией у союзников.

шение Британии определялось ею. Вот в какой атмосфере были выработаны условия, предшествовавшие перемирию.

Спустя месяц эта атмосфера резко изменилась. Мы убедились, как безнадежна была позиция Германии; правда, кое-кто предвидел это положение уже и раньше, но никто не решался строить на нем свои расчеты. Стало очевидным, что стоило нам только пожелать, и мы могли добиться полной сдачи неприятеля.

Был еще один определяющий фактор, который имел более местное значение. Британский премьер-министр понял, что вслед за окончанием военных действий может произойти распад того политического *блока*, который служил основой его личного влияния; он видел также, что внутренние затруднения в связи с демобилизацией, переходом промышленности на мирное положение, финансовыми вопросами и общей психической реакцией умов дадут его врагам мощное оружие, если только он оставит время для созревания их замыслов. Власть премьер-министра была личной, и ее независимость от партий или принципа достигла степени, еще невиданной в политической жизни Англии. Вернейшим средством упрочить эту власть было активное нападение на противников, пока престиж победы не потускнел, а также использование эмоций, вызванных переживаемым моментом, для утверждения ее новых основ, которые могли бы пережить неизбежную реакцию близкого будущего. Итак, в короткий промежуток, тотчас после перемирия, популярный победитель, в зените своего влияния и славы объявляет всеобщие выборы. В то время этот жест был оценен многими, как акт политической нечестности. Все соображения общественной пользы требовали хотя бы краткой отсрочки, пока итоги новой наступающей эпохи не выяснились бы несколько ярче, пока страна не увидела бы перед собой более определенных данных, на основании которых она могла бы выяснить свою мысль и направить своих новых представителей. Требования личного честолюбия решили все иначе.

До поры до времени все шло отлично. Но еще до того, как избирательная кампания была в разгаре, правительственные кандидаты почувствовали, что никто из них не выдвигается благодаря отсутствию у них достигающих цели программных лозунгов. Военный кабинет требовал себе отдачи власти на новый срок на том основании, что он выиграл войну. Однако, частью от того, что новые итоги еще не определились, частью вследствие боязни нарушить равновесие внутри коалиционной партии, будущую политику премьера обходили молчанием или общими местами. Вследствие этого кампания, казалось, становилась несколько вялой. Теперь, когда мы знаем дальнейшие события, нам кажется невероятным, чтобы коалиционной партии когда-либо грозила действительная опасность. Но партийных руководителей напугать не трудно. Более нервные советники премьера наговорили ему, что он не застрахован от опасных сюрпризов, и премьер поверил им. Партийные вожаки заявили, что необходимо найти, чем бы «подогреть» публику, и премьер стал думать об этом.

В предположении, что возвращение премьера к власти имело первостепенное значение, все остальное устроилось само собою. В этот важный момент в известных кругах начались разговоры, что правительство не дало ясных гарантий в том, что оно «не выпустит Гуна из своих рук», привлек к себе всеобщее внимание своим требованием крупного

вознаграждения от Германии[1]), а лорд Нортклифф со всем своим могуществом стал на сторону этого дела. Это побудило премьера убить двух зайцев сразу. Соглашаясь в душе с политикой Хьюза и лорда Нортклиффа, он в то же время мог зажать рот этим могущественным критикам и дать вожакам своей партии эффектный лозунг для избирательной кампании, чтобы заглушить усиливающийся шум голосов, шедший из других кругов.

Ход избирательной кампании 1918 года даст печальную, драматическую историю внутренней слабости человека, который не черпает свое вдохновение из своих собственных верных побуждений, но поддается влиянию тех сильных токов, которые содержит атмосфера, в данный момент окружающая его. Природный инстинкт премьер-министра, как почти всегда, был правилен и разумен. Сам он ничуть не верил в то, что кайзера следует повесить, что крупная контрибуция желательна и возможна. 22 ноября он вместе с Бонар-Лоу опубликовал свой избирательный манифест. Этот манифест не содержит ни намека на кайзера или на контрибуцию; он говорит скорее о разоружении и о Лиге наций и заключает, что «нашей первой задачей будет справедливый и длительный мир и заложение основ новой Европы, чтобы навеки устранить поводы для войн». В речи премьера, произнесенной в Волвергамптоне накануне роспуска парламента (24 ноября), нет ни слова о возмещении убытков или контрибуции. На следующий день в Глазго Бонар Лоу не обещает ничего. «Мы отправляемся на конференцию,—сказал он,—в качестве членов всей группы союзников, и вы не можете ожидать, чтобы представитель правительства, каково бы ни было его собственное мнение, до своего отъезда публично объявил, какой линии поведения будет он держаться в том или ином вопросе». Но уже спустя немного дней в Ньюкестле (29 ноября) премьер-министр старается подогреть сочувствие публики: «Когда Германия разбила Францию, она заставила ее платить. Таков принцип, который она сама установила. Насчет принципа сомнения нет, им должны определяться наши действия, т.-е. Германия должна оплатить военные издержки вплоть до предела ее способности платить». Однако это провозглашение принципа он сопровождает многими «словами, предупреждающими» насчет практических трудностей дела: «Мы образовали комитет экспертов, в котором представлены все оттенки мнений, с поручением ему тщательно рассмотреть вопрос и консультировать нас. В справедливости наших требований сомнений нет. Германия должна платить, она заплатит все, что может; но мы не позволим ей сделать это тем способом, который мог бы поколебать нашу промышленность». В этой стадии дела премьер-министр старался показать, что он намеревается применить крайнюю строгость, но в то же время избежать поводов для чрезмерных надежд на действительное получение денег и не связать себя определенной линией поведения на конференции. Ходили слухи, будто одно авторитетное лицо высказало взгляд, что Германия наверно сможет заплатить 20.000 милл.

---

[1]) К чести Хьюза следует сказать, что он боялся с самого начала, что переговоры, предшествующие перемирию, ограничат наше право требовать вознаграждения равного всей совокупности военных издержек, что он протестовал против того, что мы взяли на себя такие обязательства, и громко утверждал, что это не его дело и что он не считает себя связанным. Его негодование отчасти, может быть, вызвано тем, что Австралия, не претерпев опустошений, не имела бы права заявлять претензии при более ограниченном толковании наших прав.

фунтов, что это лицо не колеблется назвать сумму, даже вдвое превышающую эту цифру. Однако чиновники казначейства, как указывал Ллойд-Джордж, держались иного взгляда. Таким образом, сам он мог прикрываться противоречиями мнений своих советников и рассматривать платежеспособность Германии как открытый вопрос, в решении которого он должен приложить все старания к выгоде своей страны. Что же касается наших обязательств согласно Четырнадцати пунктам, на этот счет он хранил упорное молчание.

30 ноября Барнес, член военного кабинета, в котором он, яко бы, представлял труд, бросил с платформы митинга: «Я стою за то, чтобы повесить кайзера».

6 декабря премьер-министр обнародовал программу своей политики и целей; здесь он заявляет, что «все европейские союзники признали принцип, на основании которого Центральная Европа должна оплатить военные расходы вплоть до пределов своей платежеспособности». При этом он многозначительно подчеркивает слово *европейские*.

До выборов оставалось немного более недели, а премьер все еще не сказал достаточно для удовлетворения аппетитов, разыгравшихся в то время. 8 декабря «Таймс», по своему обычаю, надев маску показного декорума, в целях большей свободы своих соучастников, в передовой статье, озаглавленной «Способ заставить Германию заплатить», писал, что «общественное мнение еще озадачено различными заявлениями премьер-министра». «Есть слишком много оснований подозревать,— прибавляет статья,—что существуют влияния, склоняющие к тому, чтобы позволить Германии отделаться легко, а между тем единственным возможным основанием в определении ее способности платить должны быть интересы союзников». «Тот кандидат понимает требования времени,—писал политический корреспондент «Таймса», который согласен с Барнесом, что надо повесить кайзера, который собирает все голоса за уплату всей стоимости войны Германией, который захватывает свою аудиторию и задевает струны, всего более способные откликнуться».

9 декабря на митинге в Квинсхолле премьер-министр избегает этой темы. Но с этого времени развязность мысли и языка с часу на час становится сильнее. Однако, самое грубое зрелище представляло поведение сэра Эрика Джеддса на митинге в Гильдхолле в Кембридже. В одной из прежних речей этот политик, в порыве необдуманной откровенности, выразил сомнение, что Германия сможет оплатить все издержки войны; эта речь возбудила серьезные подозрения, и теперь оратору пришлось восстанавливать свою пошатнувшуюся репутацию. «Мы получим с Германии все, что можно выжать из лимона и еще кое-что в придачу,—кричал он,—я буду жать ее, пока вы не услышите, как скрипят косточки этого лимона»; его политика заключалась в том, чтобы взять все до последнего, что составляет собственность германцев в нейтральных и союзных странах, все ее золото, серебро и драгоценности, все, что содержат ее картинные галлереи и книжные магазины, и все это продать в пользу союзников. «Я ощиплю Германию,—кричал он,—так же, как она ощипала Бельгию».

11 декабря премьер-министр сложил оружие. Его конечный манифест, содержащий шесть пунктов, выпущенный в этот день к избирателям, наводит на меланхолические размышления при сравнении с его программой на три недели раньше:

1. Суд над кайзером.
2. Наказание лиц, виновных в жестокостях.
3. Требование уплаты полного вознаграждения.
4. Британия для британцев в социальном и промышленном отношении.
5. Помощь всем пострадавшим на войне.
6. Создание для всех более счастливых условий существования.

Здесь богатая тема для цинника. Вот к какой смеси жадности и сентиментализма, предрассудков и обмана три недели митинговых выступлений привели могучего правителя Англии. А ведь только недавно он не без достоинства распространялся о разоружениях, о Лиге наций и о справедливом и прочном мире, который заложит основы новой Европы!

В тот же вечер на митинге в Бристоле премьер-министр, отказываясь от своих прежних оговорок, изложил четыре пункта своей будущей политики, признавшей теперь обязательность вознаграждения со стороны Германии. Главные из этих пунктов следующие: во-первых, мы имеем абсолютное право на полную уплату нам военных издержек; во-вторых, мы предлагаем требовать эту уплату, и в-третьих, комитет, назначенный руководителями кабинета министров, полагает, что эта уплата возможна [1]). Спустя четыре дня после этой речи начались выборы в парламент.

Премьер-министр ни разу не сказал, что сам он верит, будто Германия способна полностью возместить военные расходы. Но в речах его соратников на избирательных собраниях программа приняла гораздо более конкретный вид. Рядовой избиратель вообразил, что Германию наверное можно принудить внести, если не полную сумму военных издержек, то, по крайней мере, бо́льшую часть их. В умах многих мысль об этих издержках возбуждала житейские эгоистические страхи; многие, под впечатлением ужасов войны, совершенно утратили равновесие чувства. Теперь перспективы вознаграждения успокаивали и тех и других. Голосовать за кандидата коалиционной партии значило добиться распятия германского Антихриста, а также переложения британского национального долга с своих плеч на Германию.

Такая комбинация оказалась неодолимой, и политический инстинкт мистера Джорджа еще раз указал верную дорогу. Ни один кандидат не мог изобличать эту программу без риска провала на выборах, и ни один не попытался сделать это. Старая либеральная партия не могла предложить избирателям ничего, что шло бы в сравнение с нею, и она перестала существовать [2]). Появилась на свет новая Палата Общин, члены которой в подавляющем большинстве приняли на себя гораздо бо́льшие обязательства, нежели осторожные обещания премьер-министра. Вскоре после их первого появления в Вестминстерском дворце я спросил одного

---

[1]) Все расходы на войну были оценены в сумме 24.000 миллионов фунтов, как minimum. Проценты с этой суммы дают ежегодно 1.200 миллионов фунтов (не считая погашения). Можно ли поверить, чтобы какой-либо комитет экспертов признал, что Германия способна уплатить такую сумму?

[2]) К сожалению, либералы не сумели пойти ко дну со славой и с развернутыми знаменами. По каким-то причинам их лидеры в главных вопросах хранили полное молчание. А между тем, если бы их поражение произошло среди протестов против обмана, клеветы и бесчестных приемов того времени, насколько выше во мнении страны стояли бы они теперь!

своего друга, консерватора, знавшего многие прежние палаты, что он думает о новых депутатах. «Это компания людей с запрубелыми лицами,—ответил он,—которые все имеют такой вид, что им удалось справиться с войной».

Таково было настроение общества, когда премьер-министр выехал в Париж среди затруднений, которые он сам себе создал. Он принял обязательство за себя и за правительство предъявить беспомощному врагу требования, несовместимые с обещанными гарантиями, в надежде на которые он сложил оружие. В истории найдется немного эпизодов, которые так мало заслуживали бы снисхождения потомства, как то, что произошло теперь: мы начали войну как будто бы в защиту священных международных обязательств, а кончилась она тем, что победоносные борцы за этот идеал нарушили одно из самых священных обязательств такого рода [1]).

Все происшедшее можно рассматривать с разных сторон; я указываю лишь на то, что кампания с целью обеспечить уплату всех военных издержек представляет один из самых серьезных актов политического безрассудства, который наши государственные люди когда-либо брали на свою ответственность. Европа имела бы теперь перед собою совсем иную картину будущего, если бы Ллойд-Джордж и Вильсон поняли, что самые важные проблемы, привлекавшие их внимание, заключались не в политических и территориальных спорах, но в финансовых и экономических вопросах, и что опасности для будущего таились не в границах и суверенитетах, но в продовольствии, угле и транспорте. Ни в одной стадии мирных переговоров никто из них не отдал должного внимания этим проблемам. Во всяком случае та атмосфера, которая была необходима для мудрого и основательного их рассмотрения, была наполнена беспросветным туманом, благодаря обязательствам английской делегации в вопросе о вознаграждении. Надежды, вызванные в обществе самим премьер-министром, не только принудили его отстаивать несправедливую и невыполнимую основу для договора с Германией, но также вызвали против него оппозицию президента и конкурирующих интересов Франции и Бельгии. Чем более выяснялось, что Германия может заплатить лишь очень мало, тем становилось важнее проявить патриотическую алчность и «священный эгоизм», чтобы выхватить кость у своих друзей, вопреки более справедливым претензиям и более острой нужде Франции и основательным ожиданиям Бельгии. Но алчностью нельзя было решить финансовых проблем, которые вскоре должны были привести в отчаяние Европу. Единственный способ безболезненно уладить *эти проблемы* заключается в проявлении великодушия.

Чтобы преодолеть собственные затруднения, Европа так сильно нуждается в великодушии Америки, что первая должна показать пример. Союзникам не принесет никакой пользы, если еще разгоряченные борьбой, в которой они старались ощипать Германию и друг друга, они обратятся за помощью к Соединенным Штатам, с мольбою снова

---

[1]) Я решился написать эти слова лишь после тяжелых размышлений. Почти полное отсутствие протеста со стороны выдающихся государственных людей Англии вызывает опасение, нет ли в моих суждениях какой-либо ошибки. Однако я думаю, что все факты мне известны и что в моих словах такой ошибки нет. Во всяком случае все относящиеся сюда данные я изложил в главе четвертой и в начале этой главы; пусть же читатель на основании их сам сделает свой вывод.

поставить на ноги страны Европы, не исключая и самое Германию. Если бы в декабре 1918 года выборы велись на платформе не слепой алчности, но мудрого великодушия, насколько лучше было бы теперь финансовое будущее Европы! Я все еще продолжаю думать, что до решающих заседаний конференции или, по крайней мере, в самом начале ее занятий представители Англии совместно с представителями Соединенных Штатов могли бы глубоко проникнуть в сущность экономического и финансового положения в целом, и что англичане могли бы решиться сделать конкретные предложения в нескольких общих направлениях. Эти предложения были бы таковы: 1) вся взаимная задолженность союзников целиком должна считаться несуществующей; 2) сумма платежей Германии определяется в 2.000 миллионов фунтов стерлингов; 3) Англия отказывается от всякого участия в дележе этой суммы, при чем те доли этой суммы, на которые она получит право, должны быть отданы в распоряжение конференции, чтобы помочь финансам новых государств, которые имеется в виду создать; 4) чтобы немедленно создать какую-либо основу для кредита, которая имела бы действительное значение, известная часть германских долговых обязательств, представляющая сумму, подлежащую уплате, обеспечивается общей гарантией всех участников договора; 5) кроме того, бывшие враждебные державы, в целях своего экономического восстановления, получают разрешение выпустить умеренное количество векселей, обеспеченных подобной же гарантией. Эти предложения содержат воззвание к великодушию Соединенных Штатов. Такой выход был неизбежен; ввиду сравнительно небольших финансовых жертв этой страны, мы с чистой совестью могли обратиться к ней; такие предложения были бы вполне выполнимы. В них нет никакого донкихотства и никакой утопии. Напротив, они открыли бы перед Европой перспективы финансовой устойчивости и возрождения.

Дальнейшее развитие этих идей мы, впрочем, откладываем до седьмой главы, а теперь возвратимся в Париж. Я уже упомянул о тех затруднениях, которые привез с собой Ллойд-Джордж. Положение других министров финансов союзных стран, однако, было еще хуже. В Англии мы не строили наши финансовые дела на ожидании вознаграждения. Поступления из этого источника должны были бы показаться чем-то вроде неожиданного наследства; но в общем в это время все думали, что бюджет должен быть сведен при помощи нормальных способов. Иначе обстояло дело с Италией и Францией. Мирный бюджет этих стран не обнаруживает даже попытки уравновесить доходы и расходы, и на это нет надежды, если не будет пересмотрена в корне вся их политика. Поистине их положение остается почти безнадежным еще и теперь, и обе страны стоят накануне национального банкротства. Эта опасность могла быть скрыта только питанием надежд на крупные денежные поступления от неприятеля. Коль скоро пришлось бы допустить, что невозможно заставить Германию в самом деле уплатить издержки войны, что перегрузка своих обязательств на плечи неприятеля невыполнима, познания министра финансов во Франции и в Италии тотчас становилась невозможной.

Это и привело к тому, что научное исследование платежеспособности Германии, с самого начала было исключено. Затруднительное положение политических руководителей заставило их возбудить в публике неумеренные ожидания, столь мало отвечающие

действительности, что было недостаточно легкого изменения цифр для приближения к ним фактов, но приходилось игнорировать эти факты целиком. В результате получилась ложная основа всего расчета. На этой лжи оказалось невозможным построить какую-либо финансовую политику, способную быть осуществленной в жизни. Вот почему в финансовом вопросе было чрезвычайно важно стать на путь великодушия. Состояние финансов Италии и Франции было настолько тяжело, что нечего было и думать принудить их внять голосу рассудка в вопросе о германской контрибуции, если при этом никто не мог указать им иного способа выйти из своих собственных затруднений [1]). По моему суждению, представители Америки сделали большую ошибку, не принеся с собой никакого положительного предложения помочь страданиям и заблуждениям Европы.

Мне кажется нелишним остановиться мимоходом еще на одном моменте создавшегося положения, а именно, на противоречии, в которое стали друг к другу «сокрушительная» политика Клемансо и финансовые затруднения Ллоца. Клемансо стремился ослабить и расстроить Германию всеми возможными способами; мне кажется, что к требованию вознаграждения он всегда относился с некоторым пренебрежением. Правда, он был далек от мысли дать Германии возможность развить широкую коммерческую деятельность; но он вовсе не был склонен ломать голову над проблемой вознаграждения или над ошеломляющими финансовыми затруднениями бедняги Ллоца. Пусть финансисты забавляются, включая в договор какие угодно огромные требования; но пусть их удовлетворение не мешает осуществлению важнейших предписаний Карфагенского мира. Так получилась комбинация, соединяющая «реальную» политику Клемансо, имеющую в виду цели, не осуществимые в жизни, с политикой Ллоца, основанной на весьма ощутительных расходах государства, и в итоге этой комбинации в договор вошел целый ряд несовместимых постановлений, помимо тех неисполнимых условий, которые содержит отдел о возмещении убытков.

Я не могу входить в подробности бесконечных препирательств и интриг в среде самих союзников, которые через несколько месяцев закончились предъявлением Германии статей о возмещении убытков (Reparation Chapter) в их окончательном виде. История знает немного примеров столь беспорядочных, столь жалких и неудовлетворительных для всех сторон дипломатических переговоров. Я сомневаюсь, чтобы хотя один из видных их участников мог без стыда вспомнить эти споры. Мне придется ограничиться анализом главнейших элементов того конечного компромисса, который известен всему миру.

Само собою разумеется, главным пунктом, требовавшим соглашения, был вопрос о тех статьях счета, оплаты которых можно было потребовать от Германии без всякого стеснения. Принятое на выборах обязательство Ллойд-Джорджа, выставляющее *право* союзников на полную оплату Германией их военных издержек, с самого начала оказалось невыполнимым; или, говоря более беспристрастно, стало ясно, что

---

[1]) Эта сторона дела ясно выступала в разговорах с некоторыми французами, которые в качестве частных лиц стояли в стороне от политики. Их было нетрудно убедить, что распространенные оценки сумм, какие можно было бы получить с Германии, совершенно фантастичны. И все же, в конце концов, они возвращались к исходному пункту своих рассуждений: „Но Германия *должна* заплатить; ведь иначе, что же будет с Францией?“

Вильсон никогда не признает соответствия этих требований с теми обязательствами, которые были приняты союзниками перед перемирием. Приводимые ниже параграфы договора дают понятие о том, что представляет компромисс, достигнутый, в конце концов, и объявленный для сведения всего мира.

Статья 231 гласит: «Правительства Согласия утверждают, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за все потери и убытки, причиненные правительствам Согласия и их подданным в результате войны, навязанной им благодаря нападению Германии и ее союзников». Эта статья составлена тонко и обдуманно; в самом деле, президент может видеть в ней выражение согласия со стороны Германии принять на себя *моральную* ответственность за объявление войны, тогда как премьер-министр может объяснять ее как принятие на себя *финансовых* обязательств за общие расходы на войну. Статья 232 продолжает: «Правительства Согласия признают, что ввиду длительного сокращения рессурсов Германии в результате иных постановлений настоящего договора этих рессурсов недостаточно для полного возмещения всех вышеуказанных потерь и убытков». По поводу этой статьи президент может успокаивать себя, что она представляет не более, как констатирование несомненного факта, и что признание *неспособности* Германии платить по известным требованиям вовсе не предполагает ее *обязательства* платить по ним; напротив, премьер-министр может указать, что в общей связи текста еще определеннее выступает предположение теоретического обязательства Германии, высказанного уже в предшествующей статье. Та же 232 статья продолжает: «Как бы то ни было, правительства Согласия требуют, а Германия обязуется, что *она даст компенсацию за весь ущерб, причиненный гражданскому населению держав Согласия и их имуществу* за все время, в течение которого каждая из них вела войну в союзе с другими, *вследствие нападений на суше, на море и в воздухе*, и вообще за весь ущерб, определенный в прибавлении I настоящего договора»[1]). Напечатанные курсивом слова, взятые из условий, предшествовавших перемирию, должны удовлетворить щепетильность президента, между тем как дополнение слов «и вообще за весь ущерб, определенный в прибавлении I к настоящему договору», открывало для премьер-министра новые возможности в этом прибавлении.

Как бы то ни было, до сих пор мы имеем дело со словоизъявлениями, с фокусами редактирования, которые не затрагивают никого и которые, вероятно, казались важными в то время, но мало кого будут интересовать в будущем вплоть до второго пришествия. Суть же дела заключается в Прибавлении I, к которому мы теперь и обратимся.

Значительная часть Прибавления 1 строго согласуется с условиями, установленными до перемирия, или во всяком случае не вносит в них изменений, которые ничем нельзя было бы оправдать. Параграф 1 требует вознаграждения за вред, причиненный гражданским лицам или, в случае их смерти, их близким и родным, рассматривая этот вред как прямое следствие военных действий; параграф 2 требует вознаграждения за акты насилия, жестокости или дурное обращение со стороны врага по отношению к гражданским лицам; параграф 3—за ущерб для

---

[1]) Следующий параграф требует возмещения Бельгии ее военных издержек «в согласии с уже принятым на себя Германией обязательством полного восстановления Бельгии».

здоровья и работоспособности или за оскорбление чести частных лиц в занятых территориях; параграф 8—за принудительные работы, выполненные частными лицами; параграф 9—за убытки, причиненные имуществу, в результате непосредственных военных действий «за исключением морских и военных сооружений и материалов»; наконец, параграф 10 требует вознаграждения за поборы и штрафы, наложенные неприятелем на гражданское население. Все эти требования справедливы и находятся в соответствии с правами союзников.

Параграф 4, который содержит претензии за «убытки, причиненные всякого рода дурным обращением с военнопленными», с точки зрения буквального смысла возбуждает уже более сомнений; его все же можно оправдать постановлениями Гаагской конференции, тем более, что он повлечет за собой весьма небольшой расход.

Что же касается параграфов 5, 6 и 7, то они влекут за собою последствия огромного значения. Эти параграфы требуют возмещения всей стоимости всякого рода пособий, выданных во время войны союзными правительствами семьям мобилизованных, а также всех пенсий и вознаграждений за раны или смерть военных, которые платят теперь и будут платить впредь эти правительства. Как мы увидим ниже, это требование прибавляет к счету огромную сумму, почти вдвое превышающую все прочие статьи, сложенные вместе.

Читатель без труда поймет, как легко доказать справедливость включения этих статей в счет убытков, хотя бы только основываясь на требованиях чувства. Прежде всего можно указать, что с точки зрения общей справедливости было бы чудовищно, если бы женщина, дом которой разрушен, получила право требовать вознаграждения от врага, а женщина, лишившаяся мужа, убитого в бою, не получила бы такого права; было бы чудовищно, если бы крестьянин, лишенный своей фермы, мог требовать уплаты убытков, а женщина, потерявшая заработок искалеченного мужа, осталась бы ни с чем. На деле справедливое включения пенсий и пособий в счет убытков вытекает в значительной степени из *произвольного* характера тех критериев, на основе которых составлены условия, заключенные до перемирия. Из всех видов потерь, причиненных войною, некоторые более тяжело ложатся на отдельных лиц, а некоторые более равномерно распределяются на все общество в целом; однако, благодаря компенсациям, доставляемым правительствами, многие из числа первых фактически уподобляются вторым. Самый логический критерий, определяющий размер претензий, не достигающий полной суммы военных издержек, должен был бы принимать в соображение те неприятельские действия, которые противоречат международным обязательствам или признанным приемам войны. Однако применить такой критерий было бы очень трудно, и, кроме того, он представлял бы нечем не вызванную несправедливость по отношению к Франции сравнительно с Бельгией, (нейтралитет которой был гарантирован Германией) и с Англией (которая всех больше пострадала от незаконных действий подводных лодок).

Во всяком случае приведенные выше обращения к чувству и честности лишены значения; ведь для получателя военного пособия или пенсии не составляет разницы, по какой статье получает компенсацию государство, платящее ему эти деньги; получение государством денег из поступлений вознаграждения от неприятеля является таким же облегчением для плательщика податей, каким была бы контрибуция, покрывающая общие издержки войны. Впрочем, всего важнее то, что ока-

заюсь уже слишком поздно разбирать, были ли предшествующие перемирию условия вполне справедливы и логичны, поздно было также стараться улучшить их; вопрос шел только о том, не должны ли эти условия ограничиваться теми видами прямого ущерба частным лицам и их имуществу, которые были упомянуты в параграфах 1, 2, 3, 8, 9 и 10 Прибавления I. Если слова имеют какой-либо смысл, а обязательства какую-либо силу, то мы имели не больше права требовать возмещения нам выплаченных пенсий и пособий, чем покрытия еще каких-либо расходов из общей стоимости войны. А кто решится доказывать во всех деталях, что мы имели также и это право?

В действительности дело кончилось компромиссом между обязательством требовать полной уплаты издержек войны, принятых премьер-министром перед своими избирателями, и той противоположной гарантией, которую союзники дали Германии при заключении перемирия. Премьер-министр мог бы заявить, что, хотя он и не поручился за взыскание всех военных издержек, он тем не менее гарантировал значительную сумму для покрытия их; он мог бы также сказать, что свои обещания он всегда сообразовал с ограниченной платежеспособностью Германии, и что представляемый им ныне счет, по мнению самых трезвых экспертов, должен более чем исчерпать эту платежеспособность. С другой стороны, президент обеспечил принятие формулы, которая не представляла слишком очевидного нарушения данного слова и устраняла опасность ссоры с его союзниками по вопросу, в котором гуманность и страсть оказались бы против него в том случае, если бы этот вопрос стал темой открытого публичного обсуждения. Ввиду предвыборных обязательств премьер-министра, президент едва ли мог надеяться склонить его к отказу от всех его требований, не вступая с ним публично в спор, а требование оплаты пенсий нашло бы громкий сочувствующий отклик во всех странах. Итак, премьер-министр опять показал себя политическим тактиком первого разряда.

Между строк договора легко открыть еще один пункт огромной трудности. Договор не определяет окончательной суммы, которая представляла бы обязательства Германии. Это обстоятельство возбуждало сильную критику со всех сторон: в самом деле было одинаково неудобно и для Германии и для самих союзников быть в неведении, сколько она должна была платить, и сколько они имели получить. Предусмотренный договором способ для достижения окончательного результата посредством накопления сотен тысяч отдельных жалоб на повреждения и потери земли, хозяйственных построек и прочего, вплоть до цыплят, заявляемых в течение многих месяцев, этот способ явно непрактичен; для обеих сторон всего удобнее было бы столковаться насчет круглой суммы, оставив в стороне детали. Если бы эта сумма была определена в договоре, то соглашение было бы перенесено на более деловую почву.

Однако этому мешали две причины. Два ложных положения были в широкой мере распространены в общественном мнении: одно выражало способность Германии платить, другое определяло сумму справедливых требований союзников в отношении опустошенных областей. Фиксирование каждой относящейся сюда цифры представляло дилемму. Цифра, показывающая будущую способность Германии платить, если она не слишком превышала вычисления самых правдивых и осведомленных экспертов, должна была бы оказаться безнадежно меньше всеобщих ожиданий как в Англии, так и во Франции. С другой же стороны, если цифра, определяющая убытки, не должна была обмануть надежды

Франции и Бельгии, она могла выйти недоказуемой, особенно ввиду соревнования [1]) союзников, и дать повод для уничтожающей критики со стороны германцев, которые были достаточно благоразумны, чтобы собрать значительное число свидетельских показаний касательно действительных размеров их насилий.

Поэтому для дипломатов всего выгоднее было вовсе не упоминать цифр; из этой необходимости и происходит большое количество осложнений в Главе о возмещении убытков (Reparation Chapter).

Как бы то ни было, читателю, вероятно, небезынтересно знать мое собственное определение цифры претензий, какая может быть реализована согласно Прибавлению I к Главе о возмещении убытков. В первом отделе настоящей главы моей книги я уже высказал догадку, что все претензии, не считая пенсий и военных пособий (беря высшую цифру моей оценки), можно определить в 3.000.000.000 фунтов стерлингов. Возмещение за пенсии и пособия, указанное в Прибавлении I, не должно исходить из *действительной* стоимости их заинтересованным правительствам, но представлять сметную цифру, вычисленную на основании расценок, принятых во Франции в момент вступления договора в силу. Этот метод дает возможность оценить стоимость жизни в Америке или Англии не дороже, чем во Франции или Италии. Французский оклад пенсий и пособий является средним, он не столь высок, как американский или английский, но в то же время превышает итальянский, бельгийский и сербский. В качестве данных для этой сметы нужно взять принятые в настоящее время во Франции оклады и общее количество людей, мобилизованных и убитых в каждом разряде различных союзных армий. Из этих цифр ни одна не окажется точной в деталях, однако средний размер пособий, число мобилизованных и убитых известны достаточно, чтобы дать в результате цифру не *слишком удаленную* от истинной. Мой гадательный расчет суммы, которую потребует возмещение пенсий и пособий, выражается в следующих цифрах:

	Милл. фунтов.
Британская империя	1.400
Франция	2.400 [2])
Италия	500
Прочие союзники (включая Соедин. Штаты)	700
Итого	5.000

Я питаю гораздо больше доверия к приблизительной точности общего итога [3]), нежели к его распределению между различными участниками. Читатель видит, что оплата пенсий и пособий чрезвычайно увеличивает общую сумму претензий союзников, превосходя ее почти вдвое. Прибавляя эту цифру к итогу, полученному нами выше по всем прочим статьям, мы получим общую сумму счета, предъявляемого Гер-

---

[1]) Против соревнования других союзников, равно как самого врага, должно было принять меры; ибо, ввиду ограниченных рессурсов последнего, для прочих союзников было еще важнее, чем для Германии, смотреть за тем, чтобы никто из них не предъявлял чрезмерных жалоб.

[2]) Клоц определил французские требования этой категории в 3.000 миллионов фунтов (75 миллиардов франков, из которых 13 миллиардов приходится на пособия, 60 — на пенсии и 2 — на вдов). Если эта цифра верна, то прочие тоже должны быть повышены.

[3]) Я считаю, что его точность может быть выражена 25%.

мании, равную 8.000.000.000 фунтов стерлингов [1]). Я думаю, что эта цифра достаточно высока и что действительный итог должен быть несколько меньше [2]). В следующем отделе настоящей главы мы рассмотрим отношение этой цифры к платежеспособности Германии. Теперь же необходимо только указать читателю на некоторые другие особенности договора, которые сами говорят за себя.

1. Из всей суммы счета, каков бы в будущем ни оказался его итог, 1 миллиард фунтов должен быть уплачен до 1 мая 1921 года. Мы впоследствии обсудим вопрос, насколько возможна эта уплата. Впрочем в самом договоре предусмотрены некоторые сбавки. Прежде всего в эту сумму включаются издержки на содержание оккупационных армий с момента перемирия (тяжкая повинность, выражающаяся в сумме 200.000.000, которая согласно другой статье договора (249) возлагается на Германию) [3]). Однако вслед затем допускается, что «те пищевые продукты и сырые материалы, которые главные державы Согласия признают необходимым доставить Германии, чтобы помочь ей выполнить ее обязательства по возмещению убытков, также могут быть, с согласия упомянутых держав, оплачены частью вышеуказанной суммы [4]). Эта оговорка имеет огромное значение. Статья составлена так, что она позволяет каждому министру финансов союзных стран внушить своим избирателям надежду на крупные поступления от Германии в самом близком будущем, и в то же время Комиссия по возмещению убытков получает право, которым под давлением обстоятельств она и воспользуется, вернуть Германии столько, сколько необходимо для ее экономи-

---

[1]) В речи 5 сентября 1919 г., обращенной к Палате депутатов, Клоц оценил общую сумму претензий союзников к Германии на основании договора в 15 миллиардов фун.; эта сумма должна увеличиваться процентами до 1921 года, а затем выплачиваться 34-мя годовыми взносами, размером около 1 миллиарда каждый, при чем Франция ежегодно будет получать около 550.000.000 фунтов. «Общее впечатление, произведенное этим сообщением (о сумме, приходящейся на долю Франции), говорится в газетах, было признано весьма ободряющим для всей страны и немедленно отразилось повышением на бирже и в деловых кругах Франции». Если подобные заявления принимаются без возражений, то приходится сказать, что финансовое и экономическое будущее Франции должно возбуждать тревогу и катастрофа всеобщего отрезвления неминуема.

[2]) Так как суждение в этом деле субъективно, то я приписываю этой цифре точность до 10%, если она будет признана преуменьшенной, и до 20%, если она будет признана преувеличенной; таким образом среднюю цифру надо искать между 6.400 и 8.800 миллионами фунтов.

[3]) Кроме того, в дополнение к обязательствам Германии по возмещению убытков договор принуждает ее оплачивать содержание оккупационных армий *после* подписания мира в течение 15 следующих лет оккупации. По смыслу текста договора численность этих армий не ограничена; таким образом, разместив весь свой нормальный контингент в оккупированных областях, Франция может переложить все бремя соответствующих налогов на Германию; однако на деле такая политика принесет ущерб не Германии, а союзникам Франции: ведь предполагается, что уже возмещение убытков должно исчерпать ее общую платежеспособность и остальные союзники в качестве этого возмещения получат настолько меньше, сколько будет стоить содержание французской армии. Как бы то ни было, в выпущенной по этому вопросу Белой Книге (ст. 240) заявлено, что Соединенные Штаты, Англия и Франция обязуются ограничить ежегодный платеж Германии на издержки оккупации суммою в 12.000.000 фун. «коль скоро *заинтересованные* державы Согласия убедятся, что условия разоружения Германии в достаточной мере выполнены». Слово, напечатанное курсивом, имеет известное значение. Три державы сохраняют за собою право изменить это постановление в любое время, когда признают это нужным.

[4]) Статья 235. Значение этой статьи несколько усилено статьей 251, согласно которой разрешения даются не только на оплату продовольствия и сырья, но и на «другие оплаты».

ческого существования. Эта дискреционная власть Комиссии смягчает требование немедленной уплаты 1 миллиарда фунтов, но все же она не делает его вполне безвредным. Во-первых, мои заключения, приведенные в следующем отделе этой главы, доказывают, что такую сумму нельзя найти в установленный договором срок даже в том случае, если на практике значительная часть ее будет возвращена Германии, чтобы дать ей возможность оплатить ввоз товаров. Во-вторых, Комиссия сможет пользоваться своей дискреционной властью на деле лишь при условии принятия на себя заведывания всей внешней торговлей Германии вместе с вытекающим из нее внешним денежным курсом, но дело в том, что такая компетенция этой Комиссии не по плечу. Если она серьезно попытается собрать искомую сумму в 1 миллиард фунтов и допустить возврат ее части Германии, то торговля Центральной Европы окажется скованной бюрократической регламентацией в форме, совершенно не достигающей цели.

2. Сверх первого платежа монетой или натурой суммы в 1 миллиард фунтов Германия обязана представить обязательств на предъявителя на новую сумму в 2 миллиарда фунтов; но в случае, если платежи внесенные до 1 мая 1921 года монетой или натурой в зачет возмещения убытков, окажутся менее 1 миллиарда фунтов, то этих обязательств должно быть представлено на такую сумму, которая в общем итоге должна довести все платежи Германии в срок по 1 мая 1921 года монетой, натурой и обязательствами до цифры в 3 миллиарда фунтов [1]). Эти векселя будут приносить 2,5% годовых от 1921 по 1925 год, а позднее этого года 5% годовых plus 1% в погашение долга. Итак, предполагая, что Германия до 1921 года не сможет обеспечить значительной суммы для возмещения убытков, ей придется ежегодно иметь наготове сумму в 75.000.000 фунтов от 1921 по 1925 год, а позднее ежегодно сумму в 180.000.000 фунтов [2]).

3. Коль скоро Комиссия по возмещению убытков убедится, что Германия может заплатить больше, должны быть выпущены новые пятипроцентные векселя на сумму в 2 миллиарда фунтов, при чем процент для погашения капитала Комиссия определит позднее. Таким образом сумма ежегодных платежей повысится до 280.000.000 фунтов; кроме того, в эту сумму не входит погашение капитала только что упомянутых 2 миллиардов фунтов.

4. Обязательства Германии во всяком случае не исчерпываются суммой в 5 миллиардов фунтов; Комиссия по возмещению убытков должна требовать все новых выпусков векселей на предъявителя, пока обязательства Германии не будут доведены до maximum'a, предусмотренного в Прибавлении I. Если этот maximum определить, согласно сделанной мною оценке, в 8 миллиардов фунтов, которая с точки зрения договора должна быть признана скорее преуменьшенной, чем преувеличенной, то остающийся недохват выразится в цифре 3 миллиарда фунтов. Считая по 5 процентов, мы получим сумму ежегодных платежей в 430.000.000 фунтов без погашения капитала.

---

[1]) Это предписание есть следствие § 12 (c) Прибавления II к Главе о возмещении убытков, оставляющего для одной стороны меньше затруднений. Договор определяет платежи в *золотых марках*, которые в тексте переведены мною на фунты по курсу 20 марок за 1 фунт.

[2]) Если *вопреки всякой возможности* Германия до 1921 г. уплатит 500.000.000 фунтов монетой или деньгами, ее ежегодные платежи будут равны 62.000.000 фунтов от 1921 по 1925 г. и 150.000.000 фунтов позднее.

5. Но это еще не все. В договоре имеется еще одно постановление, последствия которого должны быть признаны катастрофическими для Германии. Германия не имеет права выпустить векселей более, чем на сумму в 3 миллиарда фунтов раньше, чем Комиссия удостоверится, что она сможет платить проценты по ним. Но это вовсе не значит, что в промежутке времени, пока Комиссия придет к такому убеждению, проценты вообще прощаются Германии. С 1 мая 1921 года проценты начисляются на ту часть долга Германии, которая еще не выплачена монетой, натурой или выпуском векселей, как сказано выше [1]), и «размер прироста должен равняться 5%, если только Комиссия не признает в будущем, что обстоятельства позволяют изменить этот размер». Это значит, что основная сумма долга все время будет расти по сложным процентам. Так как мы считаем, что вначале Германия не будет в состоянии платить значительных сумм, то результат этого постановления в смысле увеличения лежащего на ней бремени колоссален. Прирост по сложным процентам из 5 годовых в пятнадцать лет удваивает капитал. Предполагая, что Германия до 1936 года не сможет ежегодно уплачивать более 150 миллионов фунтов (т.-е. 5% с 3 миллиардов), остальная сумма долга, равная 5 миллиардам, проценты с которой будут отсрочены, возрастет до 10 миллиардов, а ежегодные проценты до 500 миллионов. Итак, даже если Германия ежегодно, вплоть до 1936 года, будет платить 150.000.000, то к этому году ее долг выразится в сумме, более чем в полтора раза большей, нежели та, которую она должна нам теперь (13 миллиардов фунтов против 8 миллиардов). Начиная с 1963 года, ей придется платить 650.000.000 фунтов ежегодно, чтобы покрывать одни только проценты. Если за какой-нибудь год она заплатит меньше, то в конце его она будет должна больше, чем сколько должна была в начале.

Для того же, чтобы выплатить капитальную сумму долга в тридцатилетний срок, начиная от 1936 года, т.-е. в течение 48 лет со дня перемирия, она должна платить еще 130.000.000 ежегодно, что в общем итоге доведет ее платежи до 780.000.000 фунтов в год [2]).

По причинам, которые я сейчас постараюсь выяснить, ясно, как божий день, что Германия не может заплатить сумму, хотя бы приближающуюся к этой цифре. Поэтому до тех пор, пока договор не будет изменен, Германия оказывается обязанной выдавать союзникам весь избыток своего производства в будущем, без всякого ограничения срока.

6. Это положение нисколько не улучшается от того, что Комиссии по возмещению убытков предоставляется дискреционная власть изменять размер процентов, отсрочивать и даже слагать капитальную часть долга. Во-первых, частью этих полномочий Комиссия может воспользоваться только при *единогласном* решении ее членов [3]). Во-вторых, что

---

[1]) § 16 Прибавления II к Главе о возмещении убытков. Кроме того, имеется еще одно неясное постановление, согласно которому проценты могут быть начислены «на те суммы, которые выражают *материальные* убытки, считая эти проценты с 11 ноября 1918 г. по 1 мая 1921 г.» Это, повидимому, проводит различие между убытками материальными и личными к выгоде первых. Постановление это не касается пенсий и военных пособий, стоимость которых капитализируется в той сумме, в какой они выражались к моменту вступления в силу настоящего договора.

[2]) В предположении, которое, впрочем, никто не станет защищать и которое даже самые ярые оптимисты признают недоказуемым, что Германия сможет платить проценты в полном объеме вместе с погашением капитала, *начиная с сегодняшнего дня*, ежегодный платеж выразится в сумме 480.000.000 фунтов.

[3]) В силу § 13 Прибавления II единогласие требуется: 1) для всякой отсрочки далее 1930 года взносов, падающих на время между 1921 и 1926 годами, и 2) для вся-

еще важнее, Комиссия вменяется в *обязанность*, пока не произошло такое единогласное и важное изменение политики, предусмотренной договором, извлекать из Германии год за годом максимальную сумму, какую она способна дать. Далеко не одно и то же, устанавливаем ли мы определенную сумму, которая при всей своей значительности все же явится для Германии посильной и даже позволит ей удержать небольшой остаток для себя, или фиксируем сумму, превышающую ее платежеспособность, при чем возможное сокращение этой суммы предоставляем усмотрению иностранной Комиссии, которая, однако, стремится каждый год получать maximum, допускаемый обстоятельствами. В первом случае еще можно думать, что предприимчивость, энергия и надежда не окончательно покинут ее. Второй же случай есть ни более, ни менее, как сдирание кожи с живого, постепенно, год за годом, и так до бесконечности; пусть эту операцию выполняют ловко и осторожно, пусть стараются сохранить больному жизнь, общий голос человечества скоро назовет такую политику одним из самых гнусных и жестоких деяний победителя, какие когда-либо случались в истории цивилизованных народов.

Договор присваивает Комиссии по возмещению убытков еще другие функции и полномочия крупного значения. Но о них я считаю более удобным говорить в особом отделе настоящей главы.

3. Платежеспособность Германии.

Суммы, которые Германия обязалась выплатить союзникам, она может представить в трех формах:

1. Имущество, которое может быть передано непосредственно, в виде золота, кораблей и иностранных ценностей.

2. Стоимость собственности, находящейся в территориях, уступленных союзникам или сданной им в силу условий перемирия.

3. Ежегодные платежи, распределенные на известный срок времени, частью в монете, частью в таких материалах, как уголь, продукты, поташ и красящие вещества.

Отсюда исключаются все предметы, захваченные Германией в оккупированных областях, как, например, русское золото, французские и бельгийские ценности, скот, машины и произведения искусства.

По возможности вся наличность похищенного имущества должна быть приведена в известность, имущество должно быть приведено в исправность и возвращено их законным собственникам. Таким образом оно не может быть причислено к капиталу, предназначенному для возмещения убытков, как это и оговорено специально в 238 статье договора.

А. Имущество, подлежащее непосредственной передаче.

а) *Золото.*—За вычетом золота, подлежащего возврату России, вся золотая наличность Германии, по данным отчета Рейхсбанка от 30 ноября 1918 года, выражалась в сумме в 115.417.900 фунтов. Эта сумма далеко превосходит те цифры, которые фигурировали в отчетах Рейхсбанка до войны [1]); увеличение золотого запаса есть прямое следствие

кой отсрочки более, чем на три года взносов, следуемых после 1926 года. Далее согласно ст. 231 Комиссия не может сложить с Германии какую-либо часть долга без специального разрешения *всех* правительств, в ней представленных.

[1]) 23 июля 1914 года золотой запас выражался суммой в 67.800.000 фунтов.

энергичной кампании, которая во время военных действий велась среди германского народа в пользу сдачи Рейхсбанку не только золотых монет, но и золотых украшений всякого рода, находившихся в частных руках. Нет сомнения, что частные сокровища еще существуют в Германии, однако, ввиду того, что все, что можно было выжать в этом отношении, уже получено германским правительством, ни ему, ни союзникам не удастся найти еще что-нибудь. Поэтому упомянутый отчет Рейхсбанка, по всей вероятности, действительно представляет тот максимум, который может дать Германия. Кроме золота банк располагал еще запасом серебра на сумму в 1.000.000 фунтов стерлингов. Однако значительная сумма серебра должна сверх того находиться в обращении, так как наличность его в Рейхсбанке 31 декабря 1917 года доходила до суммы в 9.100.000 фунтов и все время оставалась в сумме около 6.000.000 фунтов вплоть до конца октября 1918 года, когда публика начала спешно вынимать из банка всякого рода ценности [1]). Поэтому общую сумму золота и серебра, находившуюся в распоряжении германского правительства к моменту перемирия, мы должны считать в 125.000.000 фунтов стерлингов.

Как бы то ни было, эти запасы не остались нетронутыми. Во время долгого периода, протекшего между перемирием и заключением мира, союзники были поставлены в необходимость снабжать Германию извне. Политическое положение Германии в течение этого срока и серьезная угроза движения спартаковцев вызвали этот шаг в интересах самих же союзников, так как иначе существование устойчивого правительства, с которым можно было бы иметь дело, ставилось под сомнение. Вопрос о способе оплаты относившихся сюда поставок представлял, однако, огромные трудности. В целом ряде конференций, собиравшихся в Трире, Спа, Брюсселе, Шато-Виллет и Версале обе стороны старались разрешить вопрос о том, каким бы образом дать Германии возможность произвести эти оплаты и в то же время сохранить способность выполнить ее обязательства по возмещению убытков. Представители Германии с самого начала настаивали на том, что полное истощение их страны указывает единственный возможный выход, а именно краткосрочную ссуду ей со стороны союзников. Однако союзники не могли согласиться на такой выход в то время, когда они сами готовились предъявить к Германии требование на огромные суммы. Но и помимо этого предложение Германии не могло быть признано правильным, пока ее золото оставалось нетронутым, а имевшиеся у нее иностранные ценности не выброшенными на рынок. Во всяком случае не может быть и речи о том, чтобы весною 1919 года общественное мнение союзных стран или Америки могло бы допустить ссуду значительной суммы своему недавнему врагу. Напротив, само собою разумеется, что союзники должны были стараться выкачать из Германии побольше золота в уплату за снабжение ее продуктами; а между тем это золото являлось почти единственным верным ее рессурсом для возмещения убытков. Много времени было таким образом потрачено на рассмотрение всех возможных способов; и все же, в конце концов, пришлось убедиться в том, что если даже германские

---

[1]) Вследствие значительного лажа на германские серебряные монеты, в результате обесценения марки и повышения ценности серебра, представляется совершенно невозможным извлечь эти монеты из карманов частных лиц. Однако серебро через спекулянтов может постепенно проникнуть через границу и таким образом хотя и косвенным путем улучшить положение германского денежного курса.

экспортные товары и иностранные ценности имели известную цену, их ликвидация в необходимый короткий срок была невыполнима; кроме того, германские финансы были так истощены, что кроме золота нельзя было найти заслуживающих внимания сумм. Согласно этому из своего золотого запаса Германия выдала свыше 50.000.000 фунтов стерлингов союзникам в течение первой половины 1919 г. в уплату за пищевые продукты (при чем бо́льшую часть получили Соединенные Штаты, значительные суммы—также Англия).

Этим, однако, дело не ограничилось. Хотя Германия при первом продлении срока перемирия и согласилась не вывозить золота без разрешения союзников, однако нельзя же было вечно отказывать в таком разрешении. На Рейхсбанке лежали обязательства по отношению к нейтральным странам, уплатить по которым можно было только в золотой валюте. Отказ Рейхсбанка от такой уплаты мог повлечь за собою падение денежного курса и так подорвать кредит Германии, что самая возможность возмещения ею убытков стала бы под вопрос. Вот почему в известных случаях Рейхсбанк получал от Верховного Экономического Совета союзников разрешение на вывоз золота.

В конечном результате золотой запас германского рейхсбанка к сентября 1919 года сократился на половину, т.-е. 115.000.000 фунтов до 55.000.000 фунтов стерлингов.

Договор предусматривает *возможность* всю эту сумму употребить на возмещение убытков. Однако она покрывает лишь 4% всех выпущенных Рейхсбанком кредитных билетов, огромное количество которых находится к тому же вне Германии. Таким образом, если бы все остающееся еще золото было конфисковано союзниками, психологический эффект этой меры повлек бы за собою полную катастрофу курса германской марки. Для специальных целей возможно было бы взять только пять, десять или даже двадцать миллионов фунтов. Мы имеем полное основание предполагать, что Комиссия по возмещению убытков должна внимательно относиться ко всему, что может оказать влияние на перспективы ее будущих получений; поэтому она не может допустить полное расстройство германского денежного обращения тем более, что правительства Франции и Бельгии, имея на руках огромное количество бумажных марок, полученных в наследство вместе с возвращенными им областями, весьма заинтересованы в том, чтобы сохранить за маркой известную меновую ценность. Все это должна учитывать Комиссия не говоря уже об интересах прямого возмещения убытков со стороны Германии.

Итак, в конечном выводе оказывается, что для первого платежа Германии к 1921 году на сумму в 1 миллиард нечего надеяться собрать хоть некоторое количество золота или серебра.

в) *Корабли.* — Как мы знаем, Германия обязалась сдать союзникам весь свой коммерческий флот. На деле значительная его часть уже попала в руки союзников до подписания мира либо вследствие конфискации его в союзнических портах, либо вследствие предварительной передачи им судов за доставку пищевых продуктов согласно Брюссельскому соглашению [1]). Оценивая весь тоннаж, подлежащий сдаче союзни-

[1]) Доставку Германии пищевых продуктов во время перемирия союзники обусловили предварительной выдачей большей части ее торгового флота, чтобы воспользоваться им для перевозки этих продуктов как в Европу вообще, так, в частности, и в Германию. Упорные отказы Германии дать свое согласие вызвали долгое и опасное

кам в 4.000.000 тонн, а среднюю стоимость тонны в 30 фунтов, мы получим общую стоимость флота в 120.000.000 фунтов [1]).

c) *Иностранные ценности.*—Исчисление иностранных ценностей Германское правительство впервые произвело в сентябре 1916 года [2]), но точные результаты его не были опубликованы; до этих пор в Германии ни разу не появлялось официальных отчетов о таковых ценностях, различные же неофициальные оценки по общему признанию основываются на недостаточных данных, как-то: на иностранных ценностях, допущенных на германские биржи, на поступлениях гербового сбора, отчетах консульств и т. д. Главные оценки, распространенные в Германии до войны, приведены мною в примечании [3]). Из него можно видеть, что германские авторитеты чистую стоимость иностранных ценностей определяли до 1.200.000.000 фунтов. Эту цифру я беру в качестве основы моего вычисления, хотя я и считаю ее преувеличенной; 1 миллиард фунтов будет, вероятно, более надежной цифрой.

Из этого общего итога должны быть сделаны вычеты, которые можно разделить на следующие четыре категории.

I. Помещения в союзных странах и в Соединенных Штатах, составляющих в совокупности значительную часть земного шара, были секвестрованы различными учреждениями для хранения собственности неприятельских государств (Public Trusties, Custodians of Enemy Property); эти помещения не могут служить для возмещения убыт-

---

промедление в деле доставки пищи, но безуспешные сначала переговоры на конференциях в Трире и Спа (16 января, 14—16 февраля и 4—5 марта 1919 г.) закончились, однако, Брюссельским соглашением (14 марта 1919 г.). Отказы Германии были вызваны, главным образом, неуверенностью в том, что, сдав корабли, она действительно получит пищу. Однако, если вопреки поведению союзников при заключении перемирия, подававшему Германии основательные поводы для подозрений, мы допустим, что в этом случае их намерения были честны, то требование выдачи кораблей было целесообразно; ведь без этих кораблей перезозка пищевых продуктов встретила бы большие затруднения, а может быть, и вовсе стала бы невозможной: в самом деле, выданные корабли были почти в полном числе применены для подвоза пищи для самой же Германии. Согласно Брюссельскому соглашению 176 кораблей вместимостью в 1.025.388 тонн были выданы союзникам до 30 июня 1919 года.

[1]) Общая совокупность выданного тоннажа должна быть признана, пожалуй, выше приведенной в тексте цифры, средняя же стоимость тонны ниже. Как бы то ни было, вся, стоимость выданного флота не может быть менее 100.000.000 фунтов или более 150.000.000 фунтов.

[2]) Это исчисление было произведено декретом 23 августа 1916 г., 22 марта 1917 г. германское правительство присвоило себе полный контроль над операциями с иностранными ценностями, принадлежащими германским подданным; в мае 1917 года оно начало пользоваться этим правом для мобилизации некоторых шведских, датских и швейцарских ценностей.

[3]) 1892 Шоллер . . . . . 500.000.000 фунтов.
1892 Христианс . . . . . 650.000.000 »
1893—4 Кох . . . . . 600.000.000 »
1905 фон-Галле . . . . . 800.000.000 a »
1913 Гельферих . . . . . 1.000.000.000 в »
1914 Баллод . . . . . 1.250.000.000 фунтов
1914 Писторпус . . . . . 1.250.000.000 »
1919 Ганс Давид . . . . . 1.050.000.000 c »

a. Плюс 500.000.000 фунтов в других помещениях кроме ценностей.

в. Чистые помещения за вычетом иностранных долгов германцев. Возможно, что такой же вычет дают и другие оценки.

c. Эта оценка, данная в Weltwirtschaftszeitung (13 июня 1919 г.) дает сумму иностранных помещений Германии в начале войны.

ков, кроме тех случаев, когда они дают излишек после покрытия различных частных претензий. Согласно плану ликвидации неприятельских долгов, описанному в главе IV, в первую очередь это имущество идет на погашение частных претензий подданных союзников к подданным Германии. Представляется невероятным, чтобы где-либо, кроме Соединенных Штатов, оказался какой-либо значительный излишек, которым можно было бы воспользоваться для других целей.

II. Важнейшей областью иностранного помещения капиталов для Германии были не заокеанские страны, как для нас, но Россия, Австро-Венгрия, Турция, Румыния и Болгария. Значительная часть этих помещений ныне потеряли почти всю свою ценность, во всяком случае для настоящего времени; в особенности помещения в России и Австро-Венгрии. Если принять за основание их нынешнюю рыночную цену, то ни за одну из этих ценностей нельзя выручить больше номинальной стоимости.

Сколько-нибудь значительного фонда для немедленного платежа из помещений в этих странах получить нельзя, разве только союзники согласятся принять их гораздо выше номинальной рыночной стоимости и хранить у себя до поры до времени, пока появится возможность их реализовать.

III. Хотя в течение войны Германия не обладала возможностью реализовать свои иностранные ценности в той же степени, как это было возможно для нас, она все же прибегала к такой реализации в некоторых странах, насколько это допускали обстоятельства. До вступления Соединенных Штатов в войну, Германия, по общему мнению, продала бо́льшую часть лучших американских ценностей, принадлежавших ей, хотя некоторые распространенные оценки этих продаж (например, 60.000.000 фунтов), по всей вероятности, преувеличены. Но в продолжение войны и особенно в последнем ее периоде, когда обмен Германии ослабел, а кредит ее в соседних нейтральных странах сильно понизился, она могла располагать для продажи теми ценностями, какие Голландия и Скандинавия сочли бы выгодным купить или принять как равноценные.

Можно почти безошибочно утверждать, что в июне 1919 года помещения Германии в этих странах уже сводились к цифрам ничтожным и были значительно ниже ее обязательств в этих странах. Кроме того, Германия продала также некоторые заокеанские ценности, как, например, аргентинские cedulas, для которых можно было найти покупателей.

IV. Достоверно известно, что с момента перемирия начался сильный отлив за границу иностранных ценностей, еще оставшихся в частных руках. Предупредить этот отлив чрезвычайно трудно. Как общее правило, иностранные помещения Германии представляют ценные бумаги на предъявителя; они не регистрированы. Их легко перевести контрабандным способом через очень растянутую сухопутную границу Германии; за несколько месяцев до заключения мира все были уверены, что собственники этих бумаг не смогут сохранить их, если союзные правительства придумают какой-либо способ завладеть ими. Все это усиливало человеческую изобретательность, и усилия как союзных правительств, так и германского, направленные к пресечению отлива ценностей за границу, по общему мнению, оказались в общем безуспешными.

Ввиду всех этих соображений, было бы положительно чудом, если бы для возмещения убытков можно было воспользоваться большим количеством ценностей. Страны, принадлежащие к Согласию вместе со странами, входящими в Германский союз и прилегающими к Германии нейтральными государствами, представляют почти весь цивилизованный мир; как мы видели, невозможно ожидать, чтобы помещения во всех этих странах могли много дать для возмещения убытков. В самом деле, кроме Южной Америки не остается стран, имеющих какое-либо значение в смысле помещения капиталов.

В каких цифрах должны выразиться суммы, которые мы должны вычесть сообразно вышеприведенным соображениям, чтобы получить определенные результаты? Цифры эти по необходимости могут быть только гадательные. Приводимое мною мое собственное определение этих сумм сделано с наибольшею точностью, какую допускают находящиеся в нашем распоряжении цифры и прочие относящиеся сюда данные.

Вычеты, которые придется сделать согласно вышеуказанной I категории, я определяю в 300.000.000 фунтов, из коих после покрытия частных долгов может, в конце концов, получиться остаток для возмещения убытков, равный 100.000.000 фунтов.

Что касается категории II, то согласно исчислению австрийского министерства финансов 31 декабря 1912 года номинальная стоимость австро-венгерских ценностей, находившихся в обладании германских подданных, равнялась 197.000.000 фунтов. Помещения германских капиталов в России до войны, не считая государственных бумаг, оценивались в 95.000.000 фунтов, цифра гораздо более низкая, нежели можно было бы ожидать; кроме того, Сарторпус фон-Вальтерсгаузен оценивал германские помещения в русских государственных бумагах цифрою в 150.000.000 фунтов. Обе цифры дают итог в 245.000.000 фунтов; этот итог до известной степени подтверждается цифрой д-ра Исхаппана в 200.000.000 фунтов, которая считается низкой оценкой. Румынская оценка, опубликованная в момент вступления этого государства в войну, определяла сумму германских помещений в Румынии в 4.000.000—4.400.000 фунтов, из которых от 2.800.000 до 3.200.000 фунтов приходится на государственные бумаги. Согласно данным, помещенным в газете *Temps* (8 сентября 1919 г.), Ассоциация для защиты французских интересов в Турции оценивала общую сумму германского капитала, помещенного в Турции, приблизительно в 59.000.000 фунтов, из коих, согласно последнему отчету Совета владельцев иностранных ценностей, 32.500.000 фунтов было вложено германскими подданными в турецкий внешний заем. В моем распоряжении нет оценок германских помещений в Болгарии. Я решаюсь определить общую сумму помещений в этой группе стран цифрой в 500.000.000 фунтов.

Продажи и одновременно заклады ценностей в течение войны, т.-е. операции, упомянутые мною в категории III, я оцениваю в 100.000.000—150.000.000 фунтов; здесь я имею в виду все принадлежащие Германии скандинавские, датские и швейцарские ценности, часть южно-американских, а также значительную долю ее северо-американских ценностей, проданных до вступления в войну Соединенных Штатов.

Что касается категории IV, то здесь мы не можем получить определенных цифр. В прошедшие месяцы европейские газеты были полны сенсационных сообщений касательно приемов, к которым прибегали для

контрабандной продажи бумаг. Но если мы оценим в 100.000.000 фунтов стоимость ценностей, уже вывезенных из Германии или запрятанных внутри ее так, что их невозможно будет разыскать даже с помощью самых инквизиторских и успешных приемов, то наша цифра не выйдет слишком преувеличенной.

Итак, все эти разнообразные статьи приводят нас к круглой сумме около 1.000.000.000 фунтов, так что для покрытия возмещения убытков иностранными ценностями мы получаем 250.000.000 фунтов, которыми теоретически может располагать Германия [1]).

Многим читателям эта цифра может показаться низкой, но пусть они имеют в виду, что она означает остаток ценностей, *могущих быть проданными*, на который германское правительство может наложить руку для использования их в государственных целях. На мой взгляд, эта цифра еще слишком высока; предполагая, что проблема может быть разрешена иными способами, я получаю более низкую цифру. Если при расчете мы оставим в стороне секвестрованные ценности союзных государств, а также помещения в Австрии, России и т. д., каким запасом ценностей, который можно было бы точно распределить по странам и предприятиям, может еще располагать Германия на столь высокую сумму как 250.000.000 фунтов? На этот вопрос я затруднился бы ответить. Она еще имеет кой-какие китайские государственные бумаги, которые не были секвестрованы, быть-может, также в небольшом количестве японские и, кроме того, на более крупную сумму первоклассных южно-американских ценностей. Но из всего этого лишь очень немного еще осталось в руках германских поддашных, и даже вся стоимость *этих* ценностей исчисляется одним или двумя десятками, а не сотнями миллионов. На мой взгляд, тот, кто организовал бы синдикат для уплаты 100.000.000 фунтов за еще несеквестрованные заморские ценности Германии, показал бы себя человеком опрометчивым. Если Комиссия по возмещению убытков сможет реализовать эту более низкую цифру, ей, по всей вероятности, придется в течение нескольких лет хранить эти бумаги, не пытаясь разместить их в настоящий момент.

Итак, мы получаем от 100.000.000 до 250.000.000 фунтов, как максимальную цифру, какую могут дать иностранные ценности Германии.

Ее имущество, которое может быть передано непосредственно, слагается в таком случае из следующих статей:

a) золото и серебро—около 60.000.000 фунтов;
b) торговый флот—120.000.000 фунтов;
c) иностранные ценности—от 100.000.000 до 250.000.000 фунтов.

Из золотой и серебряной наличности фактически невозможно взять значительную долю, не вызывая этим последствий для системы германского денежного обращения, вредных для интересов самих же союзников. Получения из всех этих источников вместе, которые Комиссия по возмещению убытков может обеспечить к 1 мая 1921 года, можно поэтому определить в сумме от 250.000.000 до 350.000.000 фунтов, в качестве *максимальной* цифры [2]).

---

[1]) Я не принимал в расчет ценностей, принадлежащих эльзас-лотарингцам и другим лицам, которые теперь уже перестали быть германскими подданными.

[2]) Я отлично сознаю, что во всех этих оценках я был принужден из боязни недооценить возможные поступления, ожидаемые Договором, дать такие цифры, которые превосходят мои собственные предположения. Представляет большую разницу написать на бумаге воображаемую оценку рессурсов Германии и действительно по-

Б. Собственность в уступленных Германией территориях или переданная на основании условий перемирия.

Согласно договору, взамен имущества Германии в уступленных ею территориях она не получает значительных кредитов, которые могли бы помочь ей произвести возмещение убытков.

Частная собственность в большинстве уступаемых территорий обращается на уплату частных германских долгов подданным союзных стран, и только излишек, если таковой окажется, может быть взят для целей возмещения убытков. Ценность таковой собственности в Польше и прочих новых государствах выплачивается непосредственно ее владельцам.

Правительственная собственность в Эльзас-Лотарингии, в территориях, уступленных Бельгии и в бывших германских колониях, переданных особому уполномоченному (Mandatary) подвергается конфискации без всякого кредита Германии. Здания, леса и прочая государственная собственность бывшего Царства Польского также должны быть выданы Германией без всякого кредита. Поэтому остаются только имущества германского правительства, не подходящие под только что указанную категорию, переданные Польше, такие же имущества в Шлезвиге, уступаемые Дании[1]), стоимость Саарских угольных копей, известной части речных судов и проч., которые Германия уступает на основании Главы о портах, водных путях и железных дорогах, и, наконец, стоимость германских подводных кабелей, уступаемых согласно Прибавлению VII к Главе о возмещении убытков.

Что бы ни говорил договор, Комиссии по возмещению убытков не удастся получить с Польши какие-либо платежи в форме денег. Я думаю, что стоимость Саарских угольных копей была оценена в сумме от 15.000.000 до 20.000.000 фунтов. Круглая цифра в 30.000.000 фунтов по всем только что приведенным статьям, исключая всякую прибавку, могущую получиться от частной собственности, является, по всей вероятности, весьма щедрой оценкой.

Остается стоимость материалов, переданных на основании условий перемирия. Статья 250 постановляет, что Комиссия по возмещению убытков должна определить размер кредита за подвижной железнодорожный состав, сдаваемый в силу условий перемирия, равно как за прочие специальные статьи, а также за всякий материал, сдаваемый на этом основании, за который «как не имеющий военного значения» Комиссия признает кредит необходимым. Из всего этого материала значительную ценность представляет только подвижной состав (150.000 ва-

---

лучить платеж в форме денег. Что касается меня, то я не верю, чтобы Комиссии по возмещению убытков удалось к 1 маю 1921 года обеспечить по всем вышеуказанным статьям даже *более низкую* цифру из двух приведенных в тексте.

[1]) Договор (см. ст. 114) оставляет под большим сомнением, насколько датское правительство оказывается обязанным выплатить Комиссии по возмещению убытков стоимость ее приобретений в Шлезвиге. Например, она может притти к соглашению касательно различных видов вознаграждений в роде ценности бумажных марок, находящихся на руках населения уступленных территорий. Во всяком случае сумма денег, могущих быть полученными, весьма незначительна. В настоящее время датское правительство выпускает заем в 6.600.000 фунтов (120.000.000 крон) сразу для нескольких целей: «для покрытия части германского долга, падающего на Шлезвиг, для покупки германской государственной собственности, для помощи населению Шлезвига и упорядочения вопросов денежного обращения».

гонов и 5.000 паровозов). Круглая цифра в 50.000.000 фунтов представляет, по всей вероятности, достаточно высокую оценку всех этих материалов.

Итак, мы можем прибавить 80.000.000 фунтов, получаемых по этой статье, к 250.000.000 или 350.000.000 фунтов, полученным по статьям предыдущим. Эта цифра отличается от предшествующей в том смысле, что она не представляет денежного платежа, способного улучшить финансовое положение союзников, но лишь простую кредитовую запись в их отношениях друг к другу или в их отношениях к Германии.

Однако полученная нами, в конце концов, сумма в 330—430 миллионов фунтов не может быть полностью обращена на возмещение убытков. Согласно 251 статье договора *первая* уплата из нее представляет покрытие расходов на содержание оккупационных армий как во время перемирия, так и после заключения мира. Общая цифра этих расходов до мая 1921 года не может быть определена, пока мы не знаем количества постепенно отзываемых отрядов; это последовательное сокращение армий должно уменьшить *месячный* расход, выражающийся в цифре свыше 20.000.000 фунтов для первой половины 1919 года до цифры в 1.000.000 фунтов, которая должна стать нормальной. Во всяком случае, я думаю, что эта общая цифра должна равняться приблизительно 200.000.000 фунтов. Таким образом, за вычетом ее у нас остается еще от 100 до 200 миллионов фунтов стерлингов.

Кроме этого, а также кроме вывоза товаров и платежей натурой, до мая 1921 года, предусмотренных договором (для которых я до сих пор еще не делал вычетов), союзники подали надежду, что они позволят Германии получить обратно те суммы для покупки необходимых пищевых продуктов и сырья, которые они признают нужными для нее. В настоящее время невозможно составить точное суждение ни о том, какова будет денежная ценность товаров, которые Германии нужно будет купить за границей с целью восстановления своей экономической жизни, ни о щедрости, которую проявят в этом отношении союзники. Если к маю 1921 года ее запасы сырья и пищи должны быть доведены хоть приблизительно до нормального уровня, то ей понадобится, по крайней мере, от 100 до 200 миллионов фунтов, не считая того, что она будет выручать своим текущим экспортом. Так как такая сумма едва ли будет предоставлена Германии союзниками, то я решаюсь утверждать, как нечто неподлежащее спору, что в настоящих социально-экономических условиях Германия не сможет иметь превышения экспорта над импортом в течение периода до мая 1921 года; я утверждаю также, что союзникам придется вернуть Германии стоимость всех платежей в натуре, которые она сможет доставить им согласно договору в виде угля, красок, строительных и иных материалов, чтобы дать ей возможность оплатить ввоз предметов, необходимым для ее существования [1]).

Итак, Комиссия по возмещению убытков не может ожидать никаких прибавлений из других источников к той сумме в 100 или 200 миллионов фунтов, которую, согласно нашему предположению, она сможет получить после реализации имущества Германии, подлежащего непосредственной передаче, а также после вычисления размера кредитов, на которые Германия имеет право согласно договору и оплаты расходов по

[1]) Также и в этом случае мое собственное мнение идет гораздо дальше и заставляет меня сомневаться в том, что в течение этого периода германский экспорт может сравняться с импортом. Впрочем то, что высказано мною в тексте, является достаточным для подтверждения моих взглядов.

содержанию оккупационных армий. Так как Бельгия помимо договора заключила с Францией, Соединенными Штатами и Великобританией частное соглашение, в силу которого ей дается право на получение *первых* 100 миллионов фунтов из общей суммы возмещения убытков, то все положение сведется к тому, что Бельгия *сможет* получить свои 100 миллионов фунтов к маю 1921 года; что же касается остальных союзников, никто из них не может рассчитывать на получение к этому сроку мало-мальски значительной суммы. Во всяком случае со стороны министров финансов союзных государств было бы весьма неосторожно строить свои планы на иных, более благоприятных предположениях.

В. Ежегодные платежи в течение известного периода времени.

Само собою разумеется, что способность Германии уплачивать ежегодную дань, как она могла бы делать это до войны, не осталась незатронутой вследствие почти полной потери ее колоний и связей с заморскими странами, потери торгового флота и имущества, находившегося за границей, уступки одной десятой части ее территории и населения, одной трети угля и трех четвертей железной руды, потери двух миллионов мужского населения в расцвете сил, павших на поле сражения, вследствие истощения народа по причине четырехлетнего недоедания, бремени огромного военного долга, обесценения денег до одной седьмой их прежней стоимости, распада ее союзников и их территорий, революции дома и угрозы большевизма на ее границах, наконец, невероятного упадка сил и надежд в результате четырехлетней всепожирающей войны и конечного разгрома.

Все это очевидно. И, тем не менее, оценки, предполагающие крупные платежи со стороны Германии, опираются на уверенность, что она может в будущем вести гораздо более обширную торговлю, нежели какую она вела в прошедшем.

Для получения определенных цифр не имеет большого значения, выражается ли платеж в форме монеты (точнее в иностранной валюте) или он частью производится в натуре (углем, красками, строительными материалами и проч.), как это предусмотрено в договоре. Во всяком случае Германия может платить только с помощью вывоза определенных товаров; способ же, посредством которого ценность этого вывоза будет обращена для целей возмещения убытков, представляет вопрос деталей.

Чтобы не запутаться в неосновательных предположениях, мы должны найти прочный исходной пункт для наших вычислений и всякий раз, когда это возможно, обращаться к имеющимся статистическим данным. Представляется вполне очевидным, что Германия может каждый год производить платеж в течение известного срока только в том случае, если ей удастся сократить ввоз и увеличить вывоз и, таким образом, создать благоприятный торговый баланс, дающий возможность платежей за границей. Германия, в конце концов, может заплатить товарами и только товарами, при чем не играет роли, будут ли эти товары непосредственно доставлены союзникам или проданы нейтральным странам, а полученные здесь кредиты переданы затем союзникам. Наиболее прочную основу для определения размеров этого процесса можно найти посредством рассмотрения ее торговых отчетов довоенного времени. Только основываясь на таком рассмотрении и дополняя его некоторыми

общими данными касательно производительной способности страны, мы можем притти к рациональному, хотя и гадательному заключению относительно высшего размера германского экспорта, которого необходимо достигнуть, чтобы превзойти ее импорт.

В 1913 году импорт Германии дошел до 538.000.000 фунтов, а экспорт—до 505.000.000 фунтов, не считая доходов от транзита и слитков золота. Другими словами, импорт превысил экспорт приблизительно на 33.000.000 фунтов. Однако за пятилетний период, предшествующий 1913 году, ее импорт превышал экспорт в среднем на 74.000.000 фунтов ежегодно, т.-е. на сумму значительно бо́льшую. Отсюда следует, что весь барыш своего торгового баланса, обращаемый для все новых помещений капитала за границей, Германия получила от доходов с ее иностранных ценностей и от прибылей, приносимых торговым флотом, заграничными банковскими операциями и проч. Но заграничные имущества и торговый флот ныне отбираются у нее, ее банковские операции и прочие разнообразные источники дохода из-за границы ныне в сильной степени подорваны; таким образом становится очевидным, что при том же отношении ввоза и вывоза, как до войны, Германия не только не найдет излишков для платежей за границу, но и не в состоянии будет найти средств для себя самой. Поэтому ее первой задачей должно быть уравновешение потребления и производства в целях покрытия своего дефицита. Всякая лишняя экономия в потреблении ввозимых товаров и всякое новое поощрение вывоза откроет возможность для возмещения убытков союзникам.

Две трети германского импорта и экспорта перечислены постатейно в нижеследующих таблицах. Соображения, применимые к перечисленным статьям, можно применить более или менее также и к остальной трети, в которую входят товары, в отдельности имеющие меньшее значение.

Приведенные таблицы показывают, что главными предметами вывоза являлись следующие:

1) Железные изделия, включая жестяные пластинки (13,2%).
2) Машины и проч. (7,5%).
3) Уголь, кокс и брикет (7%).
4) Шерстяные товары, включая необработанную и чесаную шерсть (5,9%).
5) Хлопчатобумажные товары, включая бумажную пряжу, нитки и необработанный хлопок (5,6%).

Эти пять видов производства составляют 39,2% всего вывоза Германии. Следует заметить, что именно в этих отраслях производства до войны существовало ожесточенное соперничество между Германией и Англией. Поэтому, если размеры вывоза относящихся сюда товаров на заморские или европейские рынки значительно повысятся, то результаты для соответствующей экспортной торговли Британии окажутся весьма серьезными. Что касается двух из этих категорий, а именно, хлопчатобумажных и шерстяных товаров, то повышение их вывоза всецело зависит от повышения ввоза соответствующего сырья, так как Германия самостоятельно вовсе не производит хлопка, а в сущности не производит также и шерсти. Поэтому этот вид торговли может быть расширен только в том случае, если Германии будет обеспечено получение необходимого сырья в больших размерах сравнительно с ее получениями до войны, а это возможно сделать только за счет союзников; но даже в этом случае увеличение вывоза будет представлять не абсо-

ЭКСПОРТ ГЕРМАНИИ В 1913 ГОДУ.	Общая сумма в миллионах фунтов стерлингов.	Процентное отношение к общему количеству экспорта.
Железные товары (включая жестяные пластинки)	66,13	13,2
Машины и части машин (включая автомобили)	37,55	7,5
Уголь, кокс и брикет	35,34	7,0
Шерстяные товары (включая необработанную шерсть, чесанную шерсть и суконные материи)	29,40	5,9
Хлопчатобумажные товары (включая необработанный хлопок, пряжу и нитки)	28,15	5,6
	196,57	39,2
Зерновой хлеб (включая рожь, овес, пшеницу, хмель)	21,18	4,1
Кожа и кожаные изделия	15,47	3,0
Сахар	13,20	2,6
Бумага и проч.	13,10	2,6
Меха	11,75	2,2
Электрические приборы (оборудование, машины, лампы, провода)	10,88	2,2
Шелковые товары	10,10	2,0
Краски	9,76	1,9
Медные изделия	6,50	1,3
Игрушки	5,15	1,0
Резина и резиновые изделия	4,27	0,9
Книги, карты и музыкальные ноты	3,71	0,8
Поташ	3,18	0,6
Стекло	3,14	0,6
Хлористый калий	2,91	0,6
Фортепьяно, органы и их части	2,77	0,6
Цинк необработанный	2,74	0,5
Фарфор	2,53	0,5
	142,34	28,0
Прочие товары, не перечисленные в отдельности	165,92	32,8
Итого	504,83	100,0

ИМПОРТ ГЕРМАНИИ В 1913 ГОДУ.	Общая сумма в миллионах фунтов стерлингов.	Процентное отношение к общему количеству импорта.
I. Сырые материалы:		
Хлопок	30,35	5,6
Шкуры и кожи	24,86	4,6
Шерсть	23,67	4,4
Медь	16,75	3,1
Уголь	13,66	2,5
Железная руда	11,35	2,1
Меха	9,35	1,7
Лен и льняное семя	9,33	1,7
Селитра	8,55	1,6
Шелк	7,90	1,5
Каучук	7,30	1,4
Джут	4,70	0,9
Керосин	3,49	0,7
Жесть	2,91	0,5
Фосфорный мел	2,32	0,4
Смазочные масла	2,29	0,4
	190,38	35,3
II. Пищевые продукты, табак и проч.:		
Зерновой хлеб и проч. (пшеница, ячмень, отруби, рис, маис, овес, рожь, клевер)	65,51	12,2
Масло в семенах и плитках (включая пальмовые зерна, копру и какао в зернах)	20,53	3,8
Скот, бараний жир, пузыри	14,62	2,8
Кофе	10,95	2,0
Яйца	9,70	1,8
Табак	6,70	1,2
Мыло	5,93	1,1
Лошади	5,81	1,1
Фрукты	3,65	0,7
Рыба	2,99	0,6
Птица	2,80	0,5
Вина	2,67	0,5
	151,86	28,3
III. Мануфактура:		
Хлопчатобумажная пряжа, нитки и бумажные товары	9,41	1,8
Шерстяная пряжа и шерстяные товары	7,57	1,4
Машины	4,02	0,7
	21,00	3,9
IV. Товары, не перечисленные в отдельности	175,28	32,5
Итого	538,52	100,0

лютный плюс торгового баланса Германии, но лишь разницу между выручкою от продажи обработанных продуктов и затратою на покупку сырья. Что же касается трех прочих категорий, т.-е. машин, железных изделий и угля, то возможность увеличить их вывоз будет отнята у Германии отобранием от нее Польши, Верхней Силезии и Эльзас-Лотарингии. Как указано выше, эти округа давали около одной трети всего угля Германии. Но, кроме того, в них находилось не менее трех четвертей ее железной руды, 38% ее доменных печей и 9,5% чугуно- и сталелитейных заводов. Итак, Эльзас-Лотарингия и Верхняя Силезия должны будут высылать свою железную руду в Германию, для ее переработки в изделия, при чем благодаря этому увеличится ее ввоз и она должна будет найти средства для его оплаты; если же этого не произойдет, то германский вывоз не только не возрастет, но, наоборот, сократится[1]).

Следующее по значению место в таблице занимают зерновой хлеб, кожаные изделия, сахар, бумага, меха, электрические приборы, шелковые изделия и краски. Зерновой хлеб не является предметом вывоза в настоящем смысле, так как ввоз его более чем покрывает вывоз. Что касается сахара, то почти 90% германского экспорта до войны направлялось в Англию[2]). Средство увеличить торговлю этим товаром могло бы быть достигнуто тем, что в этой стране отдавалось бы предпочтение германскому сахару, или тем, что было бы достигнуто соглашение, в силу которого сахар составил бы часть платежей Германии точно так же, как это имелось в виду для угля, красок и проч. Вывоз бумаги также можно было бы несколько увеличить. Кожаные, меховые и шелковые товары зависят от повышения соответствующего ввоза сырья. Кроме того, торговля шелком встречает конкуренцию Франции и Италии. Остальные виды товаров, каждый в отдельности, весьма незначительны. Мне известно мнение, будто Германия могла бы произвести свои платежи в значительной доле поташом и тому подобными товарами. Однако до войны поташ составлял только 0,6% германского экспорта, а общая выручка его продажи давала 3.000.000 фунтов. Кроме того, Франция, вступив во владение залежами поташа в возвращенных ей территориях, не отнесется сочувственно к поощрению германской торговли этим продуктом.

Рассмотрение таблицы ввоза показывает, что 63,6% всего количества его составляет сырье и пищевые продукты. Главные виды сырья, т.-е. хлопок, шерсть, медь, кожа, железная руда, меха; шелк; каучук и жесть не могут быть сокращены, не оказав влияния на вывозную торговлю; напротив, ввоз их должен быть увеличен, если желательно повысить вывоз. Ввоз пищевых продуктов, т.-е. пшеницы, ячменя, кофе, яиц, риса, маиса и проч., представляет иную проблему. Невозможно предположить, что потребление пищи трудящимися классами Германии, оставляя в стороне некоторые товары, до войны превосходило необходимый минимум питания; скорее он был ниже этого минимума.

---

[1]) Вычислено, что территориальные уступки Франции, не говоря уже об утрате Верхней Силезии, должны сократить довоенное производство стальных слитков в Германии с 20.000.000 тонн до 14.000.000 тонн и увеличить производство Франции с 5.000.000 тонн до 11.000.000 тонн.

[2]) Германский экспорт сахара в 1913 г. дошел до 1.110.073 тонн стоимостью в 13.094.300 фунтов, при чем в Англию было вывезено 838.583 тонн на сумму в 9.050.800 фунтов. Эти цифры превышают нормальный средний уровень пяти последних лет перед 1913 годом, который равнялся 10.000.000 тонн.

Значительное сокращение ввоза пищи отзовется поэтому на производительной силе промышленного населения, а вследствие этого также и на добавочной сумме экспорта, которую это население должно выработать. Едва ли возможно утверждать, что производительность германской промышленности возрастет, если рабочие будут страдать от недоедания. Однако дело обстоит иначе с ввозом ячменя, кофе, яиц и табака. Если бы оказалось возможным отучить всех немцев от пива, кофе и табака, то можно было бы достигнуть значительной экономии. Другими способами является мало вероятия значительно сократить ввоз.

Кроме того, важно также рассмотреть куда направляется вывоз и откуда идет ввоз Германии. Мы увидим, что из общего количества германского вывоза в 1913 году 18% направлялось в Британскую империю, 17%—во Францию, Италию и Бельгию, 10%—в Россию и Румынию и 7%—в Соединенные Штаты; это значит, что более половины экспорта находила сбыт в странах, принадлежащих к Антанте. Из остальной половины 12% шло в Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию, а 35% в нейтральные страны. Таким образом, если союзники не желают поощрить ввоз германских товаров в свои страны, то значительное повышение экспорта Германии может быть достигнуто только заполнением нейтральных рынков ее товарами.

Торговля Германии в 1913 г., с указанием места назначения вывоза и происхождения ввоза.

	Назначение вывоза.		Происхождение ввоза	
	Миллионы фунтов.	Процентное отношение.	Миллионы фунтов.	Процентное отношение.
Великобритания	71,91	14,2	43,80	8,1
Индия	7,53	1,5	27,04	5,0
Египет	2,17	0,4	5,92	1,1
Канада	3,02	0,6	3,20	0,6
Австралия	4,42	0,9	14,80	2,8
Южная Африка	2,34	0,5	3,48	0,6
Итого Британская империя.	91,39	18,1	98,24	18,2
Франция	39,49	7,8	29,21	5,4
Бельгия	27,55	5,5	17,23	3,2
Италия	19,67	3,9	15,88	3,0
Соединенные Штаты	35,66	7,1	85,56	15,9
Россия	44,00	8,7	71,23	13,2
Румыния	7,00	1,4	3,99	0,7
Австро-Венгрия	55,24	10,9	41,36	7,7
Турция	4,92	1,0	3,68	0,7
Болгария	1,51	0,3	0,40	—
Прочие страны	178,04	35,3	171,74	32,0
	504,47	100,0	538,52	100,0

Вышеприведенный анализ дает некоторые указания, в какой степени можно ждать изменений торгового баланса Германии при тех условиях, которые будут иметь преобладающее влияние в годы после заключения мира. Предполагая: 1) что Англия не согласится отдать Германии первенства перед собой в получении таких видов сырья, как хлопок и шерсть (запасы которых на всем земном шаре ограничены), 2) что Франция, приобретя залежи железной руды, пожелает также упрочить свою стальную промышленность и торговлю, 3) что союзники не станут оказывать Германии содействия в конкуренции ее торговли железом и другими товарами с их собственной торговлей на заморских рынках, 4) что германские товары не получат особого предпочтения на рынках Британской империи, из рассмотрения соответствующих статей германской торговли становится ясным, что достигнуть значительного увеличения ее вывоза нет никакой возможности.

Рассмотрим еще раз главные статьи: 1) Железные товары. В виду того, что Германия теряет свои запасы железа, увеличение вывоза представляется невозможным и, напротив, вероятным является его сокращение. 2) Машины. Возможно некоторое увеличение вывоза. 3) Уголь и кокс. Чистый вывоз Германии до войны давал 22.000.000 фунтов; для настоящего времени союзники определили maximum возможного вывоза в 20.000.000 тонн с предположительным (хотя недостижимым фактически) увеличением до 40.000.000 тонн через некоторое неопределенное время; однако, даже при основных 20.000.000 тонн вывоза Германия не получит никакого действительного увеличения выручки от своего экспорта, выражаемой в довоенных ценах [1]); напротив, если это количество угля потребуют с нее, то получится сокращение выручки от экспорта на большую сумму, которую дали бы мануфактурные товары, требующие угля для своего производства. 4) Шерстяные товары. Увеличение вывоза невозможно без ввоза соответствующего сырья; в виду требований на него других стран возможно скорее сокращение вывоза. 5) Хлопчатобумажные товары. К ним применимо то же самое, что сказано о шерсти. 6) Зерновой хлеб. Германия никогда не давала и не даст чистого вывоза этого продукта. 7) Изделия из кожи. К ним применимо то же самое, что сказано о шерсти.

Мы рассмотрели около половины экспорта Германии до войны, и в том, что остается, мы не находим категории товаров, которая представляла бы 3% всей совокупности экспорта. Каким же товаром могла бы Германия погасить свои платежи? Красками? Но общая выручка от их продажи в 1913 году дала 10.000.000 фунтов. Игрушками? Поташом? В 1913 году их вывоз дал всего 3.000.000 фунтов. Если бы даже можно было указать подходящие товары, на каком рынке они найдут сбыт? Ведь надо помнить, что здесь имеются в виду товары, ценностью не на десятки миллионов, но на сотни миллионов ежегодно.

Что касается импорта, то здесь сокращения легко осуществимы. Понижая уровень потребностей населения, Германия может достигнуть сокращения расходов на ввозимые товары. Однако, как мы уже видели, многие крупные статьи невозможно сократить, не вызывая в то же время сокращения вывоза.

Я все же позволю себе, в виде догадки, определить вывоз Германии настолько высоко, насколько это возможно сделать, не впадая в чистую

---

[1]) Необходимое согласование цен на обеих сторонах этого счета будет сделано позднее en bloc.

фантастику, и выскажу предположение, что через некоторое время Германия, вопреки сокращению ее рессурсов и экономических возможностей, вопреки потере рынков и производительной силы, сможет повысить свой экспорт и уменьшить импорт до такой степени, что ее торговый баланс повысится в ее пользу на 100.000.000 фунтов ежегодно в ценах довоенного времени. Эта сумма в первую очередь должна пойти на ликвидацию того минуса в торговом ее балансе, который в течение пяти предшествующих войне лет в среднем доходил до 74.000.000 фунтов; но мы допустим, что даже после покрытия этой суммы Германия будет располагать ежегодным остатком в 50.000.000 фунтов. Принимая во внимание удвоение цен сравнительно с довоенным временем, мы получим цифру в 100.000.000 фунтов. Имея в виду политические, социальные и психические факторы, равно как и чисто экономические, я сомневаюсь, чтобы Германия оказалась в силах платить такую сумму в течение 30 лет; но все же нельзя считать безумием предположение или надежду, что она сможет сделать это.

Эта цифра, считая 5% на прирост и 1% на погашение капитала, представит основную сумму долга приблизительно в 1.700.000.000 фунтов стерлингов [1]).

Итак, мы приходим к окончательному заключению относительно платежеспособности Германии. Принимая во внимание все способы платежа, т.-е. имущество, подлежащее непосредственной передаче уступленную Германией собственность и ежегодные взносы, мы получаем 2.000.000.000 фунтов, как максимальную сумму. Я не думаю, что при настоящих условиях она может заплатить так много. Те, которые считают эту цифру слишком низкой, должны не упускать из вида следующего знаменательного сравнения. Имущество Франции в 1871 году оценивалось в сумме, несколько меньшей, нежели половина имущества Германии в 1913 году. Оставляя в стороне изменения в ценности денег, происшедшие с тех пор, мы должны принять, что сумма уплаченная Францией в 1871 году, будет соответствовать нынешней контрибуции с Германии в 500.000.000 фунтов; но так как фактическое бремя контрибуции возрастает в большей пропорции, нежели ее арифметическая сумма, то уплата Германией двух миллиардов означает для нее гораздо более тяжелые последствия, нежели уплата Францией 200.000.000 фунтов в 1871 году.

Я усматриваю только одну возможность увеличить цифру, полученную мною с помощью принятого выше метода исчисления; эта возможность заключается в непосредственном применении труда германских рабочих для восстановления опустошенных территорий. Известно, что такого рода план в настоящее время признается осуществимым. Получаемая таким образом дополнительная контрибуция зависит от того, какое количество рабочих германское правительство сможет принудительно выставить для этой цели, а также от того, какое количество этих рабочих французское и бельгийское население согласится терпеть в своей среде в течение целого периода лет. Во всяком случае применение привезенного со стороны труда, настоящая стоимость кото-

---

[1]) Если бы амортизационная сумма была уменьшена, а уплата ежегодных процентов была растянута на больший промежуток времени, то все же настоящая сумма—такова сила действия сложных процентов—не может оказаться значительно увеличенной. Уплата 100.000.000 фунтов ежегодно и *без ограничения срока*, определяя прирост по-прежнему в 5%, повысит настоящую сумму только до 2.000.000.000 фунтов.

рого оценивается цифрою около 250.000.000 фунтов, на протяжении нескольких лет представляет большие трудности; и даже если это удастся, такой способ не даст чистого плюса к той ежегодной контрибуции, которую можно получить иными путями.

Итак, предположение, будто Германия в состоянии заплатить 8.000.000.000 или даже только 5.000.000.000 фунтов, лежит вне пределов возможности. Те, кто думают, что Германия может платить ежегодно сотни фунтов стерлингов, обязаны определенно указать, *в каких именно товарах*, по их мнению, должен быть произведен этот платеж, и на каких рынках эти товары могут найти сбыт. Их утверждению можно дать веру лишь тогда, когда оно будет развито в подробностях и обосновано очевидными аргументами[1]).

Я условно допускаю три возможности, ни одна из которых не умаляет значения приведенных мною аргументов, посредством которых можно определить практически осуществимые задачи.

Во-первых, если союзники согласятся «питать» торговлю и промышленность Германии в течение пяти или десяти лет, щедро снабжая ее ссудами денег, большим количеством кораблей, пищевыми продуктами и сырьем, создавая для нее рынки и сознательно направляя все свои средства и добрую волю к тому, чтобы превратить ее в величайшую промышленную нацию хотя бы не всего мира, а только Европы, то через известное время от нее удастся получить значительно более крупную сумму; в этом нет ничего невероятного, так как Германия способна к необычайной производительности.

Во-вторых, производя оценку в деньгах, я предполагаю, что в ближайшем будущем не произойдет внезапного переворота в покупательной силе принятой у нас единицы ценности. Если золоту суждено

---

[1]) В качестве примера господствующих в большой публике недоразумений относительно экономических вопросов можно привести письмо сэра Сиднея Лоу, помещенное в Таймсе 3 декабря 1918 года: «Мне известны авторитетные оценки, которые определяют общую стоимость минеральных и химических запасов Германии суммою в 250.000.000.000 фунтов стерлингов и даже более; один лишь Рурский бассейн, как говорят, оценивается в 45.000.000 фунтов. Во всяком случае можно утверждать, что капитал, представляемый этими естественными богатствами, значительно превышает сумму военных долгов союзных держав. Почему бы не отобрать часть этих богатств от их нынешних владельцев на достаточный период времени и не передать их тем народам, которые подверглись нападению, изгнанию и притеснениям со стороны Германии? Союзные правительства имели бы полное право потребовать от Германии передачи в их пользование тех залежей металлов и минералов, которые могли бы принести от 100 до 200 миллионов фунтов в течение ближайших 30, 40 или 50 лет. Таким путем мы могли бы получить от нее достаточные компенсации, не прибегая к нежелательному поощрению ее мануфактурной промышленности и вывозной торговли, что оказалось бы разорительно для нас самих». Представляется непонятным, почему сэр Сидней Лоу удовольствуется ничтожной суммой в 100 или 200 миллионов ежегодно, если богатство Германии превышает 250 миллиардов фунтов стерлингов. Впрочем его письмо является великолепной reductio ad absurdum известного способа рассуждения. Хотя способ вычисления, приравнивающий стоимость угля, лежащего на глубине целых миль под землею, к его стоимости в угольном ящике, определяющий общий доход с ежегодной аренды в 1.000 фунтов за 999 лет суммою 999.000 фунтов, а ценность копей—ценностью всей добычи, которую они дадут в будущем, открывает широкие возможности, он в то же время оказывается обоюдоострым. Если все богатства Германии оцениваются в 250.000.000.000 фунтов, то та часть их, которую она уступает вместе с Эльзас-Лотарингией и Верхней Силезией, должна с излишком покрыть все военные расходы, а также и стоимость возмещения убытков. В действительности, *нынешняя* рыночная ценность всех копей Германии определяется в 300.000.000 фунтов, т.-е. несколько более одной тысячной той суммы, на которую возлагает свои надежды сэр Сидней Лоу.

упасть в цене до половины или до десятой части его нынешней стоимости, то реальная тяжесть платежа, определенного в золоте, должна уменьшиться в той же пропорции. Если золотой фунт упадет до нынешней стоимости шиллинга, то, конечно, Германия сможет заплатить большую сумму, нежели та, которая предположена мною, исчисляя ее в золотых фунтах.

В-третьих, я предполагаю, что природа и материя сохранят свою способность вознаграждать труд человека, и что в этом отношении не произойдет никакой катастрофической перемены. Нет ничего *невозможного* в том, что прогресс науки даст нам средства и способы неизмеримо повысить уровень нашего благосостояния, так что известное количество продуктов будет представлять лишь одну часть усилий, которые человечество затрачивает ныне на их производство. В этом случае все нормы «возможностей» изменятся повсюду. Однако предположение, что все вещи *возможны,* не дает нам права говорить необдуманно.

Правда, в 1870 году никто не мог предсказать, какой производительной силы достигнет Германия к 1910 году. Мы не можем предписывать законы на целое поколение или на еще более долгий срок. Вековые перемены в условиях экономической деятельности человека и наша способность ошибаться в расчетах на будущее могут привести нас к заблуждению либо в том, либо в другом направлении. Подчиняясь указаниям разума, мы можем базировать наше поведение на доступных нам очевидностях и предопределять его на пять или десять лет, относительно которых мы чувствуем за собою возможность предвидения; и мы поступим правильно, если будем принимать во внимание превратности человеческого существования и возможности внезапных изменений в порядке природы или в наших отношениях к ней. То, что мы не имеем точного представления о платежеспособности Германии в течение долгого периода лет, не дает нам права утверждать (как это думают некоторые), будто она может заплатить десять миллиардов фунтов.

Почему же весь мир оказался столь доверчивым к ложным заверениям политических деятелей? Если здесь необходимо объяснение, то я должен приписать эту чрезвычайную доверчивость следующим причинам.

Во-первых, огромные затраты на войну, повышение цен и падение курса денег, приведшее к полной неустойчивости единицы ценности, заставило нас потерять всякое чувство меры и числа в вопросах финансов. То, что мы считали находящимся в пределах возможности, оказалось до такой степени превзойденным действительностью, люди, строившие свои ожидания на фактах прошлого, столь часто оказывались неправыми, что всякий простой смертный готов теперь верить всему, что ему говорят с известным апломбом, и чем выше сообщаемая ему цифра, тем легче он принимает ее на веру.

Однако лица, способные к более глубокому взгляду на вещи, иногда впадают в ошибку, которую разумному человеку открыть легче. Такие лица склонны основывать свои заключения на всем превышении ежегодного производства Германии, независимо от превышения ее вывоза над ввозом. Произведенная Гельферихом оценка годичного прироста богатства Германии в 1913 году определяла этот прирост суммою от 400 до 425 миллионов фунтов (не считая возрастающей денежной ценности земли и собственности). Перед войною Германия расходовала на вооружения от 50 до 100 миллионов фунтов, которые она теперь может экономить. Если это так, то почему она не могла бы платить союз-

никам ежегодно 500.000.000 фунтов? Это рассуждение приводит такую наивную аргументацию в ее наиболее резкой и явственной форме.

Однако оно заключает в себе две ошибки. Прежде всего, ежегодные сбережения Германии после всех испытаний, которым ее подвергнула война и мирный договор, неизмеримо сократятся сравнительно с прежним временем, и, кроме того, если в будущем ей придется каждый год отдавать их другим, они не смогут дойти до своего прежнего уровня. Утрата Эльзас-Лотарингии, Польши и Верхней Силезии для общего превышения производства Германии означает потерю не менее 50 миллионов фунтов ежегодно. Предполагается, что коммерческий флот, иностранные помещения капиталов, заграничные банки и торговые связи Германии приносили ей около 100.000.000 фунтов дохода ежегодно; а ведь все эти источники дохода теперь у нее отняты. Ее экономия на вооружениях более чем уравновешивается ежегодной уплатой пенсий, составляющих ныне сумму в 250 миллионов фунтов, что означает фактическую потерю ее производительной способности. Если даже мы оставим в стороне бремя внутреннего долга, равного 240 миллиардам марок, который представляет скорее вопрос внутреннего распределения, чем производительности, то при вычислении внешнего долга Германии, вызванного войной, мы должны принять во внимание истощение ее запаса сырья, уменьшение количества рабочего скота, оскудение почвы вследствие недостатка удобрения и обработки, сокращение ее богатства благодаря невозможности ремонта и починок в течение почти пятилетнего периода. Германия уже не так богата, как до войны, и вытекающее из этого уменьшение ее сбережений в будущем, независимо от только что указанных факторов, должно быть определено не менее как в десять процентов, что составит 40.000.000 фунтов ежегодно.

Эти факторы сокращают ежегодный прирост богатства Германии до суммы меньшей, нежели 100.000.000 фунтов, т.-е. до той самой суммы, которую, исходя из иных оснований, мы уже определили как maximum того, что она может выплачивать каждый год. Но если даже нам сделают возражение, что мы упустили из вида понижение потребностей и комфорта среди населения Германии, которое можно навязать побежденному врагу[1]), все же остается основная ошибка в методе исчисления. Ежегодный прирост богатства, пригодный для помещения внутри собственной страны, можно заменить приростом, пригодным для вывоза из страны, только радикальной переменой видов исполняемого труда. Труд, который находит применение и удовлетворяет домашним потребностям внутри Германии, может оказаться бесполезным для внешней торговли. Таким образом мы снова возвращаемся к тому же вопросу, который стоял перед нами при рассмотрении внешней торговли, а именно к вопросу о том, в *каких* видах вывозимых товаров труд германских рабочих может найти более широкий сбыт? Напра-

---

[1]) Следует заметить, между прочим, что ухудшение условий существования может иметь двоякие последствия для сверхпроизводительности страны. Кроме того, у нас нет опыта относительно того, как действует на психологию белой расы положение, немногим лучшее положения раба. Во всяком случае, по общепринятому мнению, производительность и прилежание человека сокращаются, если у него отнимают весь избыток, полученный в результате его трудов. Предприниматель и изобретатель перестанут изобретать, торговец и лавочник перестанут накоплять, земледелец не станет трудиться, если плоды их прилежания поступают не на пользу их детей, не для поддержания их старости, не для удовлетворения их самолюбия или создания общественного положения, но для наслаждения завоевателя-чужеземца.

вить труд в новое русло можно только ценою частичной потери его производительности и значительной затраты капитала. Ежегодный прирост, который может дать труд германского народа для увеличения капитала, помещенного в предприятия у себя дома, не может служить мерилом, в теории или на практике, для определения величины ежегодного платежа, который Германия может производить за границей.

4. Комиссия по возмещению убытков.

Это учреждение представляет столь значительную организацию и, в случае, если она вообще будет функционировать, может оказать столь широкое влияние на жизнь Европы, что ее полномочия требуют особого рассмотрения.

Денежные платежи, возложенные на Германию настоящим договором, не имеют прецедентов в истории; в самом деле, от аналогичных платежей, требовавшихся с побежденных в прежнее время, они существенным образом отличаются в двух отношениях. Их сумма была определена и выражалась в известном количестве денег и, кроме того, пока побежденная сторона вносила ежегодно определенное количество монеты, всякое дальнейшее вмешательство победителя признавалось излишним.

Однако в силу уже выясненных мною причин, в настоящем договоре денежные платежи еще не приведены в известность, а когда это будет сделано, то общая их сумма окажется выше того, что может быть уплачено в монете и даже выше того, что может быть уплачено каким бы то ни было способом. Поэтому было необходимо создать учреждение, которое составило бы счет всех претензий, установило бы способ платежа и санкционировало бы необходимые сбавки и отсрочки. Чтобы дать этому учреждению возможность взыскивать с побежденного высшую сумму платежа ежегодно, было необходимо снабдить его широкими полномочиями в сфере внутренней экономической жизни неприятельских стран, которое составило бы счет всех претензий, установило бы способ платежа и санкционировало бы необходимые сбавки и отсрочки. Чтобы дать этому учреждению возможность взыскивать с побежденного высшую сумму платежа ежегодно, было необходимо снабдить его широкими полномочиями: Комиссия по возмещению убытков была организована в качестве высшей и окончательной инстанции по многочисленным экономическим и финансовым вопросам, которые договор признал необходимым оставить пока не разрешенными[1]).

Полномочия и внутренняя организация Комиссии по возмещению убытков договор с Германией в главных чертах излагает в статьях 233—241 и в Приложении II к Главе о возмещении убытков. Однако

---

[1]) В результате всех компромиссов и отсрочек, допущенных Конференцией, получилось много вопросов, которые оказалось необходимым оставить без определенного решения; иначе Конференция затянулась бы до бесконечности. Самые способы действия Конференции должны были привести к такому концу, так как Совет Четырех добивался не столько соглашения по существу, сколько документального договора. В вопросах политических и территориальных существовала тенденция передать право окончательной санкции Лиге наций. Но в вопросах финансовых и экономических право окончательного решения было предоставлено Комиссии по возмещению убытков, невзирая на то, что она представляла учреждение с исполнительными функциями, составленное из представителей заинтересованных сторон.

та же комиссия получает власть над Австрией и Болгарией и, вероятно, также над Венгрией и Турцией по заключении мира с этими странами. Поэтому в договорах с Австрией [1]) и Болгарией [2]) имеются аналогичные статьи mutatis mutandis.

Главенствующие союзные державы имеют в Комиссии каждая по одному представителю. Делегаты Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и Италии принимают участие во всех заседаниях; делегат Бельгии участвует во всех заседаниях, кроме тех, в которых присутствуют делегаты Японии или Сербо-Хорвато-Словенского государства; делегат Японии принимает участие во всех заседаниях, обсуждающих морские вопросы или вопросы, касающиеся специально Японии; наконец, делегат Сербо-Хорвато-Словении привлекается к решению вопросов, касающихся Австрии, Венгрии или Болгарии. Остальные союзники при обсуждении в Комиссии их интересов или претензий должны присылать в нее своих делегатов, которые, однако, имеют право только совещательного голоса.

Говоря вообще, Комиссия решает большинством голосов, за исключением некоторых особых случаев, в которых требуется единогласие; важнейшие из них, это—вопросы о сложении долга с Германии, о длительной отсрочке отдельных взносов по продаже германских долговых обязательств. Комиссия наделена неограниченной властью для приведения в исполнение ее решений. Она может создать целый штаб исполнителей и делегировать свою власть своим уполномоченным. Комиссия и ее штаб пользуются привилегиями дипломатического корпуса; она получает жалование от Германии, которая, однако, не принимает участия в определении его размеров. Если Комиссия намерена выполнять свои многочисленные функции с надлежащим знанием дела, то ей придется создать целый штат чиновников, говорящих на разных языках, состоящий из сотен членов. Этой-то разноязычной организации, главная квартира которой будет находиться в Париже, должны быть вверены экономические судьбы Центральной Европы.

Главные функции Комиссии таковы:

1. Комиссия определит точную цифру счета, предъявляемого к неприятельским державам, на основании рассмотрения претензий каждого из союзников, что предусмотрено Прибавлением I к Главе о возмещении убытков. Эта задача должна быть выполнена к маю 1921 года. Это постановление должно предоставить правительствам Германии и ее союзников «надлежащую возможность высказать свои соображения, но не право какого-либо участия в решениях Комиссии». Таким образом она оказывается заинтересованной стороной и судьей в одно и то же время.

---

[1]) Сумма, которую Австрия должна уплатить в качестве возмещения убытков, всецело предоставлена на усмотрение Комиссии, так как в тексте договора не упомянуто никакой определенной цифры. Вопросы, касающиеся Австрии, подлежат компетенции особого отдела Комиссии, но этот отдел получает свою власть лишь по уполномочию общего собрания Комиссии.

[2]) Болгария должна уплатить 90.000.000 фунтов полугодовыми взносами, начиная с 1 июля 1920 года. Эта сумма должна быть собрана особой междусоюзнической Комиссией Контроля, заседающей в Софии и являющейся помощницей Комиссии по возмещению убытков. В известных отношениях эта пребывающая в Болгарии Комиссия представляется в своих полномочиях независимой от Комиссии по возмещению убытков, но тем не менее она должна действовать в качестве агента последней и держать ее в курсе дела, например, по вопросу об уменьшении суммы полугодовых взносов.

2. Определив общую цифру счета, Комиссия составит лист платежей с тем, чтобы вся сумма долга вместе с процентами была уплачена в течение тридцати лет. В целях изменения листа сообразно обстоятельствам, она должна от времени до времени «обследовать ресурсы и платежеспособность Германии... давая ее представителям удобный случай высказаться».

«При этих периодических обследованиях платежеспособности Германии Комиссия должна подвергать рассмотрению германскую систему налогов; это делается, во-первых, с тою целью, чтобы сумма, которую Германия обязана уплачивать в виде возмещения убытков, вносилась в первую очередь предпочтительно перед погашением какого бы то ни было внутреннего долга, а во-вторых, для того, чтобы Комиссия могла быть уверена, что система налогов Германии ложится не меньшею тяжестью на ее население, нежели соответствующая система любой державы, представленной в Комиссии».

3. В целях обеспечить к 1 мая 1921 г. уплату одного миллиарда фунтов, Комиссия имеет право потребовать от Германии выдачи любого вида собственности, где бы таковая ни находилась; другими словами, «Германия должна платить в таких суммах и таким способом, как признает нужным Комиссия, т.-е. золотом, товарами, кораблями, ценностями или иными вещами».

4. Комиссия имеет решить, какие права и доходы германских подданных в общественно-полезных предприятиях, находящихся в России, Китае, Турции, Австрии, Венгрии и Болгарии или в какой-либо территории, ранее принадлежавшей Германии, либо ее союзникам, подлежат экспроприации и передаче самой же Комиссии; она должна определить ценность, таким образом переданных ей доходов и поделить полученную добычу между союзниками.

5. Комиссия должна определить, какая часть отнятых таким образом у Германии средств должна быть возвращена ей, чтобы обеспечить ее экономическому организму достаточное количество сил, для того, чтобы она могла в будущем производить платежи союзникам [1]).

6. Комиссия должна определить, без всякой дальнейшей апелляции или чьего-либо посредничества, ценность имущества и прав, уступленных Германией в силу условий перемирия и договора, как-то: подвижного железнодорожного состава, коммерческого морского и речного флота, рабочего скота, Саарских угольных копей, собственности в уступленных территориях, стоимость которой должна быть засчитана в кредит Германии, и прочих статей.

7. Комиссия (в известных определенных пределах) должна определить общую сумму и ценность тех контрибуций, которые Германия обязана внести натурой в течение ряда лет, согласно различным прибавлениям к Главе о возмещении убытков.

8. Комиссия должна принять меры, чтобы Германия восстановила владельцам их собственность, которую можно опознать.

9. На Комиссию возлагается получение, заведывание и распределение всех поступлений из Германии в монете или в натуре. Кроме того,

---

[1]) Согласно договору эта функция вверяется не непременно Комиссии, но какому-либо особому органу, назначаемому с этой целью главными державами Согласия. Однако можно с уверенностью предполагать, что никакого специального органа для этой цели создано не будет.

она должна определять выпуски и продажу германских долговых обязательств.

10. Комиссия должна определить доли довоенного государственного долга, приходящиеся на отнятые у Германии территории Шлезвига, Польши, Данцига и Верхней Силезии. Кроме того, она должна распределить между составными частями бывшей Австро-Венгерской империи ее государственный долг.

11. Комиссия должна ликвидировать Австро-Венгерский государственный банк и иметь наблюдение над упразднением денежной системы прежней Австро-Венгерской империи и над заменой ее новыми системами.

12. Комиссия обязана представлять отчет в том, не уклоняется ли Германия от выполнения ее обязательств и, в случае надобности, предложить способы принуждения.

13. Говоря вообще, Комиссия через посредство подчиненных ей органов должна пользоваться теми же функциями по отношению к Австрии и Болгарии, как и по отношению к Германии; таковы же, вероятно, будут ее полномочия и по отношению к Венгрии и Турции [1]).

На Комиссию возлагается также целый ряд других менее важных обязанностей. Во всяком случае сделанного нами перечисления достаточно для характеристики цели и значения придаваемого ей авторитета. Этот авторитет приобретает еще гораздо большее значение благодаря тому, что требования договора вообще превосходят платежеспособность Германии. Вследствие этого постановления, которые уполномочивают Комиссию уменьшать платежи Германии, если она признает, что того требуют экономические условия побежденной страны, в различных отношениях отдадут в ее распоряжение всю экономическую жизнь Германии. Комиссия не только может выяснять общую платежеспособность Германии и решать в течение первых годов, какие пищевые продукты и сырые материалы необходимо ввезти в ее пределы, она имеет также право оказывать давление на германскую систему налогов (Прибавление II, § 12 в) [2]) и на внутренние расходы Германии, с тем, чтобы возмещение убытков союзникам было в первую очередь обеспечено за счет всех материальных средств страны; Комиссия должна, кроме того, определять, какое действие на экономическую жизнь Германии оказывают требования выдачи машин, рабочего скота, угля и проч.

В силу 240 статьи договора Германия формально признает Комиссию и ее полномочия «в том виде, как они будут определены правительствами Согласия», и «раз навсегда соглашается с тем, чтобы Комиссия обладала и пользовалась тою властью и авторитетом, какою настоящий договор наделит ее». Она обязуется доставлять Комиссии все необходимые сведения. Наконец, в силу статьи 241, «Германия обязуется допустить, издать и поддерживать в силе все законы, распоряжения и указы, которые окажутся необходимыми для полного осуществления относящихся сюда постановлений».

---

[1]) В то время, как была написана эта книга, с этими государствами еще не было заключено мирных договоров. Возможно, что Турция будет отдана в заведывание особой Комиссии.

[2]) Так, по моему мнению, должно будет определиться положение (если этот параграф вообще имеет какой-либо смысл), вопреки отрицанию подобных намерений в заявлении союзников: «§ 12 (в) Прибавления II не дает Комиссии права предписывать или навязывать Германии какие-либо виды налогов или определять характер германского бюджета».

Возражения, представленные по этому поводу германской финансовой Комиссией в Версале, едва ли можно считать преувеличенными: «Германская демократия уничтожена, таким образом, в тот самый момент, когда германский народ был готов создать ее после жестокой борьбы, она уничтожена теми самыми лицами, которые в продолжение войны неустанно повторяли, что их цель дать нам демократию... Германия уже более не будет ни народом, ни государством, она превращается в торговое дело, которое ее кредиторы передают в руки получателя, при чем ей не дается даже такой ничтожной гарантии, как возможность доказать свою готовность со всем усердием выполнять возложенные на нее обязательства. Комиссия, которая должна иметь свою главную квартиру вне Германии, будет располагать внутри ее гораздо большими правами, нежели те, какими когда-либо обладал германский император; под властью подобного режима германский народ надолго останется лишенным всяких прав; в гораздо большей степени, нежели какой-либо народ в эпоху абсолютизма, он будет лишен свободы деятельности и связан в стремлениях каждого лица к экономическому и даже моральному преуспеянию».

В своем ответе на эти возражения союзники отказывались признать за ними какое-либо содержание, основание или силу. «Возражения германской делегации,—гласит ответ,—дают такую искаженную и нетельной властью; вопреки высказанным возражениям, она не жить, что условия мирного договора спокойно и тщательно исследованы делегацией. Комиссия вовсе не является орудием угнетения или средством нарушения германского суверенитета. В ее распоряжении нет вооруженных сил; на территории Германии она не обладает исполнительной властью; вопреки высказанным возражениям, она не может ни направлять, ни контролировать систему воспитания или какую-либо другую отрасль управления страны. Ее назначение ответить на вопрос, сколько должно быть заплачено; удостовериться, что Германия может платить; наконец, осведомить державы, коих она является представительницей, в случае, если Германия не выполняет своих обязательств. Если Германия будет собирать требуемые с нее деньги по своему собственному способу, то Комиссия не имеет права приказать собирать их каким-либо иным способом; если Германия предлагает заплатить натурой, то Комиссия может принять такой платеж, но она не может потребовать его, исключая случаев, особо указанных в самом договоре».

Этот ответ не дает правдивого изображения цели и значения Комиссии по возмещению убытков; это тотчас становится ясным из сравнения ответа с суммарным изложением ее полномочий, сделанным выше, или текстом самого договора. Возможно ли, например, согласиться с утверждением, будто Комиссия «не имеет вооруженных сил в своем распоряжении», если статья 430 договора гласит: «В том случае, когда Комиссия, во время ли оккупации или по истечении определенных выше пятнадцати лет, найдет, что Германия отказывается выполнять обязательства по возмещению убытков, наложенных на нее договором, в их полном объеме или в части, то вся территория, указанная в 429 статье, или часть ее, немедленно должна быть снова занята державами Согласия?» Необходимо отметить, что решение вопроса, соблюдает ли Германия обязательства и является ли для нее возможным соблюдать их, предоставлено не Лиге наций, но самой Комиссии по возмещению убытков; несогласное с обязательствами управление должно вызвать со сто-

роны Комиссии «немедленное» применение вооруженной силы. Сверх того, преуменьшение полномочий Комиссии, которое союзники пытаются сделать в своем ответе, в значительной степени проистекает из предположения, что Германия свободна «собирать требуемые с нее деньги любым способом»; правда, в этом случае многие полномочия Комиссии на деле отпали бы сами собою; однако на самом деле одним из главных оснований учреждения Комиссии вообще является ожидание, что Германия, окажется не в состоянии выдержать возложенное на нее бремя.

В свое время было сообщено, что население Вены, узнав, что секция Комиссии по возмещению убытков намерена посетить город, характерным образом стала возлагать свои надежды на это посещение. Жителям казалось очевидным, что финансовая организация ничего не может взять у них, так как у них нет ничего; поэтому назначение этой организации должно заключаться в помощи населению и облегчении его положения. Так рассуждают жители Вены, сохраняя и в несчастии свое легкомыслие. Но, может быть, они и правы. Комиссия по возмещению убытков неминуемо войдет в близкое соприкосновение с проблемами европейской жизни; она будет нести ответственность сообразно с полномочиям. Таким образом ей, может быть, придется сыграть совсем иную роль, нежели та, которую готовили для нее ее учредители. Предположим, что ее функции будут переданы Лиге наций, этому органу принципа справедливости, а не материальных интересов, и тогда, кто знает, не превратится ли Комиссия по возмещению убытков в нечто совсем иное? Быть может, благодаря изменению настроения и сферы деятельности, она сделается не орудием притеснения и грабежа, но экономическим Советом всей Европы, целью которого станет воссоздание жизни и счастья даже в неприятельских странах.

5. Ответные предложения Германии.

Ответные предложения Германии были несколько темны по своему содержанию и даже, пожалуй, недобросовестны. Следует заметить, что те статьи Главы о возмещении убытков, которые трактуют о выпуске Германией облигаций, произвели на общество такое впечатление, будто бы платежи Германии определялись в сумме 5.000.000.000 фунтов или, во всяком случае, в этой цифре, как минимальной. Поэтому германская делегация попыталась построить свой ответ на принятии этой цифры за основание, очевидно, предполагая, что общественное мнение в союзных странах не удовлетворится меньшим, нежели, по крайней мере, *видимость* этих пяти миллиардов; так как делегация на деле вовсе не намеревалась предложить столь высокую цифру, она пустила в ход всю свою ловкость, чтобы изобрести такую формулу, которую можно было бы представить общественному мнению союзных стран, как дающую лишь такую сумму, между тем как на деле она представляла бы сумму, гораздо более скромную. Однако такой смысл изготовленной германцами формулы был очевиден для каждого, кто тщательно познакомился с нею и кто знал факты; поэтому едва ли можно было ожидать, что ее авторам удастся надуть представителей союзных держав. Таким образом тактика германцев исходила из предположения, что эти представители не менее, чем они сами, втайне озабочены скорейшим достижением такого соглашения, которое было бы сообразно с обстоятельствами; вследствие этого, думали германцы, представители союзников, связав себя невыполнимыми обязательствами перед своей

собственной публикой, охотно пойдут на некоторую сделку при редактировании договора; такое предположение при несколько иных обстоятельствах могло оказаться далеко не безосновательным. Однако, при действительном положении дела их хитрость не принесла им никакой пользы, и они поступили бы гораздо правильнее, если бы прямо и откровенно высказали свое мнение как относительно суммы обязательств Германии, так и относительно ее способности платить.

Предложение Германии заплатить сумму в 5 миллиардов фунтов сводилось к следующему. Во-первых, оно было обусловлено определенными уступками в ее пользу в договоре, которые гарантировали бы, что «Германия сохраняет свою территориальную неприкосновенность сообразно конвенции, заключенной при перемирии; далее, она удерживает свои колониальные владения и торговый флот, включая суда крупного тоннажа; как в своей собственной стране, так и во всем мире, она должна пользоваться одинаковой с прочими народами свободой действий; все законодательство, вызванное войною, должно быть разом уничтожено, и всякое нарушение ее экономических прав, равно как задержание частной собственности германских подданных, практиковавшееся во время войны, должно быть сообразовано с принципом взаимности»; это значит, что германское предложение предполагает отказ союзников от большей части прочих постановлений договора. Во-вторых, денежные требования не должны превосходить maximum, определяемый в 5 миллиардов, из коих 1 миллиард должен быть выплачен к 1 мая 1926 года; при этом никакая доля этой суммы не будет приносить процентов, пока производится уплата самой суммы[1]). В-третьих, для ее уплаты следующие статьи (между прочими вещами) засчитываются в кредит Германии: a) стоимость всех предметов, выданных Германией согласно условиям перемирия, включая сюда и военные материалы (напр., германский военный флот); b) стоимость железных дорог и государственных имуществ в уступленных территориях; c) соответственные доли германского государственного долга, падающие на все уступленные территории (включая и военный долг), равно как доли платежей убытков, которые эти территории должны были бы внести, если бы они остались по-прежнему за Германией, и d) суммы, данные ею взаймы ее союзникам во время войны, от получения которых она теперь отказывается[2]).

Кредиты, которые Германия имеет получить согласно пунктам a, b, c и d, могут оказаться выше тех, которые допущены настоящим договором, на сумму не менее чем в 2 миллиарда фунтов, согласно приблизительной оценке, хотя цифру, получаемую согласно пункту d, вычислить едва ли возможно.

Итак, если мы желаем определить, чему равняется в действительности германское предложение уплаты 5 миллиардов фунтов на основе, изложенной в договоре, мы должны прежде всего вычесть 2 миллиарда, которые Германия требует засчитать ей в кредит, чего договор не допускает, и затем разделить остаток пополам, чтобы получить нынешнюю

---

[1]) Предполагая, что капитальная сумма долга будет уплачена равными взносами в течение периода только в 33 года, это условие приводит к сокращению наполовину всего бремени долга сравнительно с платежем, при котором еще невыплаченный долг должен приносить 5% годовых.

[2]) Я оставляю в стороне прочие детали германскаго предложения, ограничиваясь этими существенными пунктами.

стоимость отсроченного платежа, с которого проценты не взимаются. Все это сводит предложение к 1.500.000.000 фунтов вместо 8 миллиардов, которые, согласно моему приблизительному расчету, договор требует с Германии.

Само по себе это предложение весьма значительно, и в самом деле оно возбудило критику в широких кругах германского общества; однако, в виду того, что оно было обусловлено отказом союзников от большей части прочих постановлений договора, его едва ли можно считать сделанным всерьез [1]). Германская делегация поступила бы правильнее, если бы недвусмысленно заявила, как далеко она готова итти навстречу требованиям союзников.

В окончательном ответе союзников на германские предложения имеется одно важное постановление, о котором я не упоминал до сих пор, но которое уместно привести здесь. Говоря вообще, первоначальная редакция Главы о возмещении убытков не была изменена в смысле каких-либо уступок Германии, однако союзники признали, что *неопределенность* бремени, возлагаемого на Германию, представляет неудобства и предложили способ для установления окончательной суммы претензий в срок, более близкий, нежели 1 мая 1921 года. Поэтому они обещали, что в любой момент в течение четырех месяцев после подписания договора (т.-е. до конца октября 1919 года) Германия имеет право предложить круглую сумму в качестве погашения всех ее обязательств, установленных в договоре; в течение следующих затем двух месяцев (т.-е. ранее конца 1919 года) союзники «по возможности дадут ответ на всякое предложение, которое будет сделано».

Это предложение поставлено в зависимость от трех условий. «Во-первых, раньше, чем сделать такие предложения, германские власти должны снестись с представителями непосредственно заинтересованных держав. Во-вторых, предложения должны быть недвусмысленны, точны и ясны. В-третьих, они должны признавать, что установленные категории платежей и статьи убытков, подлежащие возмещению, не подлежат новому обсуждению».

Предложение в той форме, в какой оно сделано, не предусматривает разрешения проблемы платежеспособности Германии. Оно ограничивается только установлением общего счета претензий, определенных в договоре, будет ли он равен примерно семи, восьми или десяти миллиардам фунтов. «Вопрос заключается, — сказано в ответе союзников,— только в установлении факта, т.-е. суммы обязательств, и вопрос этот можно разрешить указанным путем».

Если обещанные переговоры в самом деле будут поведены в таком направлении, то они едва ли будут плодотворны. Столковаться относительно какой-либо определенной цифры к концу 1919 г. будет не легче, чем во время самой Конференции, а финансовое положение Германии нисколько не улучшится от того, что она будет точно знать, что она обязана заплатить огромную сумму, которая получится в результате такого подсчета обязательств, налагаемых договором.

Как бы то ни было, эти переговоры все же дадут возможность вновь поднять весь вопрос о возмещении убытков в целом, хотя при этом едва

---

[1]) По этой причине его нельзя сравнивать с оценкой платежеспособности Германии, сделанной мною в одном из предыдущих отделов этой главы; моя оценка принимает во внимание то положение, в какое выполнение остальных постановлений договора поставит Германию.

ли можно надеяться, что общественное мнение союзных стран может существенно измениться в такой короткий срок[1]).

В заключение этой главы я должен сказать, что правильное суждение о вопросах, составляющих ее содержание, не должно строить только на наших собственных интересах или на общих экономических фактах. Политика, стремящаяся обратить Германию в рабство на целое поколение, поставить миллионы людей в нищенские условия существования, лишить целую нацию счастья, должна быть признана ужасной и возмутительной; она остается таковою, даже если бы она была целесообразна, если бы она могла обогатить нас самих, если бы она не вносила зародыши упадка и разрушения в культурную жизнь всей Европы. Есть люди, которые проповедуют такую политику во имя справедливости. В великих событиях мировой истории, в развертывании запутанной нити народных судеб то, что называется справедливостью, не так-то просто определить. Но если бы даже это было просто и легко, все же ни религия, ни обычное нравственное чувство не дают нациям права взвалить на плечи детей их врагов ответственность за преступления, совершенные их отцами или их правителями.

---

[1]) Вследствие того, что союзники неоднократно откладывали ратификацию договора, Комиссия по возмещению убытков еще в конце октября 1919 года не успела организоваться. Поэтому, насколько мне известно, для осуществления вышеупомянутого предложения, не было сделано ничего. Впрочем, в виду наступавших обстоятельств предусмотренные им сроки могли быть продлены.

ГЛАВА VI.

Европа после мирного договора.

В этой главе приходится быть пессимистом. Мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы, ничего для того, чтобы превратить побежденные центральные державы в добрых соседей, ничего для того, чтобы дать устойчивость вновь созданным государствам, чтобы образумить Россию; он не подготовил пути для осуществления экономической солидарности в среде самих союзников; в Париже не пришли ни к какому соглашению по вопросу о восстановлении расстроенных финансов Франции и Италии и ничего не сделали для согласования системы Европы и Нового Света.

Совет Четырех не придал никакого значения этим вопросам; он был занят другим: Клемансо думал о том, как бы задушить экономическую жизнь врага, Ллойд-Джордж, как бы поудачнее совершить сделку и привезти домой нечто такое, что выдержит критику на неделю, президент, как бы не сделать чего-либо противного справедливости и праву. Во всем, что произошло, замечательно то, что основная экономическая проблема Европы, угрожаемой истощением и разлагающейся на глазах, была единственным вопросом, к которому было невозможно привлечь внимания Совета Четырех. Из всех экономических вопросов только возмещение убытков возбуждало его интерес, но члены Совета решали его как проблему теологии, политики или предвыборной интриги, с какой угодно точки зрения, но только не с точки зрения экономического будущего тех государств, судьба которых была им вверена.

С этого момента я покидаю Париж, Конференцию и договор, чтобы заняться рассмотрением того состояния Европы, которое создалось в результате войны и мира; в этом состоянии я не буду делать различия между следствиями войны, которые были неизбежны, и несчастиями, причиненными мирным договором, которые были вполне устранимы.

Важнейшие явления настоящего положения, как представляются они мне, могут быть выражены весьма просто. Европа имеет самое густое население, какое когда-либо знал мир. Это население привыкло к сравнительно высокому уровню жизненных потребностей, и даже теперь в некоторых областях жизни предвидится скорее их улучшение, нежели ухудшение. Сравнительно с прочими континентами земного шара Европа не может сама удовлетворять всем своим потребностям; в частности она не может прокормиться самостоятельно. Внутри ее население распределено неравномерно, но значительная его часть уплотнена в сравнительно небольшом количестве промышленных центров. Это население до войны обеспечило себе средства к существованию, бо-

особых шансов на увеличение их в будущем, посредством хрупкой и в высшей степени сложной организации на основе угля, железа и транспорта, а также непрерывного подвоза пищевых продуктов и сырья из других континентов земного шара. Вследствие разрушения этой организации и перерыва в подвозе часть этого населения лишена средств к существованию. Для его огромного избытка нет выхода путем эмиграции. Целые годы потребовались бы для того, чтобы перевезти его за океан, даже если бы сверх всякого ожидания нашлись страны, готовые принять его. Поэтому мы идем навстречу опасности быстрого понижения в образе жизни европейского населения вплоть до голода для некоторой его части (положение, до которого уже дошла Россия и почти дошла Австрия). Люди не всегда готовы умирать спокойно. Голод, который приводит одних к летаргии и безнадежному унынию, вызывает в людях иного темперамента расстройство нервов и истерию, доходящие до безумного отчаяния. Доведенные до крайности, они могут опрокинуть последние остатки организации и затопить самую цивилизацию, пытаясь удовлетворить давящую их личную нужду. Такова опасность, для борьбы с которой мы должны призвать, не медля, все наши материальные рессурсы, все наше мужество и идеализм.

13-го мая 1919 года граф Брокдорф-Рантцау представил мирной Конференции записку германской экономической комиссии, посвященную рассмотрению тех последствий, какие условия мирного договора будут иметь для населения Германии. «В период жизни двух последних поколений, — говорит записка, — Германия из земледельческой страны превратилась в промышленную. Пока она занималась преимущественно земледелием, она могла прокормить сорок миллионов жителей. В качестве государства промышленного она могла обеспечить существование шестидесяти семи миллионам; в 1913 году ее ввоз пищевых продуктов доходил круглым числом до двенадцати миллионов тонн. До войны пятнадцать миллионов человек поддерживали свое существование иностранной торговлей, мореплаванием и обработкой, прямо или косвенно, привозных сырых материалов». Приведя главные относящиеся сюда постановления мирного договора, записка продолжает: «Вследствие сокращения ее производства, вследствие экономической депрессии, проистекающей от потери колоний, торгового флота и иностранных капиталов, Германия не будет в состоянии ввозить из-за границы необходимое ей количество сырья. Значительная часть ее промышленности поэтому неизбежно обрекается на разрушение. Потребность ввоза пищевых продуктов должна значительно возрасти, а в то же время возможность удовлетворения этой потребности должна в такой же степени уменьшиться. Поэтому в ближайшем будущем Германия не сможет дать занятия и хлеба многим миллионам своего населения, которые теперь лишены заработка в мореплавании и торговле. Эти миллионы должны бы эмигрировать, однако это фактически невозможно всего более по той причине, что многие страны, и притом наиболее важные, будут против всякой германской иммиграции. В силу этого выполнить условия мирного договора в буквальном смысле значит погубить миллионы германских подданных. Эта катастрофа не заставит себя долго ждать, если принять во внимание, что состояние здоровья населения подорвано блокадой во время войны и усилением голодной блокады во время перемирия. Никакая помощь, как бы ни была она велика и продолжительна, не сможет предупредить гибель населения *en masse*». «Мы не знаем,— заключает записка, — мы в самом деле сомневаемся, представляют ли

себе делегаты держав Согласия неизбежные последствия, которые наступят, если Германия, промышленное государство, с ее густым населением, с тесными связями с экономической системой всего мира, с ее потребностью в ввозе огромных количеств пищевых продуктов и сырья, внезапно окажется отброшенной назад к той фазе развития, в которой ее экономическая жизнь и количество населения находились полстолетия тому назад. Те, кто подписывают этот договор, подпишут смертный приговор многих миллионов германских мужчин, женщин и детей».

Я не слышал, чтобы на эти слова был дан равносильный ответ. Содержащийся в них обвинительный акт применим в такой же мере к договору с Австрией, как и с Германией. Перед нами стоит основная проблема, в сравнении с которой вопросы о территориальных соглашениях и равновесии европейских держав не имеют значения. Многие катастрофы в истории, которые на целые столетия отбросили назад прогресс человечества, представляли не что иное, как реакцию, вызванную внезапным исчезновением благоприятных условий, допустивших рост населения сверх того количества, которое могло быть прокормлено, когда эти благоприятные условия пришли к концу.

Наиболее знаменательные черты нынешнего положения могут быть сгруппированы в три категории: во-первых, абсолютное понижение в настоящее время внутренней производительности в Европе; во-вторых, расстройство транспорта и обмена, посредством которых ее продукты могли бы быть доставлены на места наивысшего спроса; и в-третьих, неспособность Европы закупить необходимое количество материалов за океаном.

Сокращение производительности оценить не легко; его можно преувеличить. Но уже *на первый взгляд* его очевидность производит подавляющее впечатление, и указание на этот факт придавало особенный вес точно обоснованным предостережениям Гувера. Оно проистекает от разнообразных причин; эти причины—длительные и бурные беспорядки в России и Венгрии; возникновение новых государств, неопытных в деле устройства экономических отношений, как, например, Польши и Чехо-Словакии; потеря на пространстве всего континента значительного количества рабочей силы вследствие гибели людей на войне и продолжительности мобилизации; ослабление этой силы вследствие продолжительного недоедания в центральных государствах; истощение почвы вследствие недостатка искусственного удобрения в течение войны; неуверенность рабочего класса в материальной обеспеченности жизни. Но главное (как говорит Гувер) «повсюду наблюдается упадок способности к напряжению, как реакция на физическое истощение большой части населения вследствие лишений, а также нервных и физических усилий, вызванных войной». По тем или другим причинам множество народа оказывается без применения. По словам того же Гувера, отчет бюро для безработных в Европе в июле 1919 года показывает, что 15.000.000 семейств получают пособия в той или иной форме и содержатся на счет государства, главным образом, посредством непрерывных новых выпусков кредитных билетов. В Германии сюда присоединяется еще одно условие, отвращающее от труда и применения капитала (поскольку требования возмещения убытков понимаются буквально); это условие заключается в требовании, чтобы все, что они создадут сверх самого скудного уровня потребностей, должно в течение целого ряда лет отбираться в пользу других.

Те определенные данные, которыми мы обладаем, прибавят, быть может, лишь немного к общей картине упадка. Я все же напомню читателю некоторые из них. Добыча угля в Европе, согласно принятой оценке, пала на 30%, между тем бо́льшая часть промышленности Европы и вся система ее транспорта зависят от угля. До войны Германия сама производила 85% всей пищи, потребляемой ее населением; теперь производительность почвы в Германии уменьшилась на 40%, а качество рабочего скота на 55% [1]). Из европейских стран, которые прежде располагали излишком для вывоза, Россия, как вследствие расстройства транспорта, так и вследствие сокращения производительности, сама доведена до голодовки. Венгрия, помимо прочих ее испытаний, была ограблена румынами непосредственно после жатвы. Австрия должна потребить сама весь сбор урожая 1919 года еще до конца календарного года. Цифры производят чересчур подавляющее впечатление, чтобы получить в наших глазах убедительную силу; если бы они не были так мрачны, наше доверие к ним было бы, пожалуй, сильнее.

Но даже когда можно получить уголь и собрать хлеб, расстройство европейской железнодорожной сети мешает их перевозке; и даже когда товары можно выработать, расстройство европейской денежной системы не допускает их продажи. Я уже говорил о потерях, причиненных войною и конфискацией германской системе транспорта. Но даже после этого положение Германии, принимая во внимание ее способность к возмещению потерянного, вероятно, не столь серьезно, как положение некоторых ее соседей. В России (относительно которой наши сведения впрочем весьма скудны и неточны) состояние подвижного состава, по общему мнению, безнадежно, и это является одним из главных факторов ее теперешней экономической разрухи. В Польше, Румынии и Венгрии положение оказывается не многим лучше. Но ведь современная промышленная жизнь существенным образом зависит от нормального состояния транспорта, и население, которое обеспечивало себе средства существования таким способом, не может обойтись без него. Расстройство денежного обращения и потеря веры в покупательную силу денег представляет усиление этих бед; но его мы рассмотрим несколько подробнее в связи с международной торговлей.

Итак, какова же наша картина состояния Европы? Сельское население, могущее существовать продуктами своего собственного земледельческого труда, но не имеющее обычного излишка для городов, а также (вследствие недостатка ввозимых материалов и таким образом разнообразия и необходимого количества продажной мануфактуры в городах) лишенное побудительных импульсов к продаже пищи в обмен на другие товары; промышленное население, неспособное поддерживать свою рабочую силу вследствие недостатка питания, лишенное заработка вследствие недостатка материалов и таким образом неспособное восстановить домашнюю производительность подвозом из-за границы. Согласно Гуверу «приблизительное исчисление показывает, что население Европы, по крайней мере, на 100.000.000 превышает то количество, которое она может прокормить без подвоза извне и которое должно жить обытом за границу и распределением прибыли от этого сбыта».

Проблема восстановления постоянной циркуляции производства и обмена путем внешней торговли приводит нас к необходимости рассмотреть состояние денежного обращения в Европе.

---

[1]) Профессор Starling—Report on Food Conditions in Germany. (Стр. 280.)

Как говорят, Ленин заявил, что наилучшим средством, чтобы расстроить капиталистическую систему, является разложение системы денежного обращения. Непрерывно производя все новые выпуски кредитных билетов, правительство может тайно и незаметно конфисковать значительную часть богатств своих подданных. Посредством такого приема оно не только конфискует, но конфискует *произвольно;* и между тем как этот процесс многих доводит до нищеты, он также обогащает некоторых. Зрелище такого произвольного перераспределения богатств подрывает не только обеспеченность порядка, но и веру в справедливость существующего распределения богатств. Те, кому эта система приносит неожиданную прибыль, помимо их собственных заслуг, даже помимо их расчетов или желаний, превращаются в «спекулянтов», которые становятся предметом ненависти буржуазии, разоренной ростом бумажного обращения, равно как и пролетариата. По мере того, как увеличивается количество бумажных денег и действительная ценность денег изменяется с каждым месяцем, все постоянные отношения между должником и кредитором, которые образуют в конечном счете основу капитализма, приходят в такое внутреннее расстройство, что теряют почти всякий смысл и процесс накопления богатства вырождается в азартную игру или лотерею.

Ленин без сомнения прав. Не может быть более хитрого, более верного средства для того, чтобы опрокинуть основу общества, чем расстройство денежного обращения. Процесс направляет все скрытые силы экономического закона в сторону разрушения и делает это так, что ни один человек из миллиона не в силах отыскать корень зла.

В последнем периоде войны все воюющие правительства из нужды или по неумению делали то, что большевик хотел бы делать предумышленно. Даже теперь, когда война уже окончилась, большинство из них из слабости продолжает то же самое злоупотребление. По рядом с этим европейские правительства, проявляя в своих методах не только слабость, но и легкомыслие, стараются направить против класса, прозванного «спекулянтами», народное негодование, вызванное наиболее бросающимися в глаза следствиями их губительных методов. Эти «спекулянты», говоря вообще, являются классом капиталистов-предпринимателей, т.-е. активным и конструктивным элементом капиталистического общества; в период внезапного повышения цен они быстро обогащаются независимо от того, желают они этого или нет. Если цены находятся в состоянии непрерывного повышения, то всякий купец, который закупил известное количество товаров в запас или владеет орудиями производства, неизбежно получает барыши. Поэтому, направляя ненависть населения против этого класса, европейские правительства делают еще один шаг дальше по пути того рокового процесса, который сознательно придумал тонкий ум Ленина. Спекулянты являются следствием, а не причиной повышения цен. Присоединяя народную ненависть против класса спекулянтов к тому удару, который нанесен уже общественному порядку насильственным и произвольным нарушением принятых в обществе обязательств и прочного равновесия богатств, которое есть результат падения ценности денег, эти правительства в скором времени сделают невозможным продолжение социального и экономического порядка XIX века. По чем заменить его, они себе не представляют.

Таким образом мы наблюдаем в Европе проявление необычайной слабости со стороны великого капиталистического класса, который вы-

шел из промышленных триумфов XIX века и несколько лет тому назад казался нашим всемогущим повелителем. Запуганность и личная робость членов этого класса стала теперь так велика, их вера в свое общественное назначение и свою необходимость для социального порядка до такой степени ослабела, что они легко становятся жертвами устрашения. Не таково было самосознание капиталистов в Англии двадцать пять лет тому назад; оно было даже иным, нежели теперь в Соединенных Штатах. В то время капиталисты верили в себя, в свое высокое значение для общества, в полезность своего существования среди полного наслаждения богатством и неограниченного проявления могущества. Теперь же они дрожат перед малейшими нареканиями,—назовите их германофилами, интернациональными банкирами или спекулянтами, и они уже готовы откупиться чем угодно, лишь бы заставить вас прекратить свои нападки. Они терпят, чтобы их собственные орудия, правительства, которые они же создали, и пресса, которая куплена ими, вели их к разорению и полной гибели. Быть может, история доказывает, что никакой общественный порядок не погибает иначе, как по собственной своей вине. Так и теперь в сложном мире Западной Европы имманентная воля может хитро избрать пути для достижения своей цели и также неизбежно провести революцию руками Клоцев и Ллойд-Джорджей, как в России она избрала своим орудием безжалостный и самоуверенный интеллектуализм кучки кровожадных интеллигентов.

Выпуск бумажных денег во всей Европе достиг огромных размеров. Различные воюющие правительства, неспособные, слишком робкие или слишком непредусмотрительные, чтобы добывать необходимые ресурсы посредством займов или обложения, стали печатать кредитные билеты, чтобы свести концы с концами. В России и Австро-Венгрии этот процесс достиг такой степени, на которой деньги для внешней торговли практически стали непригодны. Польскую марку можно купить приблизительно за 1½ пенса, а австрийскую крону менее чем за один пенс, но покупателя для них найти невозможно. На денежном рынке германская марка ценится менее чем в два пенса. В большинстве прочих стран восточной и юго-восточной Европы положение приблизительно то же. Итальянская денежная единица упала несколько больше, чем наполовину своей номинальной стоимости, несмотря на то, что денежное обращение Италии еще может быть несколько урегулировано; ценность французских денег на рынке неустойчива, и даже английский стерлинг серьезно уменьшился в цене, и его виды на будущее ухудшаются.

Но между тем как ценность всех этих денег становится колеблющейся за границей, у себя дома они никогда не теряют полностью свою покупательную силу, даже в самой России. Чувство доверия к законной монете так глубоко укоренилось среди населения всех стран, что люди не могут не предполагать, что современем эта монета снова получит хотя бы часть своей прежней ценности. В их воображении эта ценность является по природе присущей монете, как таковой, и они не подозревают, что реальное богатство, которое было представлено ею, уже растрачено однажды навсегда. Это чувство находит поддержку в разнообразных законодательных мероприятиях, коими правительства пытаются регулировать цены внутри страны и таким путем обеспечить некоторую покупательную силу за своим легальным орудием обмена. Таким образом законодательство обеспечивает возможность покупать некоторые товары, а воображение и привычка сохраняют, в особенности среди кресть-

янского населения, охоту накоплять кредитки, которые в действительности ничего не стоят.

Сохранение фиктивной ценности денег с помощью правительственного регулирования цен содержит в себе, однако, зародыши конечного экономического упадка и быстро высушивает источники последних средств. Если человек принужден обменивать плоды своих трудов на бумагу, которою он, как скоро показывает ему опыт, не может воспользоваться для покупки нужных ему предметов по ценам, соответствующим стоимости его собственных продуктов, то он предпочтет хранить эти продукты для себя, раздать их своим друзьям и соседям в виде одолжения или сократить их производство. Система принудительного обмена товаров по цене, не соответствующей их реальной стоимости, не только ослабляет производительность, но в конце концов приводит к убыточному и недостаточному способу менового торга. Но с другой стороны, если правительство вовсе воздерживается от регулирования и предоставляет вещи их естественному ходу, то предметы первой необходимости быстро достигают такой цены, которая доступна только для богачей, обесценение денег становится очевидным и обман по отношению к обществу разоблачается вполне.

Регулирование цен и травля спекулянтов с целью ослабить вредные последствия увеличения бумажного обращения производят еще худшее действие на внешнюю торговлю. Каково бы ни было положение внутри страны, ценность денег за границей должна быстро достигнуть своего надлежащего уровня, и в результате получается потеря соответствия цен внутри и вне страны. Стоимость ввозимых товаров, переведенная на существующий в данный момент курс, оказывается значительно выше местной цены, и, таким образом, много предметов первой необходимости становится невозможным ввезти путем частного посредничества; их ввоз государству приходится взять в свои руки и, продавая их затем ниже себестоимости, итти еще дальше по пути к банкротству. Дешевая продажа хлеба населению, ныне почти всюду принятая в Европе, представляет наиболее яркий пример этого явления.

Страны Европы в настоящее время распадаются на две различные группы, из которых каждая дает своеобразные проявления одного и того же зла; одна группа представляет страны, выключенные из международных сношений блокадой, другая—страны, которые оплачивали свой ввоз средствами своих союзников. Германия является типичным примером первой группы, Франция и Италия—второй.

Количество кредитных билетов в Германии почти в десять раз [1]) превышает их количество до войны. Стоимость бумажной марки, выраженная в золоте, равняется приблизительно $\frac{1}{8}$ ее прежней стоимости. Так как во всем мире цены в золотой валюте более чем удвоились сравнительно с прежним временем, то отсюда следует, что цены внутри Германии, выраженные в марках, должны бы повыситься в шестнадцать или двадцать раз сравнительно с довоенным временем, если бы они находились в точном соответствии с ценами вне Германии [2]). Однако на деле положение не таково. Несмотря на сильное повышение цен в Германии, в среднем они, вероятно, не превышают прежний уровень более,

---

[1]) Если сюда включить Darlehenscassenscheine, то превышение выходит несколько значительнее.

[2]) Равным образом в Австрии цены должны превышать от двадцати до тридцати раз их прежний уровень.

чем в пять раз в отношении к главным предметам промышленности; невозможно предполагать, что они будут расти и впредь, кроме того случая, если одновременно и резко будет повышено денежное жалованье. Существующее несоответствие цен мешает двумя путями (не считая прочие препятствия) тому оживлению ввозной торговли, которое является существенным условием экономического восстановления страны. Во-первых, ввозимые товары своей ценою превышают покупательную способность широких масс населения [1]), и прилив ввоза, которого можно было бы ожидать в результате снятия блокады, оказывается коммерчески неосуществимым [2]). Во-вторых, для купца или фабриканта будет рискованно покупать с помощью заграничного кредита материалы, за которые, после их ввоза или обработки у себя дома, он выручит марки, имеющие совершенно непрочную ценность. Это последнее препятствие оживлению торговли очень легко ускользает от наблюдения и обращает на себя мало внимания. В настоящий момент невозможно сказать, какова будет ценность марки в иностранной денежной единице через три или четыре месяца или через год, и в этом отношении денежный рынок не может указать никакой надежной цифры. Поэтому германский коммерсант, которому теперь предлагают краткосрочный кредит в стерлингах или долларах, в интересах своей репутации и будущего кредита, будет колебаться, может ли он принять такое предложение. Он будет должен стерлинги или доллары, выручать же за свой продукт будет марки, а возможность превратить их в нужное время в те деньги, какими он должен платить, оказывается совершенно проблематичной. Коммерческая деятельность теряет свой настоящий характер и превращается в простую спекуляцию на разницу цен, колебания которой совершенно уничтожают нормальные выгоды торговли.

Итак, мы наблюдаем три различных препятствия для оживления торговли: несоответствие между внутренними и международными ценами, недостаток личного кредита за границей для закупки сырья, необходимого, чтобы обеспечить промышленный капитал и возобновить обмен, и, наконец, расстройство денежного обращения, которое делает кредитные операции рискованными или невозможными помимо обычного риска коммерческой деятельности.

Количество кредитных билетов во Франции более чем в шесть раз превышает их количество до войны. Но курс франка в золоте несколько ниже, чем две трети его прежней ценности; это значит, что его ценность не понизилась сообразно увеличению бумажного обращения [3]). Очевидное преимущество положения Франции объясняется тем, что до последнего времени очень большая часть ее ввоза не была оплачена, но была покрыта займами у Великобритании и Соединенных Штатов. Это вызвало потерю равновесия между экспортом и импортом, что становится весьма

---

[1]) Одна из самых поразительных и знаменательных трудностей, которые союзные власти встретили в оккупированных территориях в Германии во время перемирия, заключалась в том, что даже когда они привезли сюда пищевые продукты, жители не могли заплатить цену их себестоимости.

[2]) Теоретически ненормально низкий уровень домашних цен должен поощрять экспорт и таким образом сам собою приходить в норму. Однако в Германии, а тем более в Польше и Австрии, нет почти ничего, что можно было бы вывозить. Таким образом, чтобы начался вывоз, ему должен *предшествовать* ввоз.

[3]) Сообразно положению ценности золота, меновая ценность франка должна бы равняться менее, чем 40% его прежней ценности вместо нынешней цифры, равной 60%, если бы его падение было пропорционально увеличению количества кредитных билетов.

серьезным фактором теперь, когда внешняя помощь постепенно сокращается. Внутренняя экономия Франции и уровень ее цен в отношении к обращению кредитных билетов и иностранным вексельным курсам в настоящее время основаны на превышении ввоза над вывозом, которое не может продолжаться впредь. Однако трудно предвидеть, каким образом можно урегулировать это положение, кроме как понижением потребления во Франции, которое даже в течение короткого времени вызовет сильное неудовольствие [1]).

В положении Италии нет существенных различий. Ее кредитное обращение в пять или шесть раз превышает довоенную норму, а ценность лиры в золоте равна приблизительно половине ее прежней стоимости. Таким образом соответствие курса лиры и количества кредитных билетов в Италии оказывается более точным, нежели во Франции. С другой стороны «невидимые» доходы Италии, проистекающие от денежных посылок эмигрантов и расходов туристов, пострадали весьма значительно; развал Австрии лишил ее важного рынка; свойственная ей зависимость от чужестранного морского транспорта и от ввоза всякого рода сырья, принесла ей особый ущерб, благодаря росту цен во всем мире. В силу всех этих причин ее положение оказывается серьезным, а превышение ввоза таким же значительным симптомом, как и во Франции [2]).

Рост кредитного обращения и неуравновешенность внешней торговли как во Франции, так и в Италии, еще ухудшены состоянием бюджета обоих этих государств.

Нежелание Франции повышать обложение общеизвестно. До войны совокупность французского и английского бюджетов, а также среднее обложение на человека были почти равны; но Франция не сделала заметного усилия с целью покрыть растущие издержки. Согласно исчислению «во время войны в Великобритании налоги увеличились с 95 до 265 франков на человека, между тем как во Франции они увеличились с 90 франков только до 103 франков». Налоговое обложение, утвержден-

---

[1]) Следующая таблица показывает, как далек от равновесия международный обмен Франции:

Средний месяц года.	Ввоз в тысячах фунтов.	Вывоз в тысячах фунтов.	Превышение ввоза в тысячах фунтов.
1913	28.071	22.934	5.137
1914	21.341	16.229	5.112
1918	66.383	13.811	52.572
Январь—Март 1919	77.428	13.334	64.094
Апрель—Июнь 1919	84.282	16.779	67.503
Июль 1919	93.513	24.735	68.778

Эти цифры выражены в фунтах, приблизительно, по паритету, но это в общем уравновешивается тем, что данные для торговли 1918 и 1919 годов оценены по официальному курсу 1917 года. Французский импорт, вероятно, не сможет в будущем дать даже приблизительно те же цифры и видимость благосостояния, основанного на таком положении дела, является обманчивой.

[2]) Цифры ввоза и вывоза Италии таковы:

Средний месяц года.	Ввоз в тысячах фунтов.	Вывоз в тысячах фунтов.	Превышение ввоза в тысячах фунтов.
1913	12.152	8.372	3.780
1914	9.744	7.368	2.376
1918	47.005	8.278	38.727
Январь—март 1919	45.848	7.617	38.231
Апрель—июнь 1919	66.207	13.850	52.357
Июль—август 1919	44.707	16.903	27.804

ное палатой депутатов на 1919 финансовый год, истекающий 30 июня, равнялось менее чем половине нормальных расходов Франции после войны. Нормальный бюджет на будущее время не может быть исчислен менее чем в 880.000.000 фунтов (22 миллиарда франков), а может быть даже превысит эту цифру; но даже для бюджетного 1919—1920 года внесенные в смету поступления налогов должны покрыть лишь немногим более этой суммы. Французское министерство финансов не имеет никакого плана для покрытия этого огромного дефицита; оно ограничивается ожиданием платежей Германии в таких размерах, которые, как это знают сами французские чиновники, не имеют никаких реальных оснований, а пока что, они стараются помочь положению распродажей военного материала и американских складов и не колеблются даже во второй половине 1919 года покрывать дефицит новыми выпусками билетов французского банка [1]).

Состояние бюджета в Италии, пожалуй, несколько лучше. Здесь финансовое ведомство во время войны было предприимчивее, нежели во Франции, и гораздо бо́льшие усилия были сделаны для того, чтобы увеличить налоги и оплатить войну. Тем не менее синьор Нитти, премьер-министр, в письме, адресованном к избирателям накануне общих выборов (в октябре 1919 года), счел необходимым представить обществу следующий безнадежный анализ положения: 1) расходы государства почти втрое превышают доходы, 2) промышленные предприятия государства, включая сюда железные дороги, телеграфы и телефоны, дали убыток; хотя народ покупает хлеб по повышенной цене, эта цена дает государству убыток приблизительно в один миллиард в год, 3) вывоз из Италии равен только одной четверти или одной пятой ввоза, 4) национальный долг возрастает приблизительно на один миллиард лир ежемесячно, 5) военные расходы в один месяц поглощают больше денег, нежели расходы на весь первый год войны.

Положение бюджета в прочих странах Европы, участвовавших в войне, гораздо хуже, нежели во Франции и Италии. В Германии все расходы империи, отдельных ее государств и муниципалитетов в 1919—1920 бюджетном году оцениваются в 25 миллиардов марок, из коих не более 10 миллиардов покрываются уже ранее действовавшим обложением. В этот расчет не входит покрытие военных платежей союзникам. В России, Польше, Венгрии или Австрии, можно сказать, бюджета не существует вовсе [2]).

Итак, опасность, заключающаяся в усиленном выпуске кредитных билетов, представляет не просто результат войны, который начинает исчезать вместе с заключением мира. Она представляет длительное явление, конца которому еще не видно.

Все эти влияния своим сочетанием не только мешают Европе немедленно достигнуть достаточной высоты экспорта, чтобы иметь возможность заплатить за товары, которые ей нужно ввезти к себе, они

---

[1]) Согласно двум последним отчетам Французского банка, находящимся у меня под рукой (от 2 и 9 октября 1919 г.), увеличение выпуска кредитных билетов в неделю доходит до 18.750.000 фунтов и 18.825.000 фунтов.

[2]) 3 октября 1919 года Билинский представил свой финансовый отчет польскому сейму. Государственные расходы на девять предстоящих месяцев он оценил более чем вдвое выше против расходов девяти месяцев предыдущих; в то же время доходы за этот предыдущий период равнялись одной пятой расходов, тогда как доходы на предстоящие месяцы сметой определены лишь в одну восьмую расходов. Варшавский корреспондент *Таймса* сообщил, что „в общем тон Билинского был оптимистический и, повидимому, удовлетворил слушателей“.

кроме того подрывают ее кредит, необходимый для обеспечения промышленного капитала, без которого немыслимо восстановление правильного обмена; отклоняя силы экономического закона от равновесия, вместо того чтобы направлять их к нему, эти влияния не излечивают нынешнее тяжелое состояние хозяйственной жизни, а напротив, способствуют продолжению его. Перед нами бессильная, бездеятельная, дезорганизованная Европа, разделенная внутренними распрями, национальной ненавистью, содрогающаяся в усилиях борьбы и муках голода, полная грабежа, насилия и обмана. Чем можно доказать, что эта картина написана в слишком мрачных красках?

В этой книге я посвятил мало внимания России, Венгрии и Австрии [1]). Здесь бедствия существования и разложение общественного порядка слишком явны, чтобы нужно было анализировать их; эти страны уже на деле переживают то, что для прочей Европы еще находится в области ожиданий. Они охватывают обширную территорию и многочисленное население и дают осязательный пример того, как сильно может страдать человечество, и как далеко может зайти разложение общества. А главное, они показывают нам, каким образом в окончательной катастрофе болезнь тела переходит в болезнь духа. Материальные лишения развиваются постепенно; пока люди переносят их терпеливо, окружающие проявляют к ним мало интереса и внимания. Физические силы и сопротивление болезни мало-по-малу убывают [2]), но

---

[1]) Условия мирного договора, предписанные Австрийской республике, совершенно не считаются с безнадежным положением этого государства. Венская *Arbeiter Zeitung* от 4 июня 1919 г. комментирует их так: „Еще никогда сущность мирного Договора не обнаруживала так грубо намерения, руководившие его составителями... В этом договоре каждая статья проникнута бессердечием и безжалостностью, в нем невозможно обнаружить даже признака человеческого сочувствия, он оскорбляет все, что связывает между собою людей, он является преступлением против человечности, против народа, терпящего страдания". Я в подробностях знаком с австрийским договором, я присутствовал при составлении многих из его статей, но я считаю не легким опровергнуть справедливость этого негодующего протеста.

[2]) В прошедшие месяцы отчеты о состоянии здоровья населения центральных держав носили такой печальный характер, что чтение их притупляюще действует на воображение, и ссылки на эти отчеты возбуждают подозрение в преувеличенной чувствительности. Однако их правдивость не подлежит спору. Я приведу три выдержки из этих отчетов, чтобы дать читателю представление о положении дела: „В последние годы войны в одной лишь Австрии не менее 35.000 человек умерло от туберкулеза; из этого числа в одной лишь Вене 12.000. В настоящее время, по крайней мере, 350 или 400 тысяч требуют лечения от туберкулеза... В результате недоедания в нашей стране подрастает малокровное поколение с недоразвитыми мускулами, связками и мозгом" (Neue Freie Presse, 31 мая 1919 г.). Врачебная комиссия, отправленная медицинскими факультетами Голландии, Швеции и Норвегии для изучения условий жизни в Германии, напечатала следующий отчет в шведской прессе в апреле 1919 г.: „Туберкулез, в особенности среди детей, усиливается в устрашающей степени. Английская болезнь представляет еще более серьезное зло и распространяется еще шире. Невозможно бороться с этими болезнями, так как для туберкулезных нехватает молока, а для рахитиков—рыбьего жира. Туберкулез принимает еще невиданные формы, которые раньше бывали лишь в исключительных случаях. Болезнь поражает сразу все части тела, излечить ее практически невозможно.... Почти такие же роковые формы принимает туберкулез и среди взрослых. В госпиталях от него умирает 90% больных. Ввиду недостатка пищи бороться с ним невозможно.... Он выражается в самых страшных формах, например, в форме туберкулеза желез, который превращается в гнойное разложение тела". Сообщение сотрудника Vossische Zeitung от 5 июня 1919 г., который сопровождал миссию Гувера в Рудные горы, рассказывает следующее: „Я посетил крупные сельские округа, в которых 90% всех детей страдали рахитом, и где трехлетние дети едва начинали ходить... Загляните в любую школу в Рудных горах. Вы подумаете, что это детский сад для малюток. Нет, это дети семи и восьми лет. Крохотные лица с большими унылыми глазами с огромным выдающимся рахити-

жизнь кое-как идет вперед, пока граница человеческого терпения оказывается, наконец, достигнутой; тогда внушения отчаяния и безумия пробуждают несчастных из их летаргии, предшествующей кризису. Человек стряхивает с себя узы традиции и привычки. Могущество идей неодолимо, и он прислушивается ко всякому совету, который внушает ему надежда, иллюзия или чувство мести. В то время, как я пишу, большевизм в России, повидимому, сгорел в своем собственном пламени, по крайней мере, на время, и народы средней и восточной Европы погружены в какое-то зловещее оцепенение. Последняя жатва устраняет наиболее тяжелые лишения, и мир объявлен в Париже. Однако зима приближается. Впереди население не видит ничего, на что можно было бы надеяться. У него будет мало топлива, чтобы ослабить зимний холод и дать отдохнуть истощенным жителям городов.

Кто может предсказать, сколько люди способны перенести, и в каком направлении они будут искать спасения от своих страданий?

ческим лбом, слабые руки, представляющие одну кожу и кости, а над искривленными ногами живот, вспухший от голодного отека.... Этот ребенок, — объяснил дежурный врач,—получает массу хлеба, но не становится от этого сильнее. Я открыл, что он прячет его под свой матрац. Страх голода так вкоренился в его душе, что он собирает запасы пищи вместо того, чтобы питаться ею: искаженный животный инстинкт делает страх голода ужаснее, чем самые его страдания". И все же находятся люди, которые думают, что во имя справедливости подобные существа должны платить дань до сорока или пятидесятилетнего возраста, чтобы облегчить бремя налогов британских граждан.

ГЛАВА VII.

Средства восстановить Европу.

В сложных и важных вопросах бывает трудно сохранить верное представление о всей совокупности отношений. В предшествующих главах я критиковал договор и деятельность политиков в Париже и в мрачных красках изобразил настоящее и будущее положение Европы. Это одна сторона дела, и я думаю, она верно указана мною. Однако в таком сложном явлении предсказания не могут итти лишь в одном направлении; с нашей стороны было бы заблуждением ожидать, что следствия наступят быстро и неизбежно там, где мы все же не знаем *всех* действующих причин. Мрачный характер перспективы заставляет нас сомневаться в его точности; слишком трагический рассказ способен скорее притупить, чем возбудить наше воображение, и наша мысль отказывается принять то, что кажется «чересчур уже скверным, чтобы быть истинным». Но прежде чем предоставить читателя естественным размышлениям на эту тему, прежде чем ввести его в этой главе в рассмотрение средств, какими можно было бы улучшить состояние Европы, и в изыскание в нем более здоровых тенденций, пусть читатель мысленно сопоставит два контраста—Англию и Россию, из коих один должен слишком сильно поощрить его оптимизм, зато другой должен напомнить ему, что катастрофа остается возможной и что современное общество не застраховано от самых ужасных бедствий.

В этой книге я вообще не имел в мыслях положения Англии и стоящих перед нею задач. В моем рассказе понятие «Европы» не включает Британских островов. Англия находится сейчас в переходном состоянии, и ее экономические проблемы серьезны. Возможно, что мы стоим накануне крупных перемен в социальной и промышленной структуре. Одни из нас, вероятно, приветствуют новое будущее, другие сожалеют о прошлом и настоящем. Как бы то ни было, наше будущее иного рода, нежели то, которое ожидает Европу. В Англии я не предвижу ни малейшей возможности катастрофы или какого-либо подобия потрясения общества в целом. Война сделала нас беднее, но не слишком истощила нас; по моему суждению, богатство страны в 1919 году, по меньшей мере, равняется ее богатству в 1900 г. Наш торговый баланс неблагоприятен, но не настолько, чтобы для его восстановления требовалось переустройство экономической жизни, связанное с беспорядком[1]). Де-

---

[1]) Цифры торговли Соединенного Королевства:

Средний месяц года.	Ввоз в тысячах фунтов.	Вывоз в тысячах фунтов.	Превышение ввоза в тысячах фунтов.
1913	54.930	43.770	11.160
1914	50.097	35.893	14.204
Январь—март 1919	109.578	49.122	60.456
Апрель—июнь 1919	111.403	62.463	48.940
Июль—сент. 1919	135.927	68.863	67.064

Однако это превышение ввоза не столь серьезно, как может показаться; дело в том, что нынешний высокий доход от перевозки грузов торговым флотом создаст для нас „невидимую“ статью экспорта, которая является теперь, вероятно, значительнее, чем до войны, и в среднем дает по меньшей мере 45.000.000 фунтов ежемесячно

фицит в нашем бюджете значителен, но не в такой степени, чтобы твердое и разумное управление не могло найти из него выхода. Сокращение рабочего дня должно несколько уменьшить производительность. Но без всякого преувеличения можно надеяться, что это лишь переходное состояние; к тому же всякий, кто знает английского рабочего, не может сомневаться, что при желании и удовлетворенности своими условиями существования, он может выработать в более короткий рабочий день, по меньшей мере, столько же, сколько вырабатывал прежде в большее количество часов. Война поставила перед Англией самые серьезные проблемы, но их происхождение носит более общий и основной характер. Дело в том, что силы, управлявшие жизнью XIX века, совершили свой путь и исчерпали сами себя. Экономические мотивы и идеалы прежних поколений более не удовлетворяют нас; мы должны найти новый путь, и нам снова приходится ощущать *недомогание,* в конце концов, даже муки рождения на свет нового индустриального порядка. Таков один элемент источников этих новых проблем. О другом я подробно говорил во второй главе; он заключается в увеличении стоимости пищевых продуктов и истощении сил природы, которое не допускает дальнейшего роста населения во всем мире; эта тенденция должна быть наиболее ощутительна для самой большой из всех промышленных стран, которая сильнее всех зависит от ввоза пищевых продуктов.

Однако от этих вековых проблем человечества не бывает свободна ни одна эпоха. Они отличны от тех вопросов, над разрешением которых бьется центральная Европа. Читатели, которые знакомы, главным образом, с близкими им условиями английской жизни, поощряющей их оптимизм, и в особенности те, коих непосредственная окружающая обстановка есть жизнь Америки, должны взглянуть на Россию, Турцию, Венгрию или Австрию, где самые страшные бедствия, голод, холод, болезнь, война, убийства и анархия свирепствуют во всей своей силе, тогда эти читатели представят себе характер несчастий, против дальнейшего распространения которых мы обязаны искать средств, если только таковые существуют.

Итак, что же мы должны предпринять? Предложения, которые я пытаюсь сделать в этой главе, могут показаться читателю несоответствующими поставленной им цели. Однако в Париже упустили удобный случай, который давали шесть месяцев после перемирия, и теперь ничто уже не может исправить сделанное тогда зло. Общество неизбежно должно подвергнуться большим лишениям и большому риску. Все, что мы в состоянии сделать теперь, это—по возможности дать иное направление основным экономическим тенденциям, составляющим подоснову ежедневных событий, и, таким образом, содействовать восстановлению благосостояния и порядка, вместо того, чтобы еще глубже повергать нас в несчастие.

Прежде всего, мы должны избавиться от общей атмосферы и приемов Парижа. Те лица, которые руководили Конференцией, могут подчиняться голосу общественного мнения, но они никогда не сумеют вывести нас из наших испытаний. Едва ли возможно предположение, что Совет Четырех способен переделать свою работу, даже если бы он пожелал этого. Поэтому смена существующих правительств есть первое необходимое условие всего дела.

Лицам, которые думают, что Версальский мир не может войти в жизнь, я предлагаю обсудить программу, состоящую из следующих пунктов:

1. Пересмотр мирного договора.
2. Погашение взаимной задолженности союзников.
3. Интернациональный заем и реформа денежной системы.
4. Отношения центральной Европы к России.

1. Пересмотр мирного договора.

Располагаем ли мы какими-либо конституционными средствами для изменения договора? Президент Вильсон и генерал Смэтс, которые верят, что осуществление Ковенанта и Лиги наций компенсирует много недостатков других частей договора, указали, что мы должны ожидать от Лиги постепенного улучшения условий жизни Европы. Подписывая мирный договор, генерал Смэтс в особом докладе говорит следующее: «В договоре имеются постановления о территориальных границах, которые потребуют пересмотра. В нем имеется требование гарантий, которые, как все мы надеемся, скоро будут признаны несогласующимися с новым миролюбивым настроением и разоружением наших прежних врагов. В нем предусмотрены наказания, большинство которых при более спокойном отношении должно быть предано забвению. В нем предписаны такие способы вознаграждения победителей, которые не могут не принести ущерба делу оживления Европы и которые в общем интересе было бы желательно сделать более сносными и умеренными... Я надеюсь, что Лига наций еще укажет Европе способ избавиться от разорения, причиненного войной». Президент Вильсон, представляя Сенату мирный договор в начале июля 1919 года, сообщает, что без Лиги наций «...продолжительное наблюдение над выполнением Германией возмещения убытков в течение ближайшего поколения должно было бы потерпеть неудачу[1]); пересмотр и исправление административных распоряжений и стеснений, предписанных договором, но которые договор признает не дающими прочных преимуществ или несправедливыми в случае их долговременного сохранения в силе, были бы невыполнимы».

Можно ли питать основательные надежды, что деятельность Лиги принесет те блага, которых ожидают от нее два ее главных творца? Соответствующие тексты договора находятся в статье XIX Конвента; они гласят следующее:

«От времени до времени собрание должно рекомендовать пересмотр членами Лиги тех договоров, которые сделались неприменимыми, и рассмотрение международных отношений, продолжение которых могло бы представить опасность для общего мира».

Но, увы! Статья V говорит, что «за исключением случаев, специально предусмотренных в сем Ковенанте или в статьях настоящего договора, решения всех заседаний Собрания и Совета требуют согласия всех членов Лиги, представленных в таковом заседании». Разве это постановление не превращает Лигу в учреждение для потери времени во всем, что касается ближайшего пересмотра какой-либо статьи мирного договора? Если все стороны, заинтересованные в договоре, держатся единодушного мнения, что та или иная часть его нуждается в измене-

---

[1]) Президент Вильсон ошибся, предполагая, что пересмотр возмещения убытков вверяется Лиге наций. Как указано мною в главе V, Лиге поручено наблюдение за большинством экономических и территориальных постановлений договора, но не за выплатой возмещения убытков; в этой последней области Комиссия по возмещению убытков является верховным учреждением без всякой апелляции к Лиге наций.

нии, то для осуществления этого изменения и Лига, и Ковенант являются излишними. Если даже собрание Лиги приходит к общему решению, оно может только «рекомендовать» пересмотр теми членами, которых специально касается данный вопрос.

Однако поклонники Лиги утверждают, что она будет действовать путем влияния на общественное мнение всего мира, и взгляд большинства получит решающую силу на практике, даже если он не может быть проведен в жизнь конституционным путем. Будем надеяться, что это верно. Все же в руках искушенных европейских дипломатов Лига может превратиться в бесподобное орудие обструкции и проволочек. Прежде всего, пересмотр договоров вверяется не Совету Лиги, который заседает часто, но ее Собранию, которое созывается гораздо реже и которое должно превратиться, как это знает всякий, знакомый с практикой многочисленных междусоюзнических конференций, в тяжеловесную многоязычную ассоциацию; в такой ассоциации даже самая твердая решимость и самое искусное руководство не смогут преодолеть оппозицию сторонников *status quo*. В самом деле, Ковенант содержит два слабых пункта, которые портят все дело, а именно статью V, которая требует единогласия, и статью X, в свое время вызвавшую ожесточенную критику, согласно которой «члены Лиги обязуются соблюдать и защищать от всяких внешних посягательств территориальную неприкосновенность и существующую политическую независимость всех членов Лиги». Обе эти статьи вместе нарушают представление о Лиге, как об орудии прогресса, и с самого начала сообщают ей как бы роковую тенденцию к сохранению *status quo*. Именно благодаря этим статьям некоторые из первоначальных противников Лиги, в конце концов, примирились с нею, в надежде превратить ее в новый Священный Союз для обеспечения в будущем экономического разорения своих врагов и упрочения в своем собственном интересе того равновесия европейских держав, которое, как они думают, им удалось установить в силу мирного договора.

Тем не менее, хотя было бы неправильно и неумно, увлекаясь «идеализмом», скрывать от себя настоящие трудности положения специально в деле пересмотра договоров, это еще не значит, что мы должны относиться с пренебрежением к Лиге наций, которую мудрость всего мира еще может преобразовать в могучее орудие мира и которая уже выполнила большое и полезное дело. Поэтому в статьях XI—XVII[1]) я присоединяюсь к мнению, которое полагает, что наши первые усилия для пересмотра договора должны быть сделаны через посредство Лиги, а не каким-либо иным путем, в той надежде, что сила общего мнения, а также, в случае надобности, финансовое давление смогут заставить строптивое меньшинство отказаться от использования его права veto. Мы можем надеяться, что новые правительства, которые я считаю необходимыми в главных союзных странах, обнаружат более глубокую мудрость и большее великодушие, нежели их предшественники.

В главах IV и V мы видели, что в договоре содержится много частных постановлений, которые делают его неприемлемым. Я не намереваюсь входить в частности или предпринять пересмотр договора

[1]) Эти статьи, которые дают обеспечение против возможности войны между членами Лиги, а также между ее членами и не членами, представляют важный успех Ковенанта. Эти статьи делают менее вероятной войну между организованными великими державами вроде войны 1914 года. Уже одно это должно рекомендовать Лигу всему миру.

статью за статьей. Я ограничусь указанием на три важные изменения, которые являются необходимыми для экономического существования; эти изменения касаются возмещения убытков, угля и железа и, наконец, тарифов.

Возмещение убытков. Если сумма, требуемая для возмещения убытков, оказывается меньше той, на какую союзники имеют право, в силу строгого истолкования их обязательств, то оказывается излишним перечислять отдельно ее статьи или приводить объяснение относительно ее составных частей. Поэтому я предлагаю следующее соглашение:

1. Сумма платежей, вносимых Германией в качестве возмещения убытков и покрытия расходов на содержание оккупационных армий, определяется в 2.000.000.000 фунтов.

2. Выданные Германией, согласно договору, коммерческий флот и подводные кабели, выданные ею, согласно условиям перемирия, военные материалы, далее государственная собственность в уступленных ею территориях, приходящиеся на эти территории доли государственного долга и претензии Германии к ее прежним союзникам оцениваются круглой цифрой в 500.000.000 фунтов, при чем исключается перечисление и определение отдельных статей.

3. Остающаяся сумма в 1.500.000.000 фунтов не должна приносить процентов, пока производится платеж, и должна быть погашена Германией в тридцать ежегодных платежей суммою в 50 миллионов фунтов каждый, начиная с 1923 года.

4. Комиссия по возмещению убытков должна быть распущена, или, если за нею оставляются какие-либо обязанности, она становится частью Лиги наций и принимает в качестве новых членов представителей Германии и нейтральных государств.

5. Германии предоставляется свобода погашать ежегодные платежи тем способом, какой она сочтет для себя удобным, при чем все жалобы на неисполнение ею ее обязанностей направляются в Лигу наций. Другими словами, не допускается дальнейшая экспроприация германской частной собственности за границей, исключая тех случаев, когда нужно выполнить частные обязательства германских подданных из сумм, вырученных от продажи такой собственности, уже ликвидированной или находящейся в руках учреждений, хранящих неприятельскую собственность (Public Trustees and Enemy-Property Custodians) в союзных странах и в Соединенных Штатах; в частности статья 260 (предписывающая экспроприацию германских доходов в общественно-полезных предприятиях) должна быть отменена вовсе.

6. Исключается всякая попытка получить возмещение убытков от Австрии.

Уголь и железо. 1. Союзники должны отказаться от своих притязаний на уголь, предусмотренных в прибавлении V, но обязательства Германии возместить причиненные Франции потери угля вследствие разрушения копей должны остаться в силе. Другими словами, Германия обязуется «ежегодно в течение не более десяти лет доставлять Франции количество угля, равное разнице ежегодной его добычи в разрушенных войною копях департаментов Северного и На-де-Кале перед войною и добычей в этих же копях в годы, о которых идет речь; эта выдача не должна превышать 20 миллионов тонн в каждый из первых пяти лет и восьми миллионов тонн в каждый из следующих пяти лет». Тем не менее, это обязательство должно быть снято с Германии в том

случае, если угольные районы Верхней Силезии отойдут от Германии в результате плебисцита.

2. Постановление относительно Саарского бассейна должно остаться в силе с тем ограничением, что, с одной стороны, уступка его не записится на кредит Германии, с другой же—она получит обратно как копи, так и территорию без всякого платежа и условий с ее стороны по истечении десяти лет. Но взамен Франция должна согласиться в течение того же срока снабжать Германию, по крайней мере, половиной того количества лотарингского железа, которое ввозилось отсюда в собственную Германию до войны, за что Германия обязуется снабжать Лотарингию количеством угля, равным тому, какое ввозилось сюда из собственной Германии до войны, минус количество, добываемое в Саарском бассейне.

3. Постановление относительно Верхней Силезии остается в силе. Это значит, что плебисцит должен состояться и при наступлении окончательного решения (главными державами Согласия) «должны быть приняты во внимание желания населения, выраженные голосованием, а также географические и экономические условия местностей». Но при этом союзники должны заявить, что по их суждению «экономические условия» требуют, чтобы угольные районы были оставлены за Германией, разве только население решительно выскажет противоположное желание.

4. Уже учрежденная Угольная Комиссия должна сделаться частью Лиги наций и быть расширена в своем составе включением в нее представителей Германии и прочих государств центральной и восточной Европы, а также северных нейтральных государств и Швейцарии. Ее функции должны быть только совещательными, но в них должно входить распределение угольных запасов Германии, Польши, составных частей прежней Австро-Венгерской монархии и того угля, который, в качестве излишка, может быть вывезен из Соединенного Королевства. Все государства, имеющие представителей в этой Комиссии, обязываются доставлять ей самые полные сведения и руководиться ее указаниями, насколько позволяют их суверенитет и собственные жизненные интересы.

Тарифы. Должен быть учрежден свободный торговый союз под покровительством Лиги наций, при чем вошедшие в него страны обязуются не устанавливать никаких протекционистских пошлин[1]) на продукты, производимые в остальных странах, принадлежащих к союзу. Германия, Польша, новые государства, составлявшие раньше части Австро-Венгрии и Турции, а также государства, на которые выданы мандаты, обязаны присоединиться к союзу на десятилетний срок, после которого их дальнейшее пребывание в союзе предоставляется их желанию. Вступление в союз прочих государств должно быть добровольным с самого начала. Но следует надеяться, что Соединенное Королевство, во всяком случае, сделается его членом-учредителем.

---

[1]) Понятие „протекционистские пошлины“ должно быть определено таким образом: ими допускается: a) совершенное запрещение ввоза некоторых товаров; b) обложение пошлиной предметов роскоши заграничного производства; c) наложение таможенных пошлин, не превышающих более, чем на 5% соответствующее обложение подобных же предметов, производимых в стране; d) вывозные пошлины. Далее допускаются специальные разрешения большинством голосов членов союза. Пошлины, существовавшие за пять лет до вступления страны в союз, могут быть постепенно уничтожены посредством равных взносов, распределенных на срок в пять лет, следующий за присоединением страны к союзу.

Определение суммы платежей по возмещению убытков в соответствии с платежеспособностью Германии делает возможным возрождение надежды и предприимчивости в этой стране, позволяет избежать постоянных трений и ненужного давления на Германию, вытекающего из статей договора, которые невозможно исполнить, наконец, делает излишними невыносимые полномочия Комиссии по возмещению убытков.

Смягчение предписаний, прямо или косвенно относящихся к углю и железу, создает для Германии возможность дальнейшей промышленной деятельности и ставит пределы сокращению производительности, которое иначе должно наступить вследствие рассечения новыми политическими границами естественной локализации железной и стальной индустрии.

Проект свободного торгового союза отчасти восстанавливает потерю организации и экономической дееспособности, которая иначе должна получиться в результате возникновения многочисленных новых политических границ между жадными, завистливыми, незрелыми и экономически несовершенными национальными государствами. Экономические границы были терпимы, пока они охватывали огромные территории немногих больших империй; но они станут невыносимы, когда Германия, Австро-Венгрия, Россия и Турция поделены на два десятка независимых государств. Свободный торговый союз, включающий всю центральную, восточную и юго-восточную Европу, Сибирь, Турцию и (как я хотел бы надеяться) Соединенное Королевство, Египет и Индию, мог бы сделать для мира и благосостояния этих стран столько же, сколько сама Лига наций. Можно ожидать, что к нему вскоре примкнули бы Бельгия, Голландия, Скандинавия и Швейцария. Кроме того, было бы в высшей степени желательно для друзей Франции и Италии, чтобы эти страны нашли возможность также присоединиться к союзу.

Я предвижу со стороны некоторых критиков возражение, что такого рода проект идет по пути осуществления прежней мечты Германии о Средней Европе. Если прочие государства будут столь неразумны, что останутся вне союза и позволят Германии воспользоваться всеми его преимуществами, то возражение будет иметь некоторое основание. Однако экономическая система, к которой каждый имеет возможность примкнуть и которая в то же время никому не дает специальных привилегий, без сомнения, не может вызвать против себя тех возражений, как привилегированная и явно империалистическая схема, построенная на исключениях и различиях. Наше положение от подобной критики застраховано тем, что оно имеет в виду моральную и эмоциональную реакцию по отношению к будущим формам международных отношений и миру всех стран земного шара. Если мы будем придерживаться взгляда, что, по крайней мере, одному поколению Германии нельзя дозволить даже небольшой суммы благосостояния, что все наши недавние союзники являются ангелами света, а недавние враги, германцы, австрийцы, венгры и прочие, суть исчадия тьмы, что каждый год Германия должна быть толкаема все дальше к обнищанию, а ее дети подвергаемы испытаниям голода и болезней, что, наконец, она всегда должна быть окружена врагами,—если мы будем придерживаться такого взгляда, то я, конечно, отказываюсь от всех предложений этой главы и в частности от тех, которые имеют в виду помочь Германии вернуть часть ее прежнего материального благосостояния и найти средства для обеспечения промышленного населения ее городов. Но если

мой взгляд на нации и их отношения друг к другу будет принят демократиями Западной Европы и получит финансовую поддержку Соединенных Штатов, то небо да поможет нам всем! Если же мы сознательно будем стремиться к истощению центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя ждать. Тогда ничто не сможет отсрочить надолго конечную гражданскую войну между силами реакции и отчаянными конвульсиями революции, перед которой побледнеют все ужасы последней европейской войны и которая, кто бы ни победил в ней, разрушит цивилизацию и прогресс нашего поколения. Пусть у нас нет полной уверенности в успехе наших усилий, мы все же должны строить нашу деятельность на более светлых ожиданиях и верить, что процветание и счастье одной страны приносит то же самое и другим, что человеческая солидарность не есть фикция, и что нации еще способны видеть друг в друге своих ближних и братьев.

Предлагаемые мною изменения могут создать нечто пригодное для того, чтобы помочь промышленному населению Европы и впредь добывать средства к существованию. Но одних этих изменений недостаточно. В частности Франция окажется много теряющей на бумаге (но только на бумаге, так как она никогда не обеспечит действительного удовлетворения ее претензий); поэтому выход из ее затруднений должен быть указан ей в ином направлении. Таким образом я перехожу к предложениям, касающимся, во-первых, взаимных претензий Америки и союзников друг к другу, и, во-вторых, обеспечения достаточного кредита с целью помочь Европе восстановить ее запас находящегося в обращении капитала.

2. Погашения взаимной задолженности союзников.

Предлагая модификацию условий возмещения убытков, я стоял исключительно на точке зрения интересов Германии. Однако справедливость требует, чтобы столь значительное сокращение суммы сопровождалось ее перераспределением в среде самих союзников. Заявления наших политиков, высказывавшиеся при всяком случае во время войны, равно как и иные соображения, требуют, чтобы области, пострадавшие от вторжения неприятелей, были вознаграждены в первую очередь. Мы говорили, что это было, в конце концов, главною целью, из-за которой мы сражаемся, но мы никогда не включали в число наших целей уплату нам военных пособий. Поэтому я думаю, что мы должны на деле доказать нашу искренность и верность слову и что согласно этому Англия должна отказаться от претензий на денежное вознаграждение в пользу Бельгии, Сербии и Франции. Вся сумма платежей, полученных с Германии, должна быть обращена на возмещение материального ущерба, причиненного тем странам и провинциям, которые подверглись вторжению неприятеля; я думаю, что сумма в 1.500.000.000 фунтов будет достаточна для полного покрытия издержек по восстановлению. Далее, только при условии полного отказа от своих требований денежного вознаграждения Англия может с чистыми руками настаивать на пересмотре договора и смыть с себя пятно бесчестия, лежащее на ней благодаря нарушению слова, за которое она несет главную ответственность, и которое является результатом обязательств, принятых на себя ее представителями в предвыборную кампанию 1918 г.

Разрешив, таким образом, вопрос о возмещении убытков, будет возможно с большею легкостью и с большей надеждой на успех поста-

вить на очередь два финансовых предложения, которые одинаково рассчитаны на щедрость со стороны Соединенных Штатов.

Первое из них имеет в виду полное уничтожение междусоюзнической задолженности (т.-е. задолженности между правительствами стран Согласия), вызванной потребностями войны. Это предложение, уже намеченное в известных кругах, на мой взгляд абсолютно необходимо для будущего благосостояния всего мира. Если Англия и Соединенные Штаты, две державы, главным образом, заинтересованные в этом деле, согласятся на него, это будет с их стороны проявлением замечательной предусмотрительности и государственной мудрости. Денежные суммы, о которых идет дело, показаны с приблизительной точностью в следующей таблице[1]):

Ссуды, полученные	От Соединенных Штатов.	От Англии.	От Франции.	ИТОГО.
	Фунты стерл.	Фунты стерл.	Фун. стерл.	Фунты стерл.
Англией	842.000.000	—	—	842.000.000
Францией	550.000.000	508.000.000	—	1.058.000.000
Италией	325.000.000	467.000.000	35.000.000	827.000.000
Россией	38.000.000	568.000.000[2])	160.000.000	766.000.000
Бельгией	80.000.000	98.000.000[3])	90.000.000	268.000.000
Сербией и Юго-Славией.	20.000.000	20.000.000[3])	20.000.000	60.000.000
Прочими союзниками .	35.000.000	79.000.000	50.000.000	164.000.000
Итого	1.900.000.000[4])	1.740.000.000	355.000.000	3.995.000.000

Итак, общая сумма междусоюзнической задолженности, предполагая, что заем одного союзника не противупоставляется ссуде, выданной другому, равняется приблизительно 4.000.000.000 фунтов. Соединенные Штаты являются только кредитором. Англия ссудила почти вдвое против того, что сама взяла взаймы. Франция взяла взаймы приблизительно втрое больше, чем ссудила сама. Прочие союзники являются только должниками.

---

[1]) Цифры этой таблицы представляют лишь частичную оценку и не вполне точны во всех подробностях, но для нашей цели их приблизительная точность вполне достаточна. Цифры для Англии заимствованы из Белой Книги от 23 октября 1919 г. (ст. 377). При всякой действительной очистке счетов соглашение должно быть достигнуто в связи с известными запасами, сделанными золотом, а также в связи с другими отношениями; в том, что следует ниже, я устанавливаю только общие принципы. Суммы, выданные Соединенными Штатами и Францией, исчисленные в долларах и франках, превращены в таблице в фунты по паритетному расчету. В итог не включены займы, заключенные Англией на рынке Соединенных Штатов, займы, заключенные Францией на рынках Англии и Соединенных Штатов, и займы у Английского банка.

[2]) Эта сумма не дает процентов со времени большевистской революции.

[3]) Авансы, выданные этим государствам, были освобождены от процентов.

[4]) Действительный итог ссуд, сделанных Соединенными Штатами до сих пор, весьма вероятно, достигает 2.000.000.000 фунтов, однако мне не удалось получить самых последних подробностей.

Если союзники простят другу другу все перечисленные выше долги, то чистый результат на бумаге (т.-е. при предположении, что все займы будут действительно оплачены) будет означать для Соединенных Штатов отказ от суммы около 2.000.000.000 фунтов, а для Англии отказ от суммы около 900.000.000 фунтов. Франция выиграет приблизительно 700.000.000 фунтов, а Италия около 800.000.000 фунтов. Однако эти цифры преувеличивают потерю Англии и преуменьшают выигрыш Франции; ведь значительная часть ссуд обеих этих стран была сделана России и никоим образом не может быть рассматриваема как подлежащая оплате. Если ссуды, выданные Соединенным Королевством его союзникам, признать равными 50% их полной стоимости (что представляет произвольное, но соответствующее действительности предположение, с которым канцлер казначейства соглашался не однажды, как вполне пригодным в целях составления приблизительного национального баланса), то сложение долгов не составит для него ни потери, ни выигрыша. Но каков бы ни оказался результат вычислений на бумаге, избавление от тревоги, которое принесет с собою ликвидация долгов, будет очень большим облегчением. Поэтому наш проект обращается прежде всего к щедрости Соединенных Штатов.

Будучи вполне посвящен во взаимные отношения британского, американского и всех вообще союзных казначейств во время войны, я думаю, что Европа имеет право ожидать такого проявления великодушной щедрости при условии, что она с своей стороны приложит честные усилия в других направлениях, а именно будет избегать войны, не только в прямом, но и в экономическом смысле, и будет работать над восстановлением хозяйственной жизни всего континента. Финансовые жертвы Соединенных Штатов, в сравнении с ее богатством, были неизмеримо меньше, нежели жертвы европейских государств. Да это и едва ли могло быть иначе. Война была чисто европейской распрей, и правительство Соединенных Штатов не могло бы оправдаться перед собственными гражданами, если бы оно растратило всю национальную силу, как это сделали европейские правительства. После того, как Соединенные Штаты вступили в войну, их финансовая помощь была безгранична; без этой помощи союзники никогда не могли бы выиграть войну[1]), не говоря уже о решающем значении прибытия американской армии. С своей стороны Европа никогда не должна забывать совершенно исключительной помощи, оказанной ей в течение всей первой половины 1919 года деятельностью Гувера и Американской комиссии помощи. Еще никогда благородное и бескорыстное рвение не проявлялось с большей настойчивостью, искренностью и искусством, с меньшим расчетом на благодарность и меньшей признательностью со стороны получивших помощь. Неблагодарные правительства Европы гораздо больше обязаны государственному смыслу и проницательности Гувера и его отряду американских рабочих, чем они предполагают или когда-либо сумеют признать. Только американская комиссия помощи видела

[1]) Финансовая история шести месяцев, истекших с конца лета 1916 года до вступления Соединенных Штатов в войну в апреле 1917 года, еще ждет своего автора. Немного лиц, кроме подложны чиновников британского казначейства, ежедневно переживавших тревоги и невыполнимые финансовые требования того времени, имеют представление, сколько решимости и мужества нужно было проявить тогда, и как безнадежно сделалось бы вскоре положение без содействия Соединенных Штатов. Финансовые проблемы, начиная с апреля 1917 года стали совершенно иными нежели проблемы предшествующих месяцев.

в истинном свете положение европейских дел и относилась к ним так, как подобало людям. Только ее усилия и энергия совместно с ресурсами Америки, предоставленными в ее распоряжение президентом, которому часто приходилось разрывать путы обструкции со стороны европейцев, в конце концов, не только отвратили массу человеческих страданий, но и отдалили общий развал европейской системы [1]).

При всем том, когда мы говорим таким образом о финансовой помощи Америки, мы молчаливо предполагаем, равно как, по моему убеждению, это предполагала и сама Америка, что, давая деньги, она делала это не в виде выгодного помещения капитала. Если Европа должна возместить полученную ею финансовую помощь в сумме 2.000.000.000 фунтов, да еще по сложным процентам из расчета пяти на сто, то весь вопрос принимает совершенно иной характер. Если авансы Америки мы должны рассматривать в этом освещении, то ее финансовые жертвы в самом деле оказываются относительно весьма незначительными.

Споры об относительных размерах жертв, принесенных союзниками, безрезультатны и, кроме того, неразумны; невозможно требовать, чтобы эти жертвы были непременно одинаковы для каждого, так как многие иные и очень важные соображения оказываются совершенно неравными в двух случаях. Поэтому мы выдвигаем в дальнейшем два или три факта не для того, чтобы показать, будто они представляют какой-либо принудительный аргумент для американцев, но лишь для того, чтобы сделать ясным, что, выдвигая их, англичанин с своей собственной эгоистической точки зрения не пытается избавить свою страну от обязанности принести необходимые жертвы. 1) Суммы, которые британское казначейство взяло взаймы у американского казначейства после вступления Соединенных Штатов в войну, приблизительно уравновешиваются суммами, которые Англия ссудила прочим союзникам в продолжение того же периода (т.-е. не считая сумм, данных ею взаймы до этого момента); таким образом почти вся задолженность Англии Соединенным Штатам не является ее собственной задолженностью, но имела целью помощь прочим союзникам, которые по разным причинам не могли обратиться непосредственно к поддержке Соединенных Штатов [2]). 2) Соединенное Королевство продало своих иностранных ценностей на сумму около 1.000.000.000 фунтов и, кроме того, сделало внешних долгов на сумму около 1.200.000.000 фунтов. Напротив, Соединенные Штаты не только не продавали своих иностранных ценностей, но выкупили обратно на сумму свыше 1.000.000.000 фунтов и практически не делали никаких иностранных долгов. 3) Население Соединенного Королевства равняется приблизительно половине населения Соединенных Штатов, его доход,— приблизительно одной трети, а все национальные

---

[1]) Гувер был единственным человеком, вышедшим из ордалии парижского общественного мнения с более громкой репутацией. Эта многогранная натура с ее обычной внешностью утомленного Титана (или, как многие называли его, обессиленного бойца), с пристальным взором, видящим всегда настоящие и важные факты европейского положения, приносила с собою в советы Парижа, когда он принимал в них участие, именно ту атмосферу деловитости, знания, великодушия и бескорыстия, которая могла бы дать нам настоящий и приемлемый мир, если бы она была свойственна также и другим кругам.

[2]) Даже после вступления Соединенных Штатов в войну вся совокупность расходов России в этой стране, равно как все другие иностранные ее расходы должны были быть оплачены британским казначейством.

ное богатство—от половины до трети. Финансовые средства Соединенного Королевства должны быть поэтому определены в две пятых финансовых средств Соединенных Штатов. Эта цифра позволяет нам сделать следующее сравнение: не считая ссуды обоих, сделанные союзникам (что является правильным в предположении, что эти ссуды должны быть выплачены обратно), военные издержки Соединенного Королевства приблизительно втрое превосходят издержки Соединенных Штатов, или пропорционально финансовым средствам каждой они превосходят их в семь-восемь раз.

Выяснив этот вопрос со всей возможной краткостью, я обращаюсь к вопросам более широкого значения, касающимся взаимных отношений между соучастниками войны, суждению которых, прежде всего, должно быть подвергнуто мое предложение.

Если не будет сделано попытки такого соглашения, какое мы предлагаем здесь, то результат войны выразится в создании целой сети тяжких податей, которые одни союзники должны будут платить другим. Общая сумма этих податей, вероятно, должна даже превзойти сумму платежей, которую можно получить от неприятеля; и таким образом, окажется, что война привела к невозможному положению, при котором союзники должны выплачивать друг другу возмещение убытков вместо того, чтобы получить их с общего врага.

Вот почему вопрос о междусоюзнической задолженности тесно связан с широко распространенным и сильным чувством в среде европейской группы союзников, касающимся вопроса о возмещении расходов, чувством, которое основано не на каком-либо рациональном вычислении того, сколько в самом деле может уплатить Германия, но на строго обдуманной оценке той невыносимой финансовой ситуации, в которой очутятся эти страны в том случае, если она не будет платить вообще. Возьмем Италию в качестве самого яркого примера. Если от нее можно с основанием ожидать уплаты 800.000.000 фунтов, то само собою разумеется. Германия может и должна заплатить неизмеримо бо́льшую цифру. Или, если будет решено (что и должно произойти), что Австрия не может заплатить почти ничего, то разве не является совершенно недопустимым заключение, что на Италию должно быть взвалено уничтожающее бремя податн в то время, как Австрия избавляется от него? Или еще, если слегка изменить нашу параллель, как можно ожидать, что Италия подчинится необходимости платить столь огромную сумму, видя в то же время, что Чехо-Словакия платит гроши или даже не платит вовсе? На другом конце этой лестницы сравнения стоит Соединенное Королевство. Финансовое положение здесь получается иное, так как требовать с нас уплаты в 800.000.000 фунтов совсем не то, что требовать ее от Италии. Однако и здесь играют роль те же самые чувства. Если мы должны удовлетвориться, оставшись без полного возмещения наших расходов Германией, то сколько горечи должны мы вложить в протесты против нашей собственной обязанности платить Соединенным Штатам? Тогда скажут, что нам приходится довольствоваться одними претензиями к обанкротившимся финансам Германии, Франции, Италии или России, между тем как Соединенным Штатам гарантируется право первого получателя с нас. Положение Франции, по меньшей мере, столь же подавляющее. Едва ли она сможет обеспечить себе в полной мере восстановление Германией разрушений, произведенных в ее стране. И, тем не менее, победоносная Франция принуждена пла-

тить своим друзьям и союзникам в четыре раза больше той контрибуции, которую она уплатила Германии после поражения 1871 года. Рука Бисмарка оказывается еще легкой сравнительно с рукой союзника или соучастника. Поэтому соглашение по вопросу о междусоюзнической задолженности является для народов союзных стран непременным предварительным условием, чтобы встретить с спокойным, а не с помраченным и полным отчаяния сердцем неизбежную истину относительно видов на контрибуцию с неприятеля.

Было бы, пожалуй, преувеличением утверждать, что для европейской группы союзников является невозможным делом выплачивать долговой капитал и следуемые с него проценты, однако принудить их к этому, без сомнения, значило бы взвалить на них непомерную тяжесть. Поэтому следует ожидать, что они вечно будут пытаться ускользнуть от необходимости платежа, а подобные попытки послужат постоянным источником международных трений и недоброжелательства на многие грядущие годы. Задолжавшая нация не склонна любить своего займодавца, и было бы бесполезно ожидать от Франции, Италии и России добрых чувств по отношению к Англии или Америке, если их будущее развитие окажется придушенным ежегодною данью, которую им придется выплачивать нам. В таком положении будет заложен сильный импульс, который заставит их искать себе друзей в других направлениях, а всякий возможный в будущем разрыв мирных отношений принесет им огромное преимущество избавления от уплаты внешних долгов. Если же, с другой стороны, эти огромные долги будут сложены с них добровольно, то этим самым будет создан стимул для сохранения солидарности и истинной дружбы между нациями, недавно сплотившимися в одну общую группу.

Самый факт огромного военного долга является повсюду угрозой для устойчивости финансового положения. Нет такой европейской страны, в которой отказ от платежа не превратился бы вскоре в важный политический вопрос. Как бы то ни было в деле внутренней задолженности существуют заинтересованные группы с обеих сторон, и вопрос сводится к тому или иному распределению богатств внутри страны. Дело обстоит иначе с внешними долгами, и нации-займодавцы вскоре убедятся, что их интересы неудобным образом сплетаются с поддержкой особого типа правительства или экономической организации в странах, впавших в долги. Запутанные отношения в политических союзах или лигах — ничто в сравнении с запутанностью в делах денежной задолженности.

Определяя свое отношение к предлагаемой мною мере, читатель, в конце концов, должен руководиться такими соображениями, которые зависят от его взгляда на то, какую роль в мировом прогрессе суждено играть этому огромному и хаотическому вороху бумажных обязательств, который является наследством, завещанным нам финансами военного времени как внутри страны так и за границей. Война закончилась тем, что каждый оказался должен своему соседу огромные суммы денег. Германия должна громадные деньги союзникам; союзники должны громадные деньги Великобритании; а Великобритания должна громадные суммы Соединенным Штатам. Держатели военных займов в каждой стране имеют получить большие суммы от государства; в свою очередь, государство имеет получить большие суммы от тех или других плательщиков налогов. Все положение оказывается в

высшей степени искусственным, запутанным и несносным. Мы никогда не сможем пошевелить нашими членами, если только мы не освободим их от этих бумажных пут. Необходимо повсюду зажечь праздничные костры; это является столь настоятельной необходимостью, что если мы не сумеем сделать этого в добром порядке и общем хорошем настроении, при чем никто не причинит другому серьезной обиды, то, когда дело дойдет до крайности, может вспыхнуть такой пожар, который истребит не только эти бумаги, но кое-что другое поважнее. Что же касается внутреннего долга, то я верю вместе со многими, что капитальный налог, предназначенный на погашение долга, является безусловной предпосылкой оздоровления финансов во всех участвовавших в войне странах Европы. Впрочем сохранение впредь огромной задолженности между правительствами имеет еще свои специальные опасности.

До середины девятнадцатого века не было примеров, чтобы одна нация делала крупные займы у другой, кроме случаев дани, взимаемой под давлением военной оккупации, а также, как это было в обычае одно время, дани, платимой в силу феодального права государю, не резидирующему в своих владениях. Правда, в течение последних пятидесяти лет потребность найти приложение европейским капиталам в Новом Свете, хотя бы в относительно ограниченных размерах, привела к тому, что, например, Аргентина оказывается должной Англии ежегодные суммы. Однако, эта система хрупка; она не вышла из употребления только потому, что бремя, возлагаемое ею на платящую страну, не слишком тягостно, далее потому, что это бремя представлено реальным имуществом и связано со всей системой собственности вообще, наконец, потому, что суммы, уже полученные в ссуду не слишком велики сравнительно с суммами, которые еще есть надежда получить. Банкиры являются орудиями этой системы, и они верят, что она представляет необходимую часть постоянного общественного порядка. Поэтому они расположены думать по аналогии, что такая же система кредитных отношений между правительствами в размерах гораздо более обширных и явно стеснительных, не представленная никаким действительным имуществом и не связанная столь тесно с системой собственности, естественна, разумна и соответствует человеческой природе.

Я сомневаюсь, чтобы такой взгляд на вещи был правилен. Даже домашний капитализм, который пользуется местными симпатиями, который играет действительную роль в ежедневном процессе производства и от прочности которого зависит в широкой мере нынешняя организация общества, не является вполне обеспеченным в настоящее время. Как бы то ни было, неужели недовольные народы Европы согласятся на целое поколение принять такой порядок жизни, при котором значительную часть своего ежедневного дохода им придется отдавать для покрытия платежей за границу, причина которых, будь то платежи всей Европы Америке или платежи Германии остальной Европе, не соответствует их понятиям о справедливости и долге?

С одной стороны, Европе в течение долгого времени придется зависеть от своего собственного ежедневного труда, а не от щедрости Америки; но, с другой стороны, она не согласится, чтобы плоды этого труда отдавались другим. Словом, я не верю, чтобы подобная дань продолжала выплачиваться дольше, чем несколько лет, в лучшем случае. Она не соответствует человеческой природе и не согласуется с духом нашего века.

Если в таком образе мысли есть какая-либо логика, то должно быть ясным, что целесообразность и великодушие требуют одного и того же; политика, которая наилучшим образом обеспечит дружбу между народами, не окажутся в противоречии с длительными интересами благотворителя[1]).

3. Международный заем.

Перехожу теперь ко второму предложению, касающемуся финансов. Нужды Европы требуют *немедленного* удовлетворения. Перспектива облегчения от тягостной уплаты процентов в пользу Англии или Америки в течение целых двух поколений (а также надежда на получение от Германии известной ежегодной помощи для целей восстановления) снимет с нее в будущем тяжелую заботу. Но эти выгоды все же не избавят ее от непосредственных бедствий настоящего времени, т.-е. от превышения европейского ввоза над вывозом, от неблагоприятного денежного курса и расстройства денежного обращения. Европейское производство весьма трудно будет снова пустить в ход без временных мер внешней помощи. Поэтому я являюсь сторонником международного займа в той или иной форме, такого рода займа, за который уже высказывались в некоторых кругах Франции, Германии, Англии, а также Америки. Каким бы путем ни была распределена окончательная ответственность за его погашение, трудная задача найти необходимые средства, главным образом, приходится на долю Соединенных Штатов.

Главное возражение против всех разновидностей такого проекта мне кажется, должно заключаться в следующем. Соединенные Штаты (после недавнего опыта) не имеют охоты еще больше впутываться во внутренние дела Европы и, так или иначе, в ближайшем будущем не располагают большими капиталами для помещения за границей. Нет никакой гарантии того, что Европа воспользуется этой финансовой помощью надлежащим образом, а не растратит ее и, таким образом, не окажется в таком же стесненном положении через два или три года, как и теперь; Клоц воспользуется этими деньгами, чтобы еще несколько отсрочить момент повышения налогов. Италия и Юго-Славия начнут препираться друг с другом из-за доходов, Польша употребит полученные деньги, чтобы играть по отношению ко всем своим соседям ту военную роль, которую предназначила для нее Франция, наконец, правящий класс Румынии попросту разделит добычу между собой. Словом, выйдет так, словно Америка отсрочила свое собственное развитие и повысила стоимость жизни у себя дома ради того, чтобы Европа могла еще на несколько лет оставаться при тех же приемах, при той же политике и тех же людях, как последние девять месяцев. Что же касается помощи для Германии, то разве это будет разумно или допустимо, чтобы европейская группа союзников, лишив эту страну последних остатков ее промышленного капитала, сделав это вопреки всем аргументам и увещаниям финансовых уполномоченных Америки в Париже, стала бы

[1]) Сообщают, что казначейство Соединенных Штатов выразило согласие консолидировать (т.-е. причислить к основной сумме долга) проценты, следуемые ей с союзных правительств, за три ближайшие года. Я надеюсь, что британское казначейство тоже склонно последовать этому примеру. Если долг, в конце концов, должен быть выплачен, нагромождение обязательств по сложным процентам прогрессивно ухудшает положение. Однако мера, благоразумно предложенная американским казначейством, дает возможность отсрочки, необходимой для спокойного рассмотрения всей проблемы в свете положения, как оно сложится после войны и как оно выяснится вскоре.

обращаться теперь к Соединенным Штатам с просьбою о деньгах для восстановления ее жертвы в мере, достаточной для того, чтобы снова начать ее ограбление через один или два года?

При том положении, какое существует ныне, на эти возражения ответить трудно. Если бы я имел какое-либо влияние в казначействе Соединенных Штатов, я не ссудил бы ни копейки ни одному из нынешних европейских правительств в отдельности. Им невозможно доверить средств, которые они употребят на продолжение такой политики, в оппозиции которой ныне, вероятно, соединились республиканская и демократическая партии Соединенных Штатов, вопреки неудаче президента утвердить силу и идеалы американского народа на Конференции. Но если случится то, чего мы должны желать всеми силами, если народы Европы в течение этой же зимы [1]) отвернутся от ложных кумиров, вызвавших эту войну и переживших ее, если в их сердце место ненависти и национализма, во власти которых они еще находятся, займут иные помышления и надежды, надежды на счастие и согласие всей европейской семьи, тогда чувства уважения и сыновней любви могли бы побудить народ Америки отказаться от мелочных возражений и личных выгод и завершить спасением Европы от самой себя то дело, которое он начал, спасши ее от угрожавшей ей тирании организованного насилия Германии. Но если даже такая перемена в настроении Европы произошла бы не вполне, и в каждой ее стране лишь часть общества обратилась бы к политике примирения, то и тогда Америка могла бы указать путь и оказать поддержку партии мира, предложив план и назначив условия, на которых она подаст помощь делу обновления.

Побуждения, которые, как мы сказали, заставляют теперь американское общество покончить с тревогами, осложнениями, обидами, расходами и в особенности неразберихою европейской проблемы, очень легко понять и объяснить. Никто не может в такой степени, как пишущий эти строки, сознавать, как справедливо было бы при виде безумия и неуступчивости европейских политиков, сказать им так: Продолжайте же разлагаться в атмосфере вашего собственного зложелательства и предоставьте нам итти своей дорогой,—

> Прочь от Европы, от ее надежд поблекших,
> Ее полей кровавых и от воздуха, дышащего заразой.

Но если Америка хоть на минуту задумается над тем, что значила для нее Европа и что она еще значит для нее, чем является эта страна, мать искусства и знаний, чем она еще останется в будущем, неужели и в этом случае Америка не откажется от доводов равнодушия и себялюбия и не примет участия в том, что окажется решающим для прогресса и цивилизации всего человечества?

Итак, предполагая, хотя бы только с целью поддержать наши надежды, что Америка выразит готовность содействовать восстановлению сил Европы и не предоставит нас нашим злоключениям, после того, как она довершила вместе с нами поражение врага,—какую форму в этом случае должна принять ее помощь?

Я не собираюсь вдаваться в подробности. Но главные линии всех возможных схем международного займа в существенном совпадают между собою. Те страны, которые могут оказать свое содействие, т.-е. нейтральные державы, Соединенное Королевство и в особенности Соединен-

---

[1]) Написано в ноябре 1919 года. *(Примеч. русск. перевод.).*

ные Штаты, должны будут обеспечить иностранный кредит для всех участвовавших в войне стран континентальной Европы, как принадлежащих к Антанте, так и ее бывших врагов. Общая сумма, необходимая для этой цели, не столь велика, как это предполагалось некоторыми. На первое время, например, можно много сделать, располагая суммой в 200.000.000 фунтов. Если даже благодаря уничтожению международной военной задолженности будет установлен прецедент иного рода, то эта сумма тем не менее должна быть принята взаймы при непременном условии обратной выплаты полностью. При таком взгляде на дело мы получим полное обеспечение займа и столь полную уверенность в его обратной выплате, какая вообще возможна. В частности, и в смысле уплаты процентов, и в смысле погашения капитала, этот заем будет иметь преимущество перед всеми претензиями на возмещение убытков, перед всеми междусоюзническими военными долгами, всеми внутренними военными займами и всеми прочими видами задолженности европейских правительств. Те получившие ссуду государства, которые имеют право на возмещение убытков со стороны Германии, будут обязаны обеспечить уплату нового займа поступлениями по этой статье. Кроме того, все без исключения государства, получающие ссуду, должны обязаться перевести на золото свои таможенные пошлины и отдать их в обеспечение нового займа.

Способ расходования полученных сумм должен быть подчинен общему, хотя и не детальному, наблюдению стран, дающих ссуду.

Если в добавление к этому займу, который пойдет на покупку пищевых продуктов и необходимых материалов, будет создан обеспечивающий фонд на такую же сумму, т.-е. на 200.000.000 фунтов (из которой, вероятно, только часть нужно будет собрать в деньгах), при чем все члены Лиги наций внесут свои доли сообразно средствам каждого, то эта сумма может послужить основой для общей реорганизации денежного обращения.

Таким способом в распоряжении Европы окажется известный минимум движимых средств, необходимых для того, чтобы оживить ее надежды, обновить ее экономическую организацию и дать возможность ее внутреннему богатству снова начать функционировать ко благу ее тружеников. В настоящее время бесполезно разрабатывать предлагаемую схему в дальнейших деталях. Прежде, чем предложения, содержащиеся в этой главе, могли бы воплотиться в реальную политику, необходимо, чтобы в общественном мнении произошла глубокая перемена, и нам остается ожидать развития событий со всем терпением, на какое мы способны.

4. Отношения центральной Европы к России.

В этой книге я лишь очень мало внимания посвятил России. Об общем характере ее внутреннего положения особенно распространяться не приходится, а из подробностей нам почти ничего неизвестно достоверно. Но в обсуждении вопроса о способах восстановления экономической жизни Европы нужно иметь в виду некоторые стороны русской проблемы, которые имеют особенную важность.

С военной точки зрения возможность конечного соединения сил России и Германии вызывает сильные страхи в известных кругах. Однако такое соединение имеет гораздо бо́льшую вероятность в случае, если реакционные движения возьмет верх одинаково в обеих странах, между

тем как действительное единство целей между Лениным и нынешним германским правительством, представляющим по преимуществу средние классы страны, оказывается немыслимым. С другой же стороны, те же самые люди, которые боятся подобного союза, еще более трепещут перед успехами большевизма; тем не менее, им приходится признать, что единственными действительными силами для борьбы с большевизмом внутри России являются контр-революционеры, а вне ее— восстановление порядка и власти в Германии. Таким образом сторонники прямого и косвенного вмешательства в русские дела постоянно впадают в противоречие с своими собственными целями. Они сами не знают, чего хотят; точнее они хотят того, что, как они видят, является непримиримым с их другими желаниями. В этом и заключается причина, почему их политика столь непостоянна и столь поразительно легковесна.

То же самое противоречие целей явственно выступает в позиции, занятой Советом союзников в Париже по отношению к нынешнему германскому правительству. Победа спартакизма в Германии явилась бы прелюдией к революции повсюду; она увеличила бы силы большевизма в России и ускорила бы ее страшный союз с Германией; она, несомненно, положила бы конец всем ожиданиям, построенным на финансовых и экономических статьях мирного договора. Вот почему Париж не любит спартакизма. Но, с другой стороны, победа реакции в Германии, по общему мнению, явилась бы угрозой спокойствию Европы и подвергла бы опасности все плоды победы союзников и основы мира. Кроме того, новая военная сила, утвердившаяся на востоке, имея свой духовный центр в Бранденбурге и привлекая к себе все военные таланты и всех воинственных искателей приключений, всех тех, кто с любовью вспоминает об императорах и ненавидит демократию, сила, охватывающая восточную, центральную и юго-восточную Европу, географически недоступная для военного проникновения союзников, могла бы создать, как, по крайней мере, представляется воображению робких умов, новое владычество наполеоновского стиля, подобно фениксу воскресшее из пепла мирового милитаризма. Вот почему Париж не любит Бранденбурга. В таком случае все эти соображения повелительно указывают на сохранение тех умеренных сил порядка, которые отчасти сверх общего ожидания еще ухитряются держаться на твердой скале германского национального характера. Но нынешнее германское правительство более, чем чему-либо другому придает значение сохранению германского единства; согласие подписать мирный договор было прежде всего ценою, которую многие немцы признали возможным заплатить за сохранение своего единства, т.-е. за то последнее, что было оставлено им из всех приобретений 1870 года. Поэтому Париж, все еще питая некоторые надежды на возможность разложения по ту сторону Рейна, не упускает случая для оскорблений и недостойных выходок, для подорвания престижа и ослабления авторитета германского правительства, с устойчивостью и длительностью которого тем не менее связаны все консервативные интересы Европы.

Та же дилемма стоит перед будущим Польши в той роли, которую Франция предначертала для нее. Она должна быть сильной, католической, проникнутой милитаризмом и верой, она должна быть сотоварищем или, по крайней мере, фаворитом победоносной Франции, должна цвести и блистать среди пепла России и развалин Германии. Румыния, если бы ее можно было убедить несколько больше соблюдать прили-

чия, тоже должна иметь свое назначение во всем этом легкомысленном замысле. Однако, если внутри великих соседей Польши не будет благосостояния и порядка, сама она явится экономическим нонсенсом; в ней нет индустрии, зато есть еврейские погромы. Коль скоро Польша убедится, что соблазнительная политика Франции есть не более, как пустое хвастовство, что она не дает ни денег, ни славы, она со всей возможной готовностью бросится в объятия какой-либо другой державы.

Итак, расчеты «дипломатии» не приводят нас никуда. Пустые мечты и ребяческие интриги в России и Польше и вообще вокруг этих стран пользуются в последнее время большим успехом среди тех англичан и французов, которые ищут возбуждения в самой невинной форме и верят или, по крайней мере, ведут себя так, как будто бы иностранная политика есть дело того же рода, как дешевая мелодрама.

Вот почему нам следует обратиться к чему-либо более солидному. 30 октября 1919 года германское правительство заявило, что оно продолжает держаться политики невмешательства во внутренние дела России «не только принципиально, но также потому, что эта политика оправдывается практическими соображениями». Будем надеяться, что, в конце концов, мы также примкнем к этой точке зрения, если не по принципу, то, по крайней мере, на основании практических соображений. В таком случае, что представляют собою основные экономические факторы в будущих отношениях центральной Европы к восточной?

До войны западная и центральная Европа получала из России значительную часть необходимого ей зернового хлеба. Без России страны, ввозящие хлеб, оказались бы в нужде. После 1914 года потеря русского подвоза была возмещена отчасти потреблением запасов, отчасти обильными жатвами Северной Америки, доставленными нам благодаря твердым ценам Гувера, но главным образом экономией потребления и недоеданием. После 1920 года потребность в запасах России будет даже значительнее, нежели до войны; ведь твердые цены в Северной Америке будут отменены, нормальный рост населения в ней сравнительно с 1914 годом вызовет требование приблизительно всего домашнего производства, а почва Европы еще не восстановит своей прежней производительности. Если торговые сношения с Россией не возобновятся, то пшеница в 1920—1921 году (если только не будет исключительного урожая) станет редким и очень дорогим товаром. Таким образом блокада России, недавно провозглашенная союзниками, представляет неразумную и близорукую меру; мы блокируем не столько Россию, сколько самих себя.

Во всяком случае, процесс оживления русского вывоза по необходимости должен быть медленным. Нынешняя производительность русского крестьянина не представляется достаточно высокой, чтобы давать излишек для вывоза в довоенном масштабе. Причин этому, очевидно, много, и среди них играют роль недостаток сельско-хозяйственного инвентаря и вспомогательных средств, а также отсутствие стимулов для производства, вытекающее из невозможности для крестьянина обменивать свои продукты на скудные товары городской промышленности. Наконец, разруха транспорта мешает или делает невозможным накопление излишков на местах, в центрах распределения.

Я не вижу иной возможности восстановить производительность в течение известного мыслимого периода времени, кроме посредства германской предприимчивости и организации. Такая задача по географическим и иным условиям оказывается не по силам англичанам, фран-

цузам и американцам; у нас нет ни стимулов, ни необходимых средств для выполнения этого дела в достаточно широком масштабе. Напротив, Германия обладает опытом, побудительными мотивами и в большом количестве также материалами для того, чтобы снабдить русского крестьянина благами, которых он был лишен в течение последних пяти лет, чтобы реорганизовать систему транспорта и накопления излишков и, таким образом, доставить на мировой рынок для общего потребления запасы, которые в настоящее время, к несчастию, являются недоступными для нас. Наш собственный интерес требует, чтобы скорее наступил день, когда германские агенты и организаторы смогут в каждой русской деревне привести в движение мотивы к экономической деятельности. Этот процесс абсолютно не зависит от форм правящей власти в России; однако, мы можем с известной степенью достоверности предсказать, что все вопросы о том, явится ли форма коммунизма, воплощаемая советским правительством, на долгое время соответствующей темпераменту русского народа; такие факты, как оживление торговли, удобств жизни и обычных поводов к экономической деятельности, едва ли будут благоприятствовать крайним выражениям тех доктрин насилия и тирании, которые представляют результат войны и отчаяния.

Поэтому будем же в нашей русской политике не только одобрять и подражать тактике невмешательства, провозглашенной правительством Германии, но также, отказавшись от блокады, столь же вредной для наших собственных интересов, сколь и незаконной вообще, поощрять и помогать Германии снова занять ее место в Европе в качестве творца и организатора богатства ее восточных и южных соседей.

Есть много лиц, в которых подобные предложения вызовут сильные предрассудки. Я прошу их мысленно проследить, к какому результату мы придем, если будем уступать таким предрассудкам. Если мы даже в мелочах станем сопротивляться всем средствам, с помощью которых Германия и Россия могли бы восстановить свое материальное благосостояние, только потому, что мы чувствуем национальную, расовую или политическую ненависть к их населению или правительству, мы должны также быть готовы принять все последствия подобных чувств. Если даже не существует нравственной солидарности между родственными расами Европы, то должна существовать солидарность экономическая, и ее мы не можем не видеть. Даже теперь мировой рынок только один. Если мы не позволим Германии обмениваться продуктами с Россией и, таким образом, питаться, ей неизбежно придется конкурировать с нами, домогаясь продуктов Америки. Чем легче нам удастся разорвать экономические сношения между Россией и Германией, тем сильнее мы понизим наш собственный уровень жизни и увеличим серьезность наших домашних проблем. Рассуждая так, мы базируем весь вопрос на соображениях самого низшего порядка. Но есть и другие аргументы, которых не могут не знать самые тупые люди, и эти аргументы говорят против политики расширения и дальнейшего поощрения экономического развала великих государств.

Я не вижу ни в одной стране признаков внезапного или драматического развития событий. Правда, мятежи и революции возможны, но в настоящее время они не обещают получить какое-либо глубокое значение. Против политической тирании и несправедливости революция может послужить оружием защиты. Но что, может дать революция тем, страдания которых происходят от лишений экономического свойства, такая революция, которую вызовет не несправедливость распределе-

ния благ, но общий их недостаток? Единственной гарантией против возможности революции в центральной Европе является то, что даже для людей, сильнее всех охваченных отчаянием, она не даст надежды на сколько-нибудь существенное облегчение. Поэтому нас ждет скорее долгий, незаметный процесс полуголодного существования и постепенного, но верного понижения уровня жизни и комфорта. Банкротство и упадок Европы, если мы позволим им развиваться, отразится на каждом из нас в течение долгого ряда лет, но не в процессе непосредственных и внезапных потрясений.

Это обстоятельство является для нас спасительным. У нас еще будет время, чтобы вновь пересмотреть лежащие перед нами пути и взглянуть на мир другими глазами. Непосредственное будущее возлагает на нас тяжелую заботу, а ближайшие судьбы Европы не зависят от воли одного человека. События грядущих годов будут направляться не сознательными действиями государственных людей, но скрытыми течениями, непрерывно бегущими под поверхностью политической истории, результаты которой никто не в состоянии предсказать. Нам дан лишь один способ влиять на эти скрытые течения; этот способ заключается в использовании тех сил просвещения и воображения, которые изменяют *мнение* людей. Провозглашение истины, разоблачение иллюзий, уничтожение ненависти, расширение и просвещение человеческих чувств и умов—таковы наши средства.

Этой осенью 1919 года, когда я работаю над моей книгой, мы переживаем мертвое время для наших надежд. Реакция после всех усилий, страхов и страданий последних пяти лет достигла высшего пункта. Присущая нам способность чувствовать и сознавать что либо, кроме непосредственных вопросов нашего материального благосостояния, временно исчезла. Нас не волнуют даже величайшие события, происходящие вне нашего прямого опыта, даже самые страшные предчувствия.

Во всех сердцах остался только ужас,
Пустыня в них царит; те, кто превыше всех, боятся
Того, что им хотелось бы отвергнуть, как истину:
Притворство и привычка превращают их ум
В храм многих культов, сердцем не изжитых.
Для человека они не смеют искать добра
И все ж не ведают, что нет в них дерзновенья.
Те, кто добры, хотят лишь тщетных слез,
А сильные не знают милосердья; для них самих тем хуже.
У мудрых нет любви; а в тех, кто любит, мудрости не видно;
Все, что прекрасного есть в жизни, своим смешением родит лишь зло.
Есть много сильных и богатых, и к справедливости они стремятся,
Но так живут, как будто в них нет чувств; они не знают, что творят.

Испытанные нами волнения превосходят всякую меру терпения, и нам нужен отдых. Еще никогда в жизни нашего поколения универсальный элемент человеческой души не горел таким слабым огнем.

Вот почему истинный голос нового поколения не сказал еще своего слова, и молчаливое мнение общества еще не народилось. Образованию этого общего мнения будущего я посвящаю мою книгу.

Дж. М. Кейнс

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Д. П. КОНЧАЛОВСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ
Ш. М. ДВОЛАЙЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО □ 1922

Гиз. № 2518. (Р. Ц. Москва). № 237. Напеч. 2.000 экз.

1-я Образцовая типография М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
Предисловие к русскому изданию Ш. Дволайцкого		V
Предисловие автора		
Экономические последствия Версальского мирного договора		
Глава I.	Введение	
Глава II.	Европа перед войною	
	1. Население	
	2. Организация	
	3. Психология общества	
	4. Отношение Европы к Новому Свету	
Глава III.	Мирная конференция	
Глава IV.	Мирный договор с Германией	
	1. Заморская торговля	
	2. Эксплоатация угля и железа	
	3. Германская система транспорта	
Глава V.	Возмещение убытков	51
	1. Вычисления убытков, предшествующие мирным переговорам	—
	2. Мирная конференция и условия договора	61
	3. Платежеспособность Германии	76
	4. Комиссия по возмещению убытков	96
	5. Ответные предложения Германии	101
Глава VI.	Европа после мирного договора	105
Глава VII.	Средства восстановить Европу	117
	1. Пересмотр мирного договора	119
	2. Погашение взаимной задолженности	124
	3. Международный заем	131
	4. Отношения Центральной Европы к России	133

Предисловие к русскому изданию.

Джон Мэйнард Кэйнс, несомненно, принадлежит к числу наиболее дальновидных представителей буржуазии. Будучи одним из участников Парижской мирной конференции, он не поддался влиянию дикого разгула национального шовинизма, охватившего господствующие классы Европы и насытившего атмосферу дворцов, где заседали „миротворцы" и „спасители человечества". Кэйнсу еще во время работ конференции удалось сквозь угар победы заглянуть далеко вперед и оценить создавшееся положение не сквозь призму животной ненависти к поверженному врагу, а с точки зрения грядущих судеб капиталистического мира.

Возврат к мирным временам, установление равновесия капиталистического хозяйства, туманная мечта о буржуазной гармонии— таковы руководящие звезды автора настоящей книги, представляющего собой живого носителя умирающего экономического либерализма. Хотя он, как говорят, после принятия Версальского договора и вступил в английскую Рабочую Партию, но перспективы социализма, как положительного достижения трудящихся масс, ему совершенно чужды. Более того, профессор архи-буржуазного университета и видный чиновник королевского министерства финансов, он не может без трепета говорить о революции. Мысль об ее „отчаянных судорогах", о связанном с нею даже в случае победы пролетариата „разрушении цивилизации и плодов прогресса нашего поколения" и „угроза спартакизма" приводят его в смертельный ужас.

Повторяю, Кейнс—не социалист и не революционер. Это, конечно, ограничивает размах его мысли и вводит в определенные рамки его прогнозы. Буржуа по складу ума, он органически неспособен решать выдвигаемые им вопросы иначе как при условии незыблемости капиталистического строя. Это—факт, который нужно иметь в виду при чтении книжки Кэйнса. Но поскольку экономическая мысль, маневрируя в рамках капиталистического порядка вещей, вообще может приводить к плодотворным заключениям, Кэйнс продумывал обстановку, сложившуюся после заключения Версальского договора, до конца: он не останавливался перед „общественным мнением", не пугался своих собственных выводов и смело поставил все точки над i.

По поводу работы Кэйнса можно было бы сделать целый ряд критических замечаний второстепенного свойства. Верный своей природе, он не стесняется рассказывать небылицы про большевиков. („Ленин, говорят, заявил, что наилучшее средство уничтожить капиталистический строй—расстроить денежное обращение"). Он иногда

подкрепляет свои вполне резонные научные выводы аргументацией от „законов религии“ и „естественной морали“. Он кое-где переоценивает влияние Версальского договора на народное хозяйство Германии (напр., добыча угля) и т. д. Но в основном—в главном диагнозе и прогнозе развития мирового капиталистического хозяйства в ближайшие годы после заключения мира—Кэйнс, несомненно, оказался прав.

Предлагаемая вниманию читателя книга написана более двух лет тому назад—вскоре после ратификации германским рейхстагом Версальского договора. Но автор ее уже тогда предвидел, что продиктованные Германии условия окажутся для нее невыполнимыми. Он указывал, что договор не содержит в себе никаких мероприятий, которые могли бы способствовать экономическому воссозданию капиталистической Европы и „усилению экономической солидарности между самими союзниками“. Он подчеркивал, что мирные условия в том виде, как они формулированы в Версальском договоре, убивают всякие надежды на то, что поверженные страны превратятся когда-нибудь в „добрых соседей“ стран-победительниц. Считая, что государства Антанты „блокируют не столько Россию, сколько самих себя“, Кэйнс открыто обвинял героев Версаля в игнорировании России (хотя бы и большевистской), как могучего фактора в системе мирового хозяйства.

Во имя спасения капитализма Кэйнс требовал устранения всех этих „дефектов“ договора. Он, другими словами, добивался решительного изменения международной политики стран-победительниц. В главе VII читатель ознакомится с продуманной и цельной программой конкретных мероприятий, выдвинутых Кэйнсом еще в конце 1919 года. Он уже тогда поставил вопрос о пересмотре договора, о ликвидации межсоюзнической задолженности, о международном займе для восстановления хозяйства наиболее пострадавших стран и, наконец, о России. И что же мы видим сейчас? Потребовалось около двух лет времени, понадобился невиданный в мире капиталистический кризис, нужны были миллионы безработных и сотни тысяч голодных смертей, чтобы капиталистические правительства Европы поняли, что политика удушения Германии и изолирования России таит в себе огромные опасности для самих победителей. Сжатые в тиски „национальных капитализмов“, вершители судеб отдельных стран упорно не желали понять, что они во имя спасения своих собственных „отечеств“ должны вести международную политику, отличную по своему содержанию от версальского документа. Вместо диких шовинистических лозунгов, под которыми проходили избирательные кампании в главных странах-победительницах, мы из уст наиболее дальновидных вождей господствующих классов частенько слышим теперь уже совершенно иные речи. А английское правительство в лице Ллойд-Джорджа решительно добивается постановки в порядок дня созываемой теперь международной конференции программы, которая, по сути дела, не отличается от программы, выдвинутой Кэйнсом. Его проекты в значительной своей части приняты, наконец, буржуазией Англии. Правда, не все „союзники“ склонны с нею согласиться. „Germaniam esse delendam“ и „le boche payera tout“—вопит тупоголовый французский мещанин. Он хочет уничтожить врага и в то же самое время надеется, что немец будет чуть ли не полстолетия платить непосильную дань. Но факт тот, что та глухая стена, кото-

рую столь безуспешно пытался пробить в свое время Кэйнс, дала уже огромную брешь. Программа Кэйнса становится программой буржуазии, острее других ощущающей свою связь с мировым капитализмом. Это только доказывает, что Кэйнс оказался одним из наиболее трезвых и преданных сыновей своего класса.

Насколько правильны были выводы Кэйнса, можно судить по главным дополнительным соглашениям, которые союзники заключили с Германией уже после того, как вышла в свет настоящая работа. Во всех этих соглашениях союзники *вынуждены* были пренебречь буквой, а иногда и духом мирного договора и в значительной мере сократить предъявленные в Версале требования,—иначе они рисковали зарезать курицу, несущую золотые яйца. Первый шаг в этом направлении был сделан *конференцией в Спа*, которая состоялась в июле 1920 года и коснулась вопроса об угольных поставках.

Версальский договор наложил на Германию огромную угольную контрибуцию: она обязалась в ближайшие годы доставлять союзникам свыше 20 милл. тонн ежегодно и, сверх того, возмещать Франции всю разницу между довоенным производством ее разрушенных копей (Север и Па-де-Калэ) и их производством после заключения мира, с таким расчетом, чтобы соответствующее количество угля не превышало 20 милл. тонн в ближайшие годы; итого, стало быть, Германия обязалась сдавать союзникам 40—41 милл. тонн угля ежегодно (часть VIII, прил. V, §§ 2—4). Цены на уголь, доставляемый по железным дорогам или речным путем исчислялся из цен, по которым он отпускался германскому потребителю на копях, плюс стоимость перевозки до границ Франции, Бельгии, Италии или Люксембурга, но они не должны были быть выше цен английского экспортного угля франко копи. В качестве цен на уголь, транспортируемый в счет контрибуции морским путем, договор берет либо германские, либо английские экспортные цены франко борт, но во всяком случае те из них, которые в данное время ниже.

Однако чуть ли не через месяц после ратификации рейхстагом договора между союзниками, с одной стороны, и Германией,—с другой, началась длинная переписка по поводу угольных поставок. Союзники с самого начала отступили от договора, установив, что Германия должна сдавать ежемесячно до конца апреля 1920 г. по 1660 тыс. тонн и по 60% всего избытка германского производства сверх 9 милл. тонн в месяц. Репарационная комиссия систематически, из месяца в месяц, определяла размер германских угольных поставок, а Германия, жалуясь все время на чрезвычайные обстоятельства,—то на беспорядки, то на забастовки, то на высокий уровень Рейна,—ходатайствовала о скидках и систематически сдавала меньше угля, чем полагалось (с сентября 1919 г. по конец мая 1920 г. 5.658.000 тонн, т.-е. по 561.000 тонн ежемесячно). Так обстояло дело до конференции в Спа.

После долгих переговоров и четырех германских контр-предложений стороны, собравшись на названную конференцию, 16 июля 1920 года, подписали протокол, содержание которого в основных чертах сводится к следующему: 1) Германское правительство обязуется, начиная с 1-го августа 1920 г. в продолжение шести месяцев поставлять союзникам по 2 милл. тонн ежемесячно; 2) уголь, доставляемый по железным дорогам или речным путем, засчитывается в счет контрибуции (или по официальному „репарации“) по ценам на

внутреннем германском рынке, но союзники, с целью улучшения качества сдаваемого им угля, выплачивают Германии за каждую тонну премию в 5 марок золотом, которые идут на покупку продовольствия для немецких горнорабочих; 3) союзники открывают Германии кредит в размере разницы между ценами на германском рынке плюс премиальная надбавка и ценами на мировом рынке. Соответственно этому соглашению Германия должна была за август 1920 г.—январь 1921 г. сдать союзникам вместо 20 приблизительно миллионов тонн, требуемых Версальским договором, всего-навсего 12 миллионов и на условиях гораздо более благоприятных, чем те, которые предусмотрены договором. В действительности союзники за указанный срок, по моим подсчетам, не дополучили в переводе на каменный уголь 707 тысяч тонн[1]). В продолжение 1921 года количества сдаваемого Германией угля были еще ниже, чем за указанное выше полугодие (в январе 1.680.000 тонн, в июле 1.407.000 тонн, в октябре 1.608.000 тонн). Правда, в 1921 году были случаи, когда, напр., Франция оказывалась не в состоянии принять всего причитающегося ей угля, но факт тот, что *Антанта 16-го июля 1920 года вынуждена была по вопросу об угольной контрибуции Германии уступить и отказаться от своих первоначальных требований, формулированных Версальским договором*[2]).

Точные размеры германской контрибуции, как известно, не были установлены Версальским договором: союзники в продолжение полутора лет занимались исчислением убытков, причиненных их „гражданскому населению" немецкими нападениями „на суше, на море и с воздуха". Конкретно вопрос о „репарациях" впервые был поставлен лишь на *Парижской конференции*, состоявшейся в конце января 1921 года. Основываясь на 231, 232 и 233 статьях Версальского договора, союзники 29 января предъявили Германии требования, которые сводятся к следующему. Германия, начиная с 1 мая 1921 г., уплачивает фиксированные взносы (постоянные аннуитеты) по такой схеме:

С 1 мая	1921 г.	по 1 мая	1923 г.	по	два	миллиарда	золот.	марок ежегодно.
„ „ „	1923 „	„ „ „	1926 „	„	три	„	„	„ „
„ „ „	1926 „	„ „ „	1929 „	„	четыре	„	„	„ „
„ „ „	1929 „	„ „ „	1932 „	„	пяти	„	„	„ „
„ „ „	1932 „	„ „ „	1963 „	„	шести	„	„	„ „

[1]) Тонна брикетов из бурого угля принимается равной тонне каменного угля; тонна кокса—четырем третьям тонн кам. угля (последнее прямо оговорено в договоре, ч. VIII, прил. V, § 7).

[2]) Количество угля фактически сданного Германией Антанте в 1921 г., определяется, в переводе на каменный уголь, следующими цифрами (в тысячах тонн):

Январь	1.693	Июль	1.407
Февраль	1.889	Август	1.544
Март	1.413	Сентябрь	1.663
Апрель	1.508	Октябрь	1.491
Май	1.548	Ноябрь	1.471
Июнь	1.442	Декабрь	1.410

Надо заметить, что на февраль и март 1921 (первые два месяца по истечении действия постановления конференции в Спа) угольные поставки Германии были определены Антантой в размере 2,2 милл. тонн ежемесячно, без золотых премий и без авансов. Такая же цифра была установлена и на апрель...

И того, стало-быть, в продолжение 42 лет 226 миллиардов золотых марок. Кроме того, на Германию, на основании тех же парижских требований, возлагается обязательство, начиная с того же 1 мая 1921 г., в продолжение 42 лет каждые шесть месяцев уплачивать союзникам золотые «переменные аннуитеты» в размере 12% с германского вывоза, как бы велик он ни был.

Когда немцы, приглашенные в Лондон на следующую конференцию (1 марта 1921 г.), выступили со своими контр-предложениями, им не стоило никакого труда доказать полную невыполнимость парижских требований. Оставляя в стороне огромное увеличение пассивности германского расчетного баланса, которое вызовет 12%-ный налог на вывоз, немцы указывали, что выплата одних только постоянных аннуитетов потребует увеличения германского экспорта в четыре раза против довоенного или до 40 миллиардов золотых марок: без этого, утверждал германский министр иностранных дел д-р Симонс, стране невозможно будет покрыть огромного пассивного сальдо в ее расчетном балансе. С целью произвести давление на англичан и американцев, немецкая делегация указывала, что германский экспорт в таком случае превысил бы колоссальный вывоз Соединенных Штатов в 1920 г. ($34^1/_2$ миллиарда золотых марок) и был бы в два раза больше английского вывоза за тот же год (19 миллиардов золотых марок). Если бы Германии удалось достигнуть такого положения вещей,—говорил тот же д-р Симонс,—то это означало бы беспримерный демпинг германских товаров и полное изменение индустриальной картины мира.

В своем контр-предложении немцы прежде всего отклонили 12%-ный налог на германский вывоз и согласились принять на себя репарационный долг в размере 50 миллиардов золотых марок, т.-е. суммы, которая получится, если заменить все требуемые Антантой срочные взносы в 226 миллиардов единовременной уплатой в 1921 г. (исходя из 8 сложных процентов ежегодно). Для покрытия этого долга Симонс проектировал международный заем, освобожденный от всяких налогов во всех странах, участвующих в его эмиссии, причем он на первых порах предлагал мобилизовать таким путем 8 миллиардов золотых марок. Помимо этого немецкая делегация выразила готовность вносить пока, в продолжение ближайших пяти лет, ежегодно по 1 миллиарду зол. марок, которые покрываются, в первую голову, товарами и «германским трудом», привлекаемым для восстановления разрушенных областей. Что же касается огромной части репарационного долга, остающегося за вычетом суммы, полученной посредством международного займа, то Германия предложила платить по ней 5% годовых с тем, чтобы проценты эти до 1 мая 1926 г. покрывались упомянутыми миллиардными аннуитетами; часть непогашенных этими взносами процентов, согласно германскому предложению, должна была быть 1 мая 1926 года присоединена (без сложных процентов) к основному долгу. Рассмотрение вопроса о порядке платежей после 1926 года немцы предлагали отложить.

Однако ни это, ни следующее контр-предложение немецкой делегации приняты не были. Германии был предъявлен решительный ультиматум с рядом вполне реальных угроз, но делегация покинула Лондон, и германское правительство, отозвав своих представителей из Лондона, Парижа и Брюсселя, решила отвергнуть требования Антанты, которая немедленно предприняла против Германии репрес-

сивные меры. Дальнейшие дипломатические переговоры происходили уже под знаком так называемых хозяйственных санкций, тяготевших над Германией в продолжение целого полугодия. Антанта установила на Рейне таможенную границу, разделившую единый хозяйственный организм страны на две части. Союзные войска оккупировали Дюисбург, Рурорт и Дюссельдорф. Англия, Франция, Бельгия и ряд других вассальных по отношению к Антанте стран (в том числе Югославия, Греция и др.) обложили товары, идущие из Германии, специальным налогом в размере 50% с их стоимости.

24 апреля Германия послала ноту, в которой она пошла на дальнейшие уступки, но Антанта и на этот раз отвергла сделанное ей предложение и 3 мая предъявила Германии знаменитый *Лондонский ультиматум*, который по истечении недельного срока был принят в заседании рейхстага. Содержание Лондонского ультиматума в основных чертах сводится к следующему. Репарационный долг устанавливается в размере 132 миллиардов золотых марок. В целях покрытия этой суммы Германия сдает союзникам три серии государственных обязательств. Обязательства первой серии на общую сумму в 12 миллиардов золотых марок, начиная с 1 мая 1921 года, приносят их держателям 5% годовых и погашаются 1% (период погашения 34 года). Вторая серия на сумму в 38 миллиардов золотых марок, сданная 1 ноября 1921 г., приносит такой же процент и погашается на тех же условиях, как и обязательства первой серии (срок погашения $36^1/_2$ лет). На остальные 82 миллиарда Германия выдает союзникам такие же облигации, но Репарационная комиссия не приступает к их размещению до тех пор, пока не будет установлено, что Германия обладает достаточной платежеспособностью для уплаты процентов и для амортизации этого долга. Во всяком случае все избытки, полученные Репарационной комиссией сверх уплат по первым двум сериям, накопляются ею на покрытие процентов по обязательствам последней серии (с 1 мая 1921 г. из $2^1{}_2$% и с 12 мая 1926 г. из 5%). Все эти обязательства в случае их частичного размещения внутри Германии освобождаются на основании ультиматума от всех налогов. В счет платежей по первым двум сериям Германия ежегодно вносит Репарационной комиссии постоянный аннуитет в размере двух миллиардов марок золотом и переменный аннуитет в размере 26% с ценности своего вывоза (при чем этот 26%-ный сбор возмещается германской казной германским экспортерам в размере 25%), итого, следовательно, на первых порах около $3^1/_2$ миллиардов золотом.

Срок взноса первого золотого миллиарда был назначен на 31 августа 1921 г. Германия, если не считать формально не принадлежащего государству золотого запаса Рейхсбанка и других эмиссионных банков, такой суммой, конечно, не располагала, и казначейство вынуждено было обратиться к внутреннему и мировому рынку. Внутри страны золота было немного, так как оно во время войны утекло в нейтральные страны, главным образом, в Скандинавию и Голландию. Поэтому Государственному банку (Reichsbank'у), несмотря на непрерывное повышение цен на золото, удалось к концу августа 1921 г. извлечь из частных рук не более 12—15 миллионов золотых марок, которые существенного значения для покрытия взноса, конечно, иметь не могли. Основным источником явился выпуск бумажных денег. Германское правительство вынуждено было выбрасывать на главнейших биржах Европы и Америки все возрастающие массы бу-

мажек для закупки золота и надежных иностранных девизи, кроме того, заключить почти на ростовщических началах заем в Голландии Заем этот, благодаря своему краткосрочному характеру, не мог, однако, сократить размеров германских бумажно-денежных эмиссий, так как он сам еще в 1921 году подлежал погашению за счет девиз и золота, которые могли быть куплены Германией только на бумажные марки [1]). Это обстоятельство наряду с резко выраженной пассивностью торгового баланса Германии на протяжении 1921 года привело к тому, что на европейских и американских биржах постепенно накоплялись огромные количества германских бумажек, которые всей своей тяжестью начали давить на курс марки (осенью 1921 г. писали, что за границей находится около 50 миллиардов германских марок). С июля началось катастрофическое падение германской валюты: наиболее устойчивая валютная единица—американский доллар, стоивший еще в июне 75 марок, в начале ноября вскочил за 300, и в настоящее время покупается за 200 с лишним марок.—Вот какой ценой Германия заплатила первый золотой миллиард [2]).

Усиление бумажно-денежной инфляции внутри страны и падение курса германской марки, повлекшие за собой резкий рост дороговизны—с одной стороны, и бешеная протекционистская политика, проводившаяся во второй половине истекшего года большинством европейских стран с целью оградить себя от немецкого демпинга, с другой стороны, поставили народное хозяйство Германии в исключительно тяжелое положение. На рубеже 22 года перед Германией во весь свой рост встал призрак кризиса недопроизводства, вследствие невозможности закупить за границей то огромное количество продовольствия и сырья, без которых «облагораживающая» германская промышленность жить не может. Между тем очередные сроки платежей по лондонскому ультиматуму—15 января и 15 февраля 1922 г.—приближались, и вопрос о германской контрибуции вновь встал перед странами победительницами.

В начале января текущего года собралась *Каннская конференция*, которая в своем заседании от 7 числа приняла принципиальное постановление предоставить Германии отсрочку. Размеров и порядка платежей конференция, в связи с развернувшимися через несколько дней политическими событиями, установить не успела, но большинство представленных на ней стран склонялось к тому, чтобы ограничить германские платежи на ближайший год 720 миллионами марок золотом и 1.450 миллионами зол. марок в виде товарных поставок. Платежи

---

[1]) Количество бумажных денег, находившихся в обращении (включая сюда и банкноты и Reichs- и Darlehenkassenscheine), определялось за 9 месяцев 1921 г. следующими цифрами (в миллионах марок в конце соответствующих месяцев):

апрель	80.681
май	81.175
июнь	84.317
июль	86.035
август	88.144
сентябрь	94.222
октябрь	97.063
ноябрь	108.488
декабрь	122.162

Текущий (нефундированный) долг Германии возрос за тот же промежуток времени с 189,6 миллиардов марок до 264,3 миллиардов.

[2]) Осенний «аннуитет» был покрыт товарными поставками.

эти, таким образом, были бы, примерно, на 1,2 миллиарда меньше требований, предусмотренных Лондонским ультиматумом.

Из представителей Антанты на Каннской конференции наибольшую уступчивость по отношению к Германии проявила Англия. Ллойд-Джордж доказывал, что Англия больше всех прочих стран выиграла бы от хозяйственного разорения Германии, что довоенный конкурент Великобритании был бы окончательно скинут с арены мировой конкурентной борьбы, но что она, Англия, на это итти не может в силу соображений гуманного характера. В действительности мотивы, приведенные английским премьером в оправдание своей уступчивости, представляли собой лишь обычные дипломатические фразы, за которыми скрывается совершенно иной смысл, ибо всякому ясно, что вызванное последствиями войны и грабежом Германии колоссальное сужение ее рынка бьет особенно сильно по экспорту Англии. На самом деле английская сговорчивость по вопросу о германской контрибуции диктовалась и диктуется соображениями иного порядка: Англия боится осуществления гегемонии Франции на европейском континенте, которого последняя добивается самым решительным образом. Что дело обстоит именно так, показала воочию Вашингтонская конференция, когда был поставлен вопрос о подводном флоте великих держав. На конференции предложено было ограничить водоизмещение подводного флота Соединенных Штатов и Англии 60.000 тонн; подводный флот Франции проектировалось ограничить 31.000 тонн. Англия с указанным предложением согласилась, но Франция настаивала на тоннаже не ниже 90.000. Ни для кого, конечно, не могло быть сомнений, против кого направлены домогательства ближайшей союзницы Великобритании, ибо Германия—самый опасный для Франции враг на европейском материке—в конце 1918 года перестала существовать в качестве морской военной державы. А если это так, то Англия должна была ориентироваться и действительно ориентируется на то, чтобы противопоставить своей «союзнице», с ее почти миллионной армией и с ее ненасытными империалистическими вожделениями, экономически и милит аристически более сильную державу, чем та Германия, которая в настоящее время не представляет никакой опасности для восточной границы Франции.

Когда предварительное постановление Каннской конференции стало известно в Париже, там поднялась настоящая буря. Возглавляемая г. Пуанкаре-«La» guerre (война), сенатская комиссия по иностранным делам 11 января телеграфировала в Канн Бриану, что она считает невозможными какие бы то ни было уступки со стороны Франции. На другой день Бриан в последний раз в качестве французского премьера выступал в палате депутатов, оправдывая свое поведение на конференции. При криках негодования всей многочисленной шовинистической клики палаты он заявил, между прочим, что большинство членов репарационной комиссии, основываясь на Версальском договоре, сочло себя в праве предоставить Германии отсрочку [1]) и что с этим постановлением нужно считаться, как с фактом.

[1]) На основании § 13 прил. II ст. 244 Версальского договора, единогласное решение репарационной комиссии требуется, между прочим, в следующих случаях:

c) При полной или частной отсрочке платежей, падающих на промежутки времени с 1 мая 1921 г. по конец 1926 г., дальше конца 1930 г.

d) При полной или частичной отсрочке, платежей, падающих на время после 1926 г., на срок свыше трех лет."

Ни того, ни другого пункта „Репарационная комиссия" формально не нарушила.

Благодаря отставке Бриана, Каннская конференция была сорвана, и вопрос о германских платежах был разрешен Репарационной комиссией временно, впредь до нового ее постановления или до разрешения вопроса союзными правительствами. Согласно этому решению Германия до окончательного выяснения вопроса обязуется, начиная с 18 января, регулярно, каждые десять дней, выплачивать Антанте по 31 мил. золотых марок (за год это составило бы около 1,1 миллиарда вместо 2 миллиардов, предусмотренных Лондонским ультиматумом) и в двухнедельный срок представить планы реорганизации своего финансового хозяйства.

Требуемый план был представлен Германией 28 января. Он предусматривает целый ряд мероприятий в деле урегулирования государственного бюджета. Увеличения доходов германское правительство намеревается достигнуть путем усиления налогового пресса, которое должно сопровождаться борьбой против бегства капиталов за границу, а также значительным повышением железнодорожных и почтовых тарифов. В проекте сокращения расходной части бюджета фигурирует прежде всего отказ государственной казны от субсидий на удешевление продовольствия (стоившее государству в 1921 году 22,5 миллиардов марок) и кроме того переложение расходов по страхованию от безработицы на предпринимателей и рабочих. И то и другое, как видно, проводится за счет дальнейшего понижения и без того крайне низкого уровня жизни германского рабочего класса (цены на хлеб, в связи с германской нотой от 28 янв. 16 февраля повышены не более и не менее как на 75%). Проведением в жизнь всех этих мероприятий германское правительство рассчитывает свести обыкновенный бюджет с излишком в $16^1/_2$ миллиардов [1]) марок (обыкн. доходы 103,2 мд. марок, обыкн. расходы 86,7 мд. марок), которые могут пойти на ликвидацию версальских обязательств. Что же касается размеров и порядка платежей, то Германия в упомянутой ноте не высказывается против цифр, фигурировавших на Каннской конференции (720 миллионов золотом и 1450 мил. товарами), но просит увеличения размеров товарных поставок за счет платежей наличными и выражает готовность участвовать в восстановлении разрушенных областей Франции.

Так обстоит дело теперь, накануне Генуэзской конференции. Какой оборот примет вопрос о германской контрибуции в ближайшем будущем, победит ли на Генуэзской конференции английская или французская точка зрения и состоится ли конференция вообще, сказать сейчас очень трудно. Ясно только одно: *на протяжении двух с половиной лет, протекших со времени принятия Версальского договора, идет постепенный, но систематический пересмотр его основных статей.* Как при пересмотре договора вообще, так и при конкретном разрешении вопросов, которые версальский документ оставил открытыми, ограничившись лишь установлением основных принципов, среди стран-победительниц борются две державы—Франция и Англия. В зависимости от международной обстановки и дипломатических комбинаций, выходящих иногда далеко за пределы европейского континента, берет верх то Англия, то Франция. Правда, до последнего времени французские тенденции при разрешении немецких дел преобладали, и один из существеннейших для Германии вопросов—

[1]) На золото это составляет около 400 миллионов марок.

вопрос о Верхней Силезии, вопреки плебисциту, был разрешен в интересах Франции. Самая промышленная часть этой богатейшей провинции была передана Польше, которая, по словам Кейнса, «должна быть сильной, католической, милитаристической преданной державой, супругой или, по крайней мере, фавориткой победоносной Франции». Но по мере углубления экономического кризиса в Англии, по мере того, как английская буржуазия убеждалась, что без хозяйственного подъема центральной и восточной Европы нет спасения для британского капитализма, наконец, по мере того, как перед Англией все яснее выявлялась перспектива французской гегемонии на европейском материке, она в своей позиции становилась все решительнее и, в конце-концов, даже поставила в порядок дня международной конференции вопрос об установлении экономических и дипломатических сношений с большевистской Россией.

Все это только доказывает, насколько дальновиден был проф. Кэйнс, когда он еще два с лишним года тому назад заявлял, что «необходимо прежде всего избавиться от атмосферы и методов Парижа», а затем уже приступить к осуществлению предложенного им плана финансово-экономических мероприятий. Программа Кэйнса в основном стала программой английского правительства. Оно пытается лечить смертельно больной организм мирового и, в первую голову, английского капитализма по рецептам проф. Кэйнса. Этим путем оно намерено выбраться из невиданного в мире экономического кризиса и восстановить равновесие капиталистического хозяйства.

Но удастся ли, даже следуя заветам Кэйнса, притупить тот дамоклов меч, который висит сейчас над «цивилизованным миром», или мировой капитализм будет взорван под влиянием тех «судорог революции», которых так боится Кэйнс,—это—вопрос, выходящий за пределы настоящего «предисловия».

Ш. Двойлайцкий.

Февраля 1922 г.

568

Автор этой
казначейству во вр
лем на мирной конфер
качестве представителя к
в Высшем Экономическом Сове
мочия, как только стало очевидным, что не оста
жды на существенное изменение проекта мирного договора.
вания его протеста против этого договора, точнее против всей по
тики конференции по отношению к экономическим проблемам Европы,
будут выяснены в следующих главах предлагаемой книги. Они по-
строены на соображениях, понятных для всех, и на фактах, извест-
ных всему миру.

Дж. М. Кейнс.

King's College, Кембридж.
Ноябрь 1919 года.